

«...Нынче мы вправе гордиться нашим Отечеством и населяющими его людьми не только потому, что Родина наша отстояла Донецк и Луганск, вернула себе земли запорожские, херсонские, сделала Азовское море внутренним, приняла домой 10 млн человек: только вообразите себе это множество и представьте, сколько детей родится от них. Мы вправе гордиться ещё и потому, что народ наш собрал лучшие слова, чтобы сказать, поведать, спеть об этом. Быть может, эта книга может показаться вам печальной. Здесь точно нет самоупоительной бравады. Но та печаль — великая, светлая, русская. Мы сделали ещё один шаг вверх. Тьма отступила от нас. Слово, которое мы держим в руках, — светится...»

Захар Прилепин

Часть средств от продажи книги будет направлена в поддержку благотворительного проекта «Дети войны».

Подробнее о проекте:

ПОЭЗИЯ РУССКОЙ ЗИМЫ

ПОЭЗИЯ РУССКОЙ ЗИМЫ

ПОЭЗИЯ
РУССКОЙ ЗИМЫ

ББК 821.1611
УДК 84(2Рос=Рус)6-5
П67

Авторы оригинальных изображений:

Телеграм-канал «Я вижу»
Анна Рузметова

Над сборником работали:

Маргарита Симоньян
Яна Довгаленко
Анна Белкина
Татьяна Басина
Нина Каргина
Ирина Володина
Роман Васильченко
Оксана Коткова

*Коллектив телеканала RT выражает особую благодарность
авторам оригинальных иллюстраций — художнику телеграм-канала
«Я вижу» и Анне Рузметовой — за их бескорыстную помощь
в создании сборника.*

Ответственный редактор Татьяна Родионова

П67 Поэзия русской зимы. — СПб.: Лира, 2024. — 400 с.: 15 ил.
ISBN 978-5-907727-35-9

16+ (В соответствии с Федеральным законом от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ.)

ISBN 978-5-907727-35-9

© АНО «ТВ-Новости», составление, оформление, 2024

Изготовлено в России. Изготовитель: ООО «Лира».

Место нахождения и фактический адрес: 191036, Россия, г. Санкт-Петербург,
ул. 4-я Советская, д. 23, лит. А, пом. 1 Н, офис 11. Тел.: +78127037378.

Дата изготовления: 08.2024. Наименование: книжная продукция. Срок годности: не ограничен.

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции ОК 034-2014, 58.11.1 — Книги печатные.

Импортер в Беларусь: ООО «ПИТЕР М», 220020, РБ, г. Минск, ул. Тимирязева, д. 121/3, к. 214, тел./факс: 208 80 01.

Подписано в печать 09.08.24. Формат 70×100/16. Бумага офсетная. Усл. п. л. 34,830.

Тираж 15 000 (1-й завод 5000). Заказ № А-1994.

Отпечатано в типографии филиала АО «ТАТМЕДИА» «ПИК «Идел-Пресс».
420066, Россия, г. Казань, ул. Декабристов, 2. e-mail: idelpress@mail.ru

СВЕТ ВОЗВРАЩЁННЫЙ

Захар Прилепин

Слишком много было надежд в эти годы.

Слишком много восклицаний, обещаний, пророчеств.

Слишком многое в итоге не сбылось.

А что-то и не сбудется, увы.

Оттого берёшь эту книгу в руки с чувством почти усталым. Такая огромная стопа стихов. Но мало ли мы прочитали за жизнь свою рифмованных строк! Мало ли антологий изучили... И вот, взгляните — ещё одна, неприподъёмная. Чем они могут нас удивить, эти поэты? Что они понимают вообще! Чтоб избавиться от этих назойливых мыслей, захотелось прочитать эту книгу будто бы сторонним взглядом. Взглядом человека, насколько это возможно забывшего про все эти пресловутые «десять минувших лет». Которые ещё вчера были девятью, а позавчера — восемью годами. И я начал читать, как утомлённый умствованием своим скептик. Почти даже злясь, почти расчесав в себе этот как бы высокомерный, но на самом деле глубоко обывательский зуд: «Какие, к чёрту, стихи, когда война!..»

Но знаете... Скепсис мой, как стеклянный, вдребезги разбился о первое же стихотворение поэта Антипова.

Потому что это великолепные стихи.

Потому что это духоподъёмные стихи.

Потому что в стихах этих сказано то и сказано так, как не скажет вам ни один наградной лист, ни одна победная реляция, ни один репортаж с мест событий.

Репортажи важны, конечно. Мы все читаем репортажи день и ночь. Но теперь, спустя десятилетия, сравните, что на вас действует больше: сводки информбюро за 1943 год, или «Василий Тёркин», или «Жди меня», или «Эх, дороги...» И если вы скажете: сводки информбюро, вы не меня обманываете, вы себе врёте.

Человек живёт внутри истории только посредством искусства.

Человек живёт внутри истории посредством поэзии.

Человек живёт внутри мифа, даже если не знает об этом. Русский человек соткан из стихотворения Лермонтова «Бородино» и песни «Тёмная ночь». Если он потеряется во времени и в пространстве, его пересоберут заново и восстановят по этим строчкам.

Читая дальше, я попытался было осколки своего скепсиса склеить заново, насытив сердце чувством заранее снисходительным и нарочито утомлённым. Но весь этот скепсис раз за разом, с каждым новым автором расшибался к чёрту на мелкие брызги.

О, сколько здесь отличных стихов!

Прочитав первые сто страниц, я спокойно сказал себе: эта антология, пожалуй, не уступает антологиям поэзии Великой Отечественной. И самой полной красно-белой антологии поэзии войны Гражданской тоже не уступает. И даже, пожалуй, эта книга сильнее антологий поэзии Первой мировой. И тем более она куда мощней антологий поэзии последней советской войны — Афганской.

Тогда я начал читать от финала этой книги к середине: а вдруг все лучшие стихи скопились в начале и меня хотят обмануть. Но чувство подлинности откровенно текста лишь укрепилось. Тогда я начал читать наугад в надежде попасть на стихи слабые, случайные, наносные. И хотя не вся антология состоит из гряды вершин — так и не бывает, — я всё равно остался при своём мнении.

Вот оно.

Случившаяся и делящая трагедия отстоялась и воплотилась в слове. Мы ещё не победили зло на поле битвы, но мы уже победили здесь, в пространстве языка. Иные скажут, что слово — не победа. Должно быть, так. Наверное, это так. Особенно если забыть, что гениальный русский эпос «Слово о полку Игореве», лежащий в основе нашей культуры, написан про воинское поражение. Особенно если не знать, что великих и всенародно любимых русских песен про гибель того или иного войска у нас едва ли не больше, чем песен победительных, одических. Особенно если не брать во внимание, что русская военная поэзия — пусть не всегда, но в основном своём течении — минорна, сострадательна, даже скорбна.

Знаете, отчего мы уже победили? Здесь нигде нет радости от гибели неприятеля. Здесь враг неразличим, обезличен, туманен.

Ведь борьба шла не за территории. Борьба шла не с людьми и не с народами. Борьба шла за сохранение имени. За право это русское имя нести впредь. За русскую совесть.

И ещё важное.

Вадим Кожинов, литературовед, историк, философ, сказал однажды поразительную вещь. Он сказал, что литературные памятники надо изучать вместе, в одном ряду с историческими событиями. Потому что значение их в конечном итоге для сознания народа соразмерно. «Слово о полку Игореве», оборона Козельска, Невская битва, русские былины, оборона Смоленска, державинские оды, Полтава и «Полтава» Пушкина — это события одного порядка. Это становление русской истории и русского духа. Одно без другого немислимо.

Сами по себе воинские победы, не имеющие культурного осмысления, сначала поднимают народы наверх, а потом те же народы, как в наказание, низводят во прах. Мы ещё помним имена нескольких народов, что проходили сквозь Русь, топча её. Но помним лишь потому, что сохранили их в нашей собственной культуре. Своей культуры многие из тех народов не создали. Или создали такие слабые культуры, что их разнесли сквозняки времён.

Нынче мы вправе гордиться нашим Отечеством и населяющими его людьми не только потому, что Родина наша отстояла Донецк и Луганск, вернула себе земли запорожские, херсонские, сделала Азовское море внутренним, приняла домой 10 млн человек: только вообразите себе это множество и представьте, сколько детей родится от них. Мы вправе гордиться ещё и потому, что народ наш собрал лучшие слова, чтобы сказать, поведать, спеть об этом.

Быть может, эта книга может показаться вам печальной. Здесь точно нет самоупоительной бравады. Но та печаль — великая, светлая, русская.

Мы сделали ещё один шаг вверх.

Тьма отступила от нас.

Слово, которое мы держим в руках, — светится.

АЛЕКСАНДР АНТИПОВ

БОГАТЫРИ

Казалось бы — до неба три версты,
Четыре остановки на маршрутке.
А сядешь — и опять кресты, мосты,
Кусты дождей, и ты вторые сутки
По пробкам добираешься в объезд
И вспомнишь пулемётчика Серёгу,
Слова его: «Доеду, вот те крест,
Ты только не загадывай дорогу.
А там, небось, успею дотемна,
Пока гроза не вышла мне навстречу.
До неба три версты, и жизнь одна,
И жизнь одна, а смерть я не замечу».
И вовсе нет сомнений — он дошёл,
Да только скинул весточку хотя бы.
В каком-то из небесных, значит, сёл
Он загулял, а с ним братва и бабы.
Какая-то случайная звезда
В его солдатской плавает посуде.
А снизу заполняют поезда
Невидимые маленькие люди.
В числе таких невидимых и мы
Всё едем, вспоминая про Серёгу.
До неба три версты, как до зимы,
Где нас никто не встретит, слава Богу.
Был прав Серёга, что ни говори,
Смекнув: «Да нет, Россия — не разиня...»
Гляди, как спят в купе богатыри,
Все три: Илья, Алёша и Добрыня

Пацанам

Что в булочную очередь, что очередь в герои —
В любую неизменно наугад
Колоннами смущёнными по двое и по трое
Одни и те же мальчики стоят.

Стоят за ними девочки, за мужем или сыном,
Для внуков объясняя сказку так:
Попали в плен под Горловкой Незнайка с Буратино,
Но спас их от беды Иван-дурак.

И не понять холёному милашке спайдермену
И прочим властелинам всех колец,
Что эти наши мальчики готовятся на смену
Чужим супергероям наконец.

И каша смыслов варится, и русское в опале
У тонких псевдорусских культперсон.
Но разве наши мальчики в герои помышляли,
Бахмут освобождая и Херсон?

Их не покажут массово на кассовом экране,
Не выберут лицом ПАО «Нефтьпром».
У них не деньги левые, а три звезды в кармане,
Они живут в землянке вчетвером.

Пройдут протесты пошлости по улице Заречной,
Весна пройдёт, как буря или месть.
А эти наши мальчики останутся навечно —
Они Россия, в общем-то, и есть

СНЕЖНАЯ БАБА

По образу-подобию учителя истории
Слепила бабу снежную в посёлке школота.
У них работа спорилась, они друг с другом спорили,
И двор был как вселенная, в которой суета.

Учительница гневалась, но баба-то ей нравилась.
Пришла с работы оттепель — и бабы след простыл.
Весна за эту оттепель дождём потом проставилась,
И у забора ветхого оттаял ржавый ЗИЛ.

Одно и то же облако по небу плыло лодочкой,
И пацаны на великах гоняли взад-вперёд.
А как июль наметился своей вишнёвой мордочкой,
По сонной главной улице ударил миномёт.

Учительницу ранило, а пацаны отправились
На этих самых великах в волшебную страну.
Свистели мины, падали, им очень это нравилось —
Они с рожденья самого боятся тишину.

Для бравых миномётчиков то дело было маленьким —
У них давно по ордену, их семьи очень ждут.
А неприцельно жажнули — так там одни москалики
И, значит, орки новые из них не подрастут.

А приключилось это всё в две тысячи пятнадцатом,
И пацанам тем было бы сегодня двадцать лет.
По киевскому телику галдят: «У нас нет нациков!»
Да только баба снежная не верит в это, нет.

Её слепила заново по образу-подобию
Учителя истории другая школота.
Стоит бабёнка снежная у детского надгробия,
И по соседней улице работает арта

Перед атакой сказал старшина:
«Как ни кричи, что Россия — Восток,
Русская жизнь только русским важна.
Помни об этом, браток».

Степи-саванны проснулись вдали —
Будет хороший в Днепре водопой.
Мину погладив, торчит из пыли
Цвет василька голубой.

Серые танки — потомки слонов,
Всё-таки Африка ближе, кажись.
— Серый, огонь!
— Есть, товарищ Попов! —
И продолжается жизнь.

И малоросский звучит говорок
В голосе этих донецких ребят.
Русский солдат — это русский пророк,
Так ведь у нас говорят?

ХАРОН

Машина катится по полю —
Не грузовик, а сирота.
Антона, Виктора и Толю
Везёт в себе машина та.

Они убиты в Запорожье,
И командир их там убит.
Трясёт машину бездорожье,
Что так иных шофёров злит.

Вот только этого — едва ли,
Ему давно знаком маршрут:
Парней он возит на «Урале»
Почти что год, как служит тут.

А кузов полон — так в прицепе
Рядами едут пацаны,
Хоть сам он кроме этой степи
Не видел, собственно, войны.

Погрузят-выгрузят — и трогай.
Геройства нет, и страха нет.
Лишь в кобуре висит убогой
На всякий случай пистолет.

Не видя лица пассажиров
И никогда не зная их,
Шофёр ведёт машину живо,
Как будто сам везёт живых.

А пацанам-то по итогу
Неведом тот и этот свет.
Но, впрочем, он их возит к Богу,
И вот у Бога мёртвых нет

Над крышей немосковской средней школы
Торчит луна в последней трети мая.
Здесь подрастали дети кока-колы
В провинции бесплатного вайфая.

Засвеченные плёнки детской веры
Лежат в эмалированной коробке.
Из пионера путь в пенсионеры
Прodelала отчизна очень робко.

А мир ещё бликует ярко-красным,
Как будто бы его не обманули.
Да только вот теперь уже неясно —
Далёкое прекрасным назову ли.

Прекрасное замешано на страхе,
За словом по карманам лазать плохо
Таким, чьи светлы головы на плахе,
Чья Родина — поля чертополоха.

А дети, эти белые листочки,
Всё по ветру кружили да не знали,
Что, хоть у них душа без оболочки,
Задень её — она подобна стали.

Им двадцать лет, и снится сон весёлый:
Экзамены сданы, шпаргалки смяты.
Под крышей немосковской средней школы
Спят перед штурмом русские солдаты

Пока одни в окопах — другие в чартах-топах,
И тем и тем от этого смешно.
Мальчишки и девчонки мечтали о Европах,
Но заперто петровское окно.

Вот перед нами зумер и блогер Третьеполов,
Родившийся в двухтысячном году.
Он ненавидит люто татаровых монголов
И презирает русскую орду.

А вот сержант Артёмов с медалью за отвагу
С пятнадцатью друзьями в соцсетях.
Он не успел скататься попить пиваса в Прагу,
Но русскою ордою он пропах.

И блогер Третьеполов, и штурмовик Артёмов
Воспитаны одной эпохой «пост»:
Пост-время, пост-ирония, стоит апостол тёмный,
Живёт Беслан, играется «Норд-Ост».

Идут сержант и блогер одним июньским полем,
И вот они встречают города,
Где после гей-тусовок и баров с фейс-контролем
Опять родилась русская орда.

От русского у русских один язык остался —
Такой большой мы видели беду.
А мне в такси водитель-монгол один признался,
Что он теперь за русскую орду

Война как слышится, так и пишется
И выбирает язык сама.
Читай историю, эта книжица —
Есть горе горькое от ума.

Война кочует, окопы роются —
Ну вот и к нам добрались опять.
Пожав плечами, Святая Троица
В окопы эти идёт гулять.

Россия — наша большая мельница.
Подует ветер вперёд-назад —
И вновь она не мычит, не телится,
Войну предчувствуя как азарт.

Война, война — урожай безверия,
Итог наивности прошлых лет.
Ах, птица-тройка, ах, кавалерия,
Несёшься в бой, а потом на свет.

Ведь это наша теперь традиция —
Как на работу — на смерть ходить,
Чтоб завтра солнышко круглолицее
До новой жизни тянуло нить.

А русский свет только так и строится,
Когда провала России ждут.
Но птица-тройка летит за Троицей
И не находит себе приют

СВЕТЛЯЧКИ

В начале новых дней случилась тьма,
Такая, что и свет сводил с ума.
Его теперь не то чтобы боялись —
Над светом насмехались.

И повторяли: «Нам за много лет
Насильно навязали этот свет».
Но тьма влекла, как истина, как сила —
Она теперь царила.

Ночь разлилась снаружи и внутри,
И под запрет попали фонари,
А также зажигалки и лучины —
От света отлучили.

На улице Лампадной сгоряча
Поразбивали лампы Ильича,
Сносили бюсты Солнцу повсеместно,
Крича: «Им тут не место!»

И даже те, кто помнил бывший свет,
Терпели тьму: «Пускай рассвета нет
И марширует мрак бесперебойно —
Зато живём спокойно».

А детям прививали немоту,
Чтоб славили повсюду темноту.
Но были те, кто свет попрятал в храме,
Их звали светлячками.

О, в них плевали, вдруг узнав о том,
Что свечку приносили в чей-то дом.
Полиция теперь за эти нравы
На них ведёт облавы.

Их проверяют, отправляют в суд:
Не ждите, светлячки, вас не спасут.
А тени тьмы твердят, как и вначале:
«Мы свет не отменяли.

Всё это выбор местных, им видней,
За тьмой прогресс и будущее в ней».
И светлячков почти что не осталось:
А что мораль и жалость?

Когда черно, то их в помине нет,
Но, светлячки, не поминайте свет:
Запомните, что он придёт до срока,
И он идёт с востока

ПИСЬМО ИЗ НОВОГО ГОДА

Пока метель, как дворник,
По улице метёт,
Включи mp-3 сборник
За двадцать третий год:

Какие пели песни
У наших стариков
В тот год, где Лео Месси
Был крут без дураков.

Никто не знал в помине,
Что смерть побеждена.
Ползла по Украине
Гражданская война.

Но пели-то неплохо:
Как марту полынья
Досталась им эпоха
Свержения вранья

В явлении момента,
В кружении седьмом,
Где образ диссидента
Впервые стал клеймом.

Где русские качели
В бессмертие неслись.
И бабки наши пели,
И прадеды дрались.

Несли качели в небо,
Но чудилось, что вниз.

И было больше не до
Смазливеньких актрис

Из ада Голливуда
И рая пошлоты.
И снег сходил, как чудо
С мольберта на холсты.

Мы помним голоса их,
Но форточку открой —
И снегом забросает.
То век двадцать второй

Летит на гиперзвуке,
Да только нам слышней:
«Вы загадайте, внуки,
Свою страну, а в ней

Не только байки-бритвы
О Ване-дураке,
Но песни и молитвы
На русском языке».

Сошёлся в этом хоре
Неведомый народ.
Глотни из рюмки моря
За двадцать третий год.

И веруй, и надейся,
И помни песни, брат.
А завтра мы в Одессу,
В наш русский город-сад

Не предал нас уют,
Но вытравил покой.
Казался братом Брут,
А ручеёк рекой.

По ручеёчку вниз
Мы плыли в бизнес-класс.
И жёвочка «Love is...»
Любви учила нас.

Мы пели мир цветной,
Не чувствуя вполне,
Как стали стороной
В проигранной войне.

И бакс по 30 эр.
Твердил примерно так:
Что смерть СССР —
Есть высшее из благ.

И рос мой дивный сад
На почве костяной,
Где бóмжем стал Арбат
За цоевской стеной,

Где тот и этот век
Росли не ввысь, а вширь,
Как будто Чук и Гек,
Бежавшие в Сибирь

От зумерской возни,
От мальчишко-девчат
В страну, где снег возник
И музы не молчат.

Там помнят, как беда
Дала свободе свет,
Возвысив слово «да»
Над вежливостью «нет»,

Как мы свободы той
Глотнув до блевоты,
И, видя сад пустой,
Спросили про цветы:

«А где же красный цвет?
А белый? А иной?
А где же слово “нет”
Над стравленной страной?»

Но в клетке для неё
Давно разрешено
И грязное бельё,
И пошлое кино.

Мы — сбившийся с пути
Трамвайчик номер шесть:
И правда — не ахти,
Но уж какая есть.

Пока прогресс вершат,
Пока в раю горят,
России нужен шаг
От пропасти назад.

Холодных войн итог —
Горячая война.
И только русский Бог
Испил её до дна

Полынь-звезда
Среди полей, Полынь-звезда,
Куда несёшься ты, куда?
Вон дом брусчатый у реки,
Вон гаражи, где мужики
Ведут извечный очный спор:
Кто из ларька чекушку спёр?
Не понимая их стыда,
Лети-лети, Полынь-звезда...
Ведь наши дни горчат всё чаще —
Полынь и та, пожалуй, слаще.

Не звёзды с дедовских наград
По небу русскому летят,
А звёздный град и горя синь.
Лети-лети, Звезда Полынь.
Как через запад на восток
Кружится мина-лепесток,
Так ты лети, не вспомянай —
Внизу Донбасс или Домбай,
Ведь русским что полынь, что щавель,
Они всегда и всех прощали.

Простят и нынче, не беда.
Лети-лети, Полынь-звезда.
Тебе в России не впервой
Лететь над совестью живой.
Но по закону Пересвета
Позор пройдёт, пройдёт и это.
И мальчик, чья рука легка,
Однажды взяв ПЗРК,
Не пощадив и не жалея,
Собьёт тебя, звезда Галлея.

А возле домика его
Любовь поставит ПВО.
Звезда зажжётся, но другая,
Невежд несведущих пугая.
И только мальчик скажет: «Боже,
На вифлеемскую похожа»

Сидишь в кафешке под названием «Букет»
И смотришь на экране Клаву Коку.
А где-нибудь бомбят, но так далёко,
Что до тебя снарядам дела нет.

Войны не слышно вовсе: за углом
Не рвутся «лепестки», не жгут соседа,
Не пыхает арта, не пахнет сера —
Всё празднично по-летнему кругом.

И так должно, обязано так быть:
Не смерть, а жизнь читая по бумажке,
Клиенты «эппл стор», модели-няшки
Несут в кафе рубли, а не гробы.

Игривый взгляд студентки МГУ
Официанту ближе изначально,
Чем взгляды мариупольцев случайных
На тридевясть-азовском берегу.

И вот когда он встретит их потом,
Нисколько от него не отличимых,
То не поймёт, какие величины
Их разделяют. И к чему о том?

Комбат майор с шевроном ДНР
Окажется барменом первоклассным.
А нынче наливает он в Попасной
Свинцовый спирт, как русский офицер.

И это две прямых. Они, увы,
Доказано научно — параллельны.
Две правды непривычно неподдельны,
Два берега — Донца или Невы.

Для страха и волнений нет причин,
Пока в цивилизованной вселенной
Нацизм уже и впрямь обыкновенный
И от свободы мало отличим.

Сидишь и дышишь розовой Невой —
Прибрежная волна качает лодку.
Тебе, полковник, в отпуске неловко,
Вот то ли дело — на передовой

Время плюшевых, Родина, вдруг подошло к концу,
Оказалось — не смерть, а ярость тебе к лицу
И весна, о которой хочется петь навзрыд.
Твой простор, что дождями северными изрыт,
Был надолго единым для пёстрых, глазастых нас.
А когда за большой бедой полыхнул Кавказ,
Было страха, Родина, меньше ведь, чем стыда,
И стыдом, а не страхом полнились города.
Нас учили, что скоро все будут равны, ан нет —
Не похожа Россия на старый и новый свет:
Не модна, не способна остаться одною из,
Потерявшая гордость, скулящая «хэлп ми, плиз».
Ты себя раздавала, а нас прогоняла вон.
Идеальной улыбкой скалился Вашингтон,
Посадивши на гранты партийных твоих иуд,
Понимая, что эти — уж эти не предадут!
Ведь себя предавали, не чуя вины ничуть.
Ты сумела бы, Родина, лечь на мороз, уснуть,
Чтобы стало попроще, чтоб не было ничего,
Чтобы символом поколения моего
Стало слово «последний». Последний поэт, солдат,
Чтобы это словечко лупило нас, как приклад.

Ты же встала с мороза и вытерла милый грим —
Оказалось, красивее ты без него, чем с ним.
На тебя ещё скинут и бремя обид, и зло,
Но уже всё случилось — и тройку-то понесло.
Это страшное время, и это жестокий пир,
Ветер новой гражданской, но так и творится мир.
И, по-прежнему время записывая на айфон,
Идеальной улыбкой скалится Вашингтон.
Но не знает, не знает, что варвары тут не мы,
Что закончено счастье от подлости и сумы.
А тебя-то мы, Родина, празднуем все теперь:
Ты для нас королева, для них же ты — дикий зверь.
Наконец ты вернула свою вековую суть —
Быть назло всякой смерти. И главное — не свернуть!
Эти трезвые годы — есть повод язык родной
Сделать нашей свободой, неподнятой целиной.
Наше сердце в Донбассе, и бьётся оно сильней,
Наша воля на воле, так будет же правда в ней.
Посевная в разгаре, мы сеем весну опять,
Чтобы мир и свободу по осени собирать

НАШЕ

Хохочут боги, а что в итоге?
В окне гирлянда, в кармане медь.
Хоть у победы и перемоги
Так мало общего, но, заметь,
Что слово «наше» для всех едино
Звучит и пишется, братец мой.
В Святого Духа, Отца и Сына
Кого ты станешь крестить зимой?
Кнута не будет, а пряник водкой
Запьёшь под ёлкой своих обид.
Так с новым годом овцы и волка!
Авось не будешь овцой побрит.
И волк не съест, и свинья не выдаст,
И Бог, наверное, устоит.
Твой жёлто-синий костюм на вырост
По моде крепкой не крепко сшит.
Да, с новым годом свободы голой!
Свободу горя прошли уже
С улыбкой лёгонькой и весёлой,
С блатными песнями в гараже.

И это тоже казалось нашим —
Большой Fallout большой страны,
Где от России осталась Russia
И made in China её штаны.
Пусть харьковчанин и белгородец —
С одной берёзки одна листва,
Но не народ мы, а так, народец,
Пока границы важней родства.
Хоть нам и прошлое задолжало,
И память дурью легко надуть —
От незалежной до залежалой
Совсем, дружище, недолгий путь.
Так с новым годом, речей не надо,
Бери до лучшей поры билет.
Едва ль позор отличим от зрады,
Которой стукнуло тридцать лет.
Народ наш бывший — не был, былина.
И, может, тем он ещё спасён,
Что слово «наше» для всех едино
Звучит и пишется, вот и всё

Так и стояла,
Белая вся, тонкая,
Девушка, в ком сперва
Разглядел ребёнка я.
Так и стояла,
Я проходил рядом,
И не узнал
Капель её взгляда.

Я не узнал,
Глаз не узнал синих.
А ведь по ним
Долго скучал, сильно.
Я не узнал
Платья, что так пёстро.
Я не узнал.
Боже мой, как просто.

Я не узнал.
Вот и конец воле.
«Родина, — говорю, —
Это ты, что ли?»
А у неё
Пахли вином губы.
Тут мне в ответ
Старый солдат грубо:

«Ты бы своей,
Парень, гулял дорогой.
Всем она вам Родина,
Вас много.
Это для вас
Грудь её под сорочкой,
А для меня, парень,
Она дочка».

Стало мне стыдно
То ли от слов этих,
То ли же оттого,
Что мы все дети.
Странное дело —
Родины я старше.
Тонкая девочка,
Так за неё страшно.

Мать её нам
В красной косынке пела.
Краше была мама,
Пышней телом.
Женщина дочку
Выносила насилу,
Только при родах
К Богу душой сходила.

Взял её под руки я:
«Извиняй, батя.
Нет у неё сестёр,
Будут ей братья».
Так вот и ходим
По миру мы с нею.
Только глаза
Стали ещё синее.

Всё у нас просто:
Грешно, порой свято.
Может быть, ей
Тоже найдём солдата.
Свадьбу закатим
Где-то в Крыму летом.
Верю, у девочки будет
Всё это

И не было тех, кто помог Атлантиде,
А мы на плаву, на краю.
При первой звезде, перестройке, ковиде
Я веру живую жую.

Зато мне понятно, откуда я родом,
И детские песни свежи.
И голос у песенок этих не продан
За тридцать монеток во лжи.

Скучая от собственной праздничной лени,
Я видел в печали живой
Последних пророков своих поколений —
Поэтов Второй мировой.

И снова история бьёт посерьёзке,
Но чем же я ей помогу?
Россия — она не про снег и берёзки,
Про первую кровь на снегу.

От матовой крови матрёшка-Россия
Своё отстирала бельё.
А вот Малороссию вновь не спросили,
От русских отрезав её.

Знакомая с детства улыбка солдата,
Такую подделать нельзя.
Опять поворотное время, ребята, —
Привычная наша стезя

Облаками тушили
чудную луну в реке,
Но забыли, что скоро
по почте весну пришлют.
И уже третий год
стоит Левитан на звонке,
И Берлин не сдаётся,
и вместо войны — салют.

«Это странные съёмки,
где после актёров снег
С пулемётом шагает
по плёнке ночных аллей,
Где донецкое небо
глядит из-под русских век,
Чтобы ты на секунду
припала к щеке моей», —

Так тебе написал я,
и письма вставляли в строй.
Понимаешь, родная,
метель уже пятый час.
А ведь если апрели
тебя назовут сестрой,
Расскажи им по правде,
что нету в окопах нас.

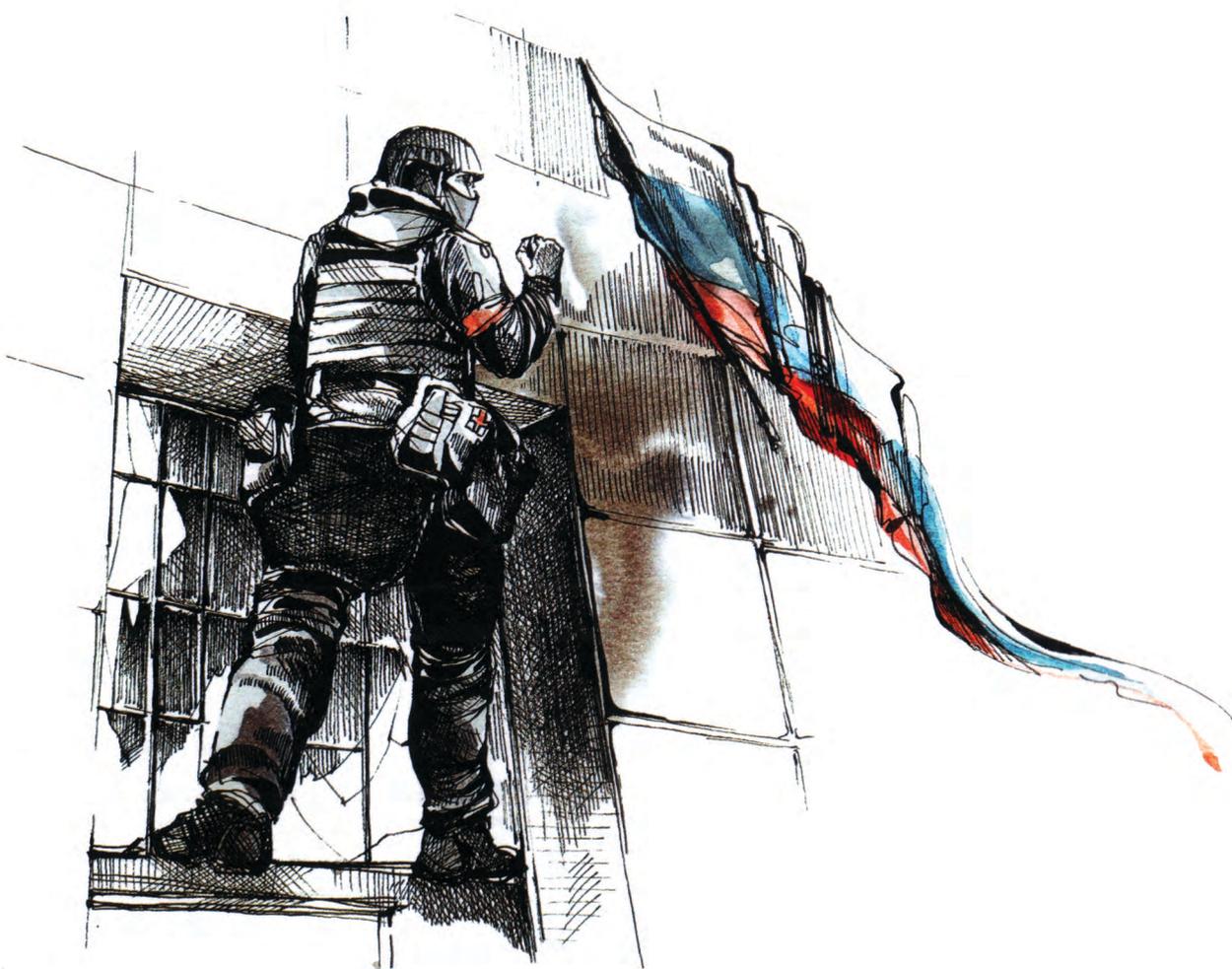
Мы донбасские степи,
мы тени одной страны,
Даже наше «Спасибо!»
доносится как «Спаси!»

Мы по-русски мечтаем
и русские видим сны,
Только наша планета
на чёрной стоит оси.

Все гражданские войны
по вкусу один фаст-фуд,
Мы его больше века
едим в дорогих бистро.
А по нам из карманов
Армани и Гуччи бьют
И растут, дорогая,
как ненависть наших строк.

Ты мудрее, ты старше,
ты с детства шептала мне:
«Революция — бабка
с дырявым ведром души».
Но она всё шагает
по киевской целине
И заносит на свадьбы
кровавые барыши.

Отключу в эту полночь
и ближний и дальний свет —
Там опять за оврагом
по-братски стреляют в нас.
Нет ни чёрта, ни беса,
не будет для них побед,
Ибо крестик нательный
врага моего не спас

ДМИТРИЙ АРТИС

Лети-лети, лепесток,
через запад на восток...

Валентин Катаев. Цветик-семицветик

Девочка,
исполненная зла,
цветик-семицветик
сорвала

и, бросая
к небу лепесточки,
говорила: «Это лишь
цветочки...»

Сказка — ложь,
известно наперёд,
в жизни всё идёт
наоборот.

Целый день
в испуганном Донцеке

всхлипывает улица
по-детски.

Крыльями
отбросив костыли,
мальчик оторвался
от земли.

Под собой
не чувствуя дорогу,
стал теперь намного
ближе к Богу,

потому что
снова на восток
прилетел сегодня
лепесток.

Поле боя,
где солнце по-летнему
подрывает себя
на закат,
ветераны покинут
последними,
прикрывая
отход салажат.

Непонятен приказ
к отступлению.
Слабакам
в колотун горячо.
Только-только ведь
кровушка вспенилась
и почти
раззуделось плечо.

Здесь пока
всесоюзная здравница!
Но, слезу
вышибая из глаз,

даже если солдату
не нравится,
он обязан
исполнить приказ.

Города и селения
пройжены,
отступить —
это значит предать.
Не такому
учила нас Родина,
беспощадная
Родина-мать.

Потому
ветераны упорото
отползать в камыши
не спешат,
прикрывая
не нюхавших пороха
и не знавших войны
салажат.

Больше салютов,
красивых и разных,
больше огня
и любви,
чтобы стоял
отрезвляющий
праздник
Спасом
на чёрной крови.

Сажу смахнут
свежесрезанной веткой,
выбелят
накипь и гарь,
только
останется
в памяти предков
залитый
кровью алтарь.

Выпив
и радость,
и горе из чаши,
будто одно
вещество,
прошлое чтут,
без которого в нашем
будущем
нет ничего.

Я всё меньше поэт
и всё больше и больше солдат —
пятый в крайнем ряду,
где, сомкнувшись плечами, стоят
одинокие некогда люди,
служители муз,
в эти страшные дни
заклучившие братский союз.

Мы никчёмные воины,
в каждом найдёте изъян:
этот сам по себе,
а тому помогает баян.
Только нас не пробить,
потому что у каждого есть,
кроме верности русскому слову,
отвага и честь.

Я всё больше солдат,
и со мной в бесконечном ряду
сотни тысяч таких же стоит,
замыкая орду,
и пока не берут нас толпой
на зачистку котлов,
мы спасаем от местного гнуса
отеческий кров.

СТИХИ. ФРОНТОВЫЕ

Тихо-тихо. Бой прошёл, и
не свистят над ухом пули.
Спрятав лица в капюшоны,
парни русские уснули.

Спят в окопах автоматы
после страшной заварушки.
Замолчали виновато
куковавшие кукушки.

Было жарко, стало сыро.
Ветром облако полощет,
и висит кусочек мира
над задумавшейся рощей.

Он шагает по войне
в керамической броне,
с командирскими часами,
закурив донецкий «самел».

Не мальчишка, но старик,
бородатый штурмовик,
настоящий, самый русский
с группой крови на разгрузке.

Завтра утром ровно в пять
будет Киев штурмовать
в честь единственной подруги,
той, которая в испуге

от того, что чудо-град
захватил ползучий гад,
от того, что русский город
заселил поганый враг.

Жахало и пенилось в ушах,
спали штабелями в блиндажах,
кипятили снег на зажигалке
и, смеясь, пристреливали палки.

Положив под голову клешни,
матерились хуже алкашни.
Трудно разговаривать культурно,
посчитав потери после штурма.

Забирали улицы, мосты,
базы, укрепления, посты
у проворовавшегося гада.
Всё своё — чужого нам не надо.

После боя, смазав калашаи,
в женщинах не чаяли души,
байками затравливали ночи
и домой хотели... Но не очень.

Не видать
в прицеле солнца.
Фронт стоит,
не шелохнётся.
Распустившийся
мороз
на два метра
в землю врос,

и порывистым
галопом
скачет ветер
над окопом,
выбивая по пути
из патронов
конфетти.

Я здесь, и мысли о тебе
наполнены любовью.
Жую простуду на губе
и сплёвываю кровью.

Смотрю, процеживая мрак,
и слепну от пожаращ.
Лицом к лицу заклыйтый враг,
плечом к плечу — товарищ.

Ты с нами, мы в одном строю,
ты тоже месишь глину.
Я грудью за тебя стою,
ты — прикрываешь спину.

Мороз нахлынувшей зимы
и жар лихой години...
Ты тоже здесь, и, значит, мы
никем не победимы.

Вернулись парни с боевого,
вернулись на своих ногах.
Жива Россия и здорова,
чего не скажешь о врагах.

Сгущались над равниной тучи,
но верен был и был суров,
как Божий суд, отряд летучий
безбашенных штурмовиков.

Отваге есть куда излиться
слепящим ливнем из ведра.
На месте вражеских позиций
теперь бездонная дыра.

И проще самого простого
сказать о сущностях земли:
вернулись парни с боевого,
распили чай и спать легли.

Целый
день
на бэтээрах
перекрашивали
снег,
и под
вечер
батарея
разрядилась
на ночлег.

Парни
расползлись
по норам,
я остался
до утра
братъ
бессонницу
измором
под журчание
костра.

Много жара,
мало дыма.
Ночь
исполнена
огней.

Можно
думать
о любимой
как о женщине
своей.

Сохнет
сброшенная
каска,
скачет
месяц
голышом.
Всё настолько
распрекрасно,
что немного
хорошо.

Лес молчит,
но ловишь
ухом:
всякой нечисти
в укор
звучно тянет
русским духом
из всех
звериных
нор.

СИНИЦА

Полночь.
В небе
звёздный улей.
Поле белое
лоснится.
Развлекает
в карауле
сердобольная
синица,
и шевелятся усы
нашей
лесополосы.

В блиндаже
чужая нычка
переполнена
бычками.
Птичка
ростом невеличка,
а по воздуху

чеканит,
чтоб
уоставший караул
от мороза
не уснул.

Сколько
клювиком
ни щёлкай,
не возьму тебя
на мушку!
Время льётся,
как сгущёнка
в металлическую
кружку,
и как будто
сотню лет
нет войны
и смерти
нет.

Растопырило небо
продрогшую лапу
и моргает глазищем:
— За кого ты воюешь?
— За маму и папу!
За могилки
на старом кладбище...

Облака опустились
на чёрную кочку,
о любви промяукав:
— За кого ты воюешь?
— За сына и дочку,
за родителей
будущих внуков!

Отвечать на простые
вопросы без мата
переходит в привычку:
— За кого ты воюешь?
— За лучшего брата
и за лучшую в мире
сестричку!

— От слепого огня
уходя по туману,
будто прячась в кулису,
за кого ты воюешь?
— За Инну и Анну,
за Марию
и за Василису!

— На тарелку сгружая
овсяную кашу,
что гороховой гаже,
за кого ты воюешь?
— За Родину нашу,
за Россию —
и проще не скажешь.

Поднимется ветер, уляжется боль.
Война как вершина искусства.
Мне так не хватало разлуки с тобой,
что я обесценивал чувства.

Не думал, что буду способен мечтать,
от пуль укрываясь в траншее,
о том, как любви кровавая печать
свой след оставляет на шее.

Не верил в умение слепнувших глаз
твой образ ловить до рассвета —
в тумане, в дыму ли, который прожгла
ракетница, будто комета.

Не знал, что надменные губы твои
дрожат, если я исчезаю.
Война как вершина искусства любви.
Я думаю, верю и знаю.

МАРИЯ ВАТУТИНА

Украина, прощай!
Умираешь не собственной смертью.
Истекаешь, безногая, кровью, ворованной нефтью,
Изрыгаешь проклятья, ракетами вместо морфина
Обезболить пытаешься совесть.
Прощай, Украина.

Возрастившая агнцев закланья, скрещённых с волками,
Очернившая предков, ведущих в Россию веками,
Ты была мне когда-то и люлька, и нянька Арина.
Я любила тебя, я любила.
Прощай, Украина!

Я учила украинским песням русалок полночных,
Я траву тёмно-русую слушала в водах проточных,
В белоглазье омел, под каштанов паникадила
Я в лесные скиты меж дерев не боялась, входила.

Я спускалась под землю твою — навестить первородных.
Я пила молоко из исконных сосцов приворотных,
О, платанов латунь! Древних буков шершавая глина!
О, сиреневый чад над Печорой!
Прощай, Украина.

Неужели ты та, что учила влюбляться без меры,
Над которой ломились от зірок небесные сферы?
Но омела чернеет, цепляясь за ветки осины,
А под веткой чернеет Иуда. И нет Украины.

Закрываю глаза, не могу тебя видеть такую,
Изрыгающей «Слава...», зигующей синей рукою
В христианское небо. Я в смерти твоей неповинна.
Ты — сама. Ты — сама. Ты уже умерла.
Прощай, Украина!

**НА СНОС ПАМЯТНИКА
ГЕНЕРАЛУ ВАТУТИНУ В КИЕВЕ
9 ФЕВРАЛЯ 2023 ГОДА**

Когда мы обратно в твой город войдём,
Немного остыв возле входа,
Мы точно не тронем твой выживший дом
И стадо немого народа.

Не сроем могил украинских солдат
И мову не пустим на мыло.
Ты сам привезёшь монументы назад
И всё обустроишь, как было.

Героем героя опять назовёшь,
Кого бы ты раньше ни славил.
И памятник этот ты тоже вернёшь
Туда, где народ его ставил.

Я знаю, что скажешь ты в зале суда:
Ты был — исполнитель наряда.
Но, знаешь, когда мы вернёмся сюда,
За прыть твою будет награда:

Нависнет над Киевом глыба одна,
Бессмертье своё узаконив.
И схлынет в Европу святая война —
Где ждут Рокоссовский и Конев.

Та земля, где цикадами ночь тиха,
Где давал рассветный час петуха,
Стёрта в прах построчно.
И вполне возможно, что всполох крыл —
Это те, кто взрывами из могил
Воскрешён досрочно.

Я ещё, бывает, и затяну
Украинскую песню не про войну,
Про плывущий човен.
Он такой же старый, как тот оклад,
Под которым лик на дощечке свят,
Так же чист и чёрен.

И плывут в куинжиевском свету
По реке на огромном своём плоту
И Петро с ключами
От калитки райской, и сам Павло,
И ещё моей там родни полно,
А я их встречаю.

Я пою, пою, и светло от звёзд.
Но не Droga Mleczna, а Крымский мост,
По-всему, астрален.

И всплывают в Корсунские врата,
Кто пришёл домой на борту плота,
Так сказать, с окраин.

И живых, и мёртвых впишу в стихи,
И ещё, чтоб третии петухи,
Ерихонски трубы,
Чтобы Лжевладимир мотал на ус,
Что теперь предел его наг и пуст,
Как ни плачь в ютубы,

Что ушли с холмов Лыбедь, Кий и Щек.
А Россия это и есть Ковчег,
Берегущий запах
Приостывшей печки в родной избе.
А народа растраченного — тебе
Не подарит Запад.

Вот сошлись библейские времена:
И потоп, и хворь, и война дрянна.
Гаснет свет над хатой.
Я пою, я иду на тысячный круг,
Чтобы все воскресшие шли на звук
Незамысловатый.

РОДИНА

Захару Прилепину

Гудящая в веках стальными лопастями,
Глубинная моя, горящая дотла,
Как выживаешь ты с такими скоростями?
Как выживаешь ты, не помнящая зла?

Отдав своих солдат на дальние заставы,
Сусеки поскребешь и — снова в хоровод.
Как выживаешь ты, народ моей державы,
Далёкий от столиц, столицам тем оплот?

Несуетная ширь, стоишь ты, подбоченясь,
Надмирная, как лик надвратного Христа,
Ты Китежем всплывёшь, восстанешь птицей Феникс,
Воскреснешь, воссияв, — до нового креста.

А как хотела ты? — владелица пространства,
Мать лучших из людей, чистилище племён.
О, я люблю в тебе вот это постоянство,
Охранный твой удел, победный перезвон.

Я в мыслях всю тебя обозреваю разом,
И вижу каждый двор, и слышу каждый всплеск
Колодезной воды и ржанье за лабазом,
Ночного костерка дохристианский треск.

Я знаю, как тебе даётся пропитанье,
И знаю, как тебе даётся ореол
Сияющих границ, вдовиц твоих камланье,
Закланье городов и вымиранье сёл.

Ты знаешь и сама всё о себе, о том как
Растерзывать себя и возвращать себя,
И возвращаться вновь в стоических потомках,
По ранним яровым пылищею клубя.

Не верь ты мне фальшивой, слабой, ленной —
Я ничего не знаю о войне,
Как телескоп не знает о Вселенной
С погибшими мирами в вышине.

Я заползаю в возраст отупленья,
Слежу за новостями с лежака,
С меня не спросишь ни за отступление,
Ни за нехватку раций мужикам.

Но я с такою бешеною силой
Походные крещу их вещмешки,
Что мне, тяжеловесной и трусливой,
Бог посылает нужные стишки.

О том, что в поле белая пороша,
О девяностых, отданных за так,
О том, как подполковник дядя Лёша
Рыдал тогда об армии в кулак.

О том, что льются западные транши,
Как бесконечный симоновский дождь,
О том, как предрекали ветеранши:
«Случись война — не встанет молодежь».

А вот она — страна — взяла и встала,
Когда пришла военная пора.
И мальчики, гонимые вчера,
Подняли трикотажные забрала.
А значит, никогда не умирала
Страна моя, ошиблись доктора.

В особенные эти времена,
Когда идёт — не надо врать — война,
Меня всё тянет параллели строить.
И если ты — другая сторона,
То — с кем ты, если родина — одна?
Понять, что ты предатель, не хитро ведь.

Другое дело — изучить мотив:
Засвечен твой дворянский негатив?
Несправедливо сослан ты в шарашку?
А может, кто, свободами прельстив,
До кончиков волос благочестив,
Тебе «открыл глаза» на «эту Рашку»?

Ты проверял, он точно — за добро?
И сам не входит он в политбюро
Большого серпентария в Рамштайне?
Он даст тебе свободу и тавро
На лбу поставит. Всё, как мир, старо:
Тебя расплющит в этой наковальне.

А если ты всежалостив и чист,
Ну, гуманист такой, ну, пацифист,
Такая мимими, персона светска,
Толстовец и непротивленец злу
Насилием — возьми вон ту золу,
Она была ребёнком из Донецка.

Нас снова Змей разводит, как детей,
разводит так, что мысли нет брататься.
Чем родственней дружины, тем лютей —
им до последней капли крови драться,
чтоб ветвь одну оставить, лишь одну!
отречься, отлучить, отгородиться.
Чужих родов холодную войну
(что нынешней в подметки не годится)
так не ведут, поскольку кровь не та.
А в этой битве не разжать объятья.
Бог сотворил Адама и Христа,
плоть и душа — заветные собратья.

Кровавый пар, что пахнет молоком, —
в ноздрях играет, оседает в горле.
И со ступни Распятого, сквозь корни,
в расщелины известняка влеком
не силой тяготения, но силой
родства, стекает алый ручеёк,
где всяк перед Адамовой могилой
отныне обезгрешен и высок.

Смотри, Господь, на терриконах тех,
не на Голгофе — на вершине Кряжа
Донецкого — мы искупаем грех
всемирной плодоядности. Но кража
ещё приободряет новый рейх.
Прости их, мы возшли на крест — за всех.
Но он не виден из-за камуфляжа.

КОСМОС

И. Караулову, А. Ревякиной, А. Долгаревой

Заговорили о судьбе, о том,
В каком мы все сеченье золотом?
Что́ космосом зовётся персональным
Для каждого? Планета за бортом
Качала водным куполом печальным.

Один сказал, что космос для него
Ландшафт от сих до сих, от вон того
Мурма́нска до Приморья, до Камчатки.
А солнце мы задраили. Его
Безудержность опасна для сетчатки.

Другая утверждала, глядя сквозь
Волокна, проплывающие вскользь
Над степью, где грохочет панорама,
Где дом её:
— Вот космос мой! Небось,
Уже уснула под бомбёжку мама.

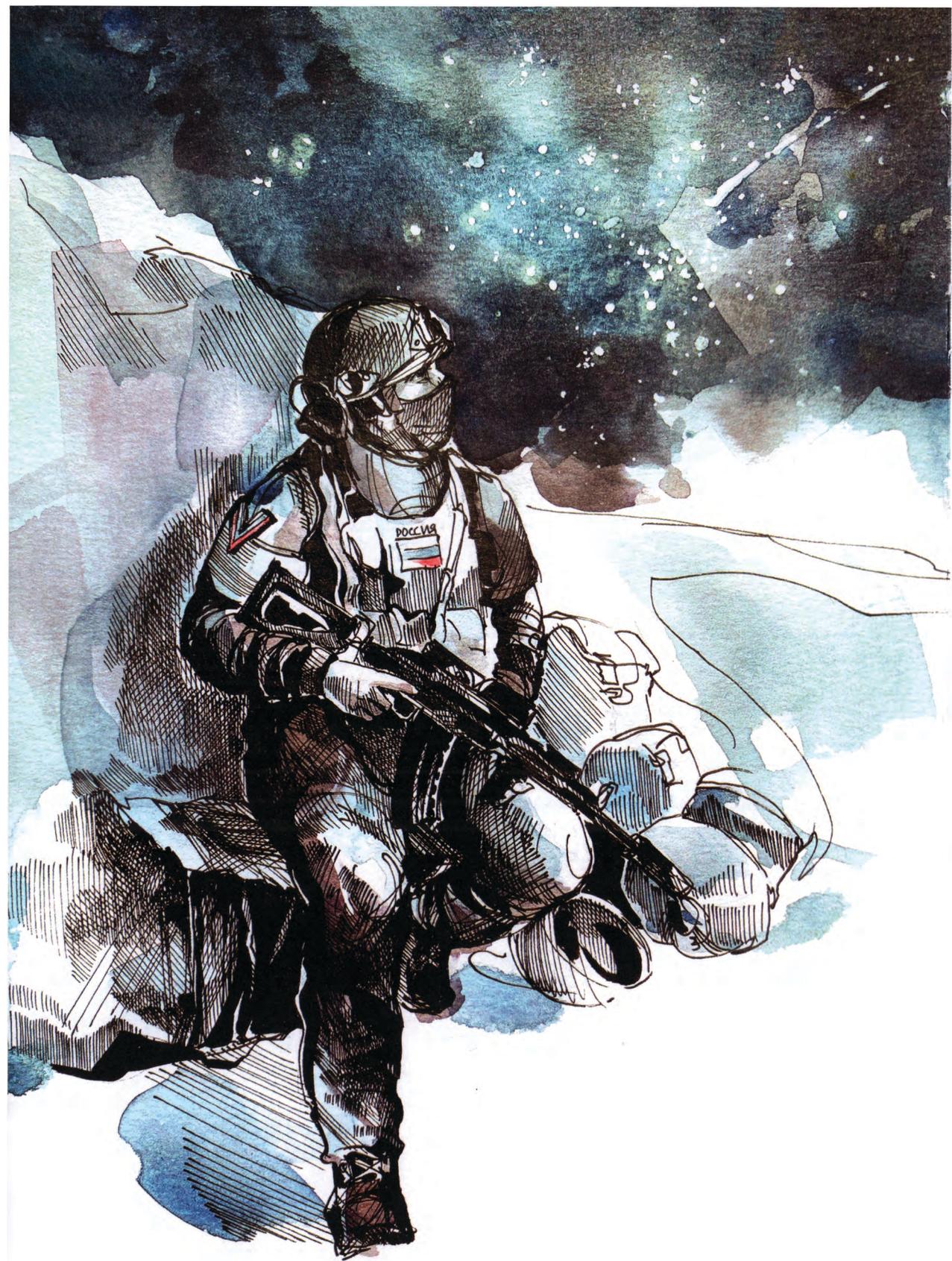
А третья говорила:
— Мне Москва
Дороже звезд и Млечного моста,
Где я одна, как перст, но в центре света,
Внутри народа. Это ли не та
Вселенная, где одиночеств нету.

Ещё одна в их призрачном кругу
Была вдали — сидела на лугу,
Вдыхала жадно пряность земляную
И ветер, горько пахнувший войной.
А Космос был обычный позывной
Бойца, который держит Кременную.

Не оплакивай воина,
Провожая на фронт.
Всё. Колонна построена
У чугунных ворот.
В гимнастёрочку хрусткую
Погоди, не реви.
Пусть солдатушки русские
Помнят строгость любви.

Из объятий терзающих
Он идёт не на смерть.
На священных ристалищах
Добывается честь,
Добывается родина,
Добывается дом.
Как ты там ни расстроена,
Отревёшься потом,

Вспомнив юность, супружество
В приутихшем доме.
А сейчас нужно мужество
И тебе, и ему.
Не казачья же вольница,
Не мальчишки гурьбой,
Это — русское воинство
Отправляется в бой.

ЮРИЙ ВОЛК

ПРЕКРАСНОЕ ДАЛЁКО

Мешковину серого рассвета
Прошивает огненной иглой.
Вспышками ракета за ракетой
На передовой. И я — живой.

Привкус на губах солоноватый.
На снегу багрово-алый след.
...Помнишь, пионер восьмидесятых,
Детской песни радостный куплет?

Пелось про «прекрасное далёко».
Мы в «далёко начинали путь».
И мечталось каждому до срока
Хоть глазком в «далёко» заглянуть.

В нашем прошлом «юные апрели»
И без нас летали корабли.
Мимо каруселей и качелей
В это настоящее пришли —

К миномётам, пушкам, танкам НАТО.
Пионеры той большой страны,
Каждый родом из восьмидесятых,
С вражьей и российской стороны.

Нам дойти бы вместе до истока
И понять, чем ненависть грозит.
Почему «прекрасное далёко»
Утонуло в страхе и грязи.

Захлебнулось здесь в кровавой рвоте
И в ошмётках выбитых мозгов.
«О прекрасном» больше не поёте.
Не хватает в речи русских слов.

Март 2023

ЖИЗНЬ ВЕРНУЛАСЬ. ПОСЛЕ ПЛЕНА

Постучалась в госпиталь весна,
Зацвела, запела, зазвенела.
Яблони-невесты наши в белом,
Ждали у открытого окна.

В мае сквозь оконное стекло
Видим лепестковые метели.
Жизнью на больничные постели
Солнце с подоконника текло.

Жизнь вернулась. От весны пьяны.
Каждый день — несметное богатство.
Паренёк седой с глазами старца
Оживает от глотка весны.

Разбуди, весна, и расколдуй.
На его губах белее мела
Осторожно и пока несмело
Жизнь оставит первый поцелуй.

Постели весеннюю траву.
Он поймёт, как в каждой жилке пульсом
Бьётся жизнь и радость, что вернулся.
— Я проснулся, мама, я живу!

2022

ПОПОЛНЕНИЕ В СТАЕ

Наливаются болью
 бездонные чаши зрачков.
Боль вскипает у рта,
 по вискам проливается влагой.
С каждым вдохом сильнее
 и с каждым сердечным толчком,
Обжигая глаза
 ослепительным красным зигзагом.

Мой напарник меня
 долго тащит на взмокшей спине
Ближе к нашим в окоп,
 ориентируясь в сумраке ночи.
Что-то там говорит
 сам себе, а быть может, и мне.
Дышит так тяжело
 и бормочет, бормочет, бормочет.

Разговором, видать,
 сокращает мучительный путь.
Для меня и себя
 вслух считает он метр за метром.
«Вот ещё подожди.
 Вот немного, осталось чуть-чуть.
Нам пройти-то всего
 до машины один километр».

Мой напарник — пацан;
 для меня он почти что сынок.
 И по виду ботан,
 бледнолицый хилак от науки.
 А поди ж ты, меня, мужика,
 на плечах поволок.
 Вот упёртый какой,
 семижильный боец тонкорукий.

Я ему прохрипел: «Отдохни».
 Говорю: «Отдышись».
 А в ответ он:
 «Не точка, братан, запятая,
 Отдохнуть, говоришь,
 постоять и упасть? Да «ни в жисть»
 Нам нельзя, потому что
 гляди — рассветает».

До машины к утру
 он меня, как умел, доволок.
 А потом, усмехаясь,
 усталый уселся в сторонку:
 «Знаешь, Волк,
 у меня позывной не Сынок, не Щенок.
 Ты не против того,
 если буду я зваться Волчонком?»

НА ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Неведомо в каком бою, ребята,
Сегодня-завтра, может быть, и я,
Перешагнув границу невозврата,
Останусь в темноте небытия.

Дела земные, как и вам, внезапно
Мне станут неважны и не нужны.
Уйду ли с пулей или с рёвом залпа,
А может, стоном лопнувшей струны.

Великий день провозгласит салютом,
Что мир пришёл и нет в бою смертей.
Не будет больше ненависти лютой.
В подвалах нет испуганных детей.

Я к вам приду с такой прекрасной вестью,
Пусть на погост, но с праздничным вином.
Плечом к плечу дрались мы в битвах вместе.
Там каждый был связующим звеном.

Ты падал — я вставал с тобою рядом.
Ты, раненый, кричал: «Давай огня!»
Мой пулемёт замолк, когда не надо,
И ты, мой друг, тогда прикрыл меня.

Не думаю, что истину открою:
Ты заслонил меня в тот миг собой.
И кровь твоя, с моей смешавшись кровью,
Вернула жизнь мне в твой последний бой.

Приду к друзьям и, наклоняясь низко,
Скажу: «Прости», «Спасибо», «Извини».
На чёрный мрамор строгихobelisks
Кладу гвоздик холодные огни.

Январь 2023

ШАГ В НЕБЕСНУЮ НОВОРОССИЮ

Знали жизнь не по газетным рубрикам:
Жгло огнём, и глотки выел дым.
Бьётся насмерть юная республика,
И герой остался молодым.

Суть войны приходится историкам
Излагать без хитрых выкрутас,
Без прикрас и пафосной риторики:
Есть война, а на войне — приказ.

Листопад в разгар донецкой осени
Скинул в парках разноцветный шёлк.
В синеву небесной Новороссии
Командир полковником ушёл.

Он шагнул туда отважным воином
В день, когда кружился листопад.
Был награды высшей удостоенным
Как герой, защитник и солдат.

Звали нас тогда сепаратистами.
Как нацисты поднимали вой!
Бились за республику неистово.
С нами был Арсен ещё живой.

Хлебным полем с мятыми колосьями,
В комьях развороченной земли,
Сделав шаг к небесной Новороссии,
Вы за командирами ушли.

Февраль 2023

ВДОВА

Уходит день осеннего тепла.
Ты у печи устало руки греешь.
Заботы с плеч. Закончены дела,
И чувство одиночества острее.

Тебе сбежать бы хоть на край земли.
Уйти туда, где за ушедшим летом
По тёмным рекам листья-корабли
Пустила осень странствовать по свету.

Где холодна пожухлая трава,
Где ночь плетёт причудливые тени.
Не будет слова горького «вдова»,
И в первый раз уснёшь без сновидений.

Не будет там сочувствующих глаз.
И постепенно боль пойдёт на убыль.
Не скажут равнодушно зеркала,
Что у бровей морщина пролегла,
Что улыбаться не умеют губы.

Любимого по молодости лет
Ты провожала, словно на работу.
И тут же потащила в интернет
Теперь тобой оплаканные фото:

Вот парни. За плечами рюкзаки,
Через минуту воевать уедут.
Вот поцелуй, прощальный жест руки
И надпись крупно: «Жду тебя с победой».

И только мама сына своего
Перекрестила в суете вокзала.
Смотрела долго молча на него,
Как будто бы живым запоминала.

Ноябрь 2022

ГЕРОЯМ БИТВЫ ЗА БАХМУТ

Покачнулись земля и небо.
Покорёжило шар земной.
Взрывы справа и взрывы слева,
Взрывы рядом и вслед за мной.

Налетят вихри адовой ночи,
Всё сметают, сжигают и мнут.
Пулемёт непрерывно стрекочет:
За - Бах - мут, за - Бах - мут,
за - Бах - мут.

В дымном воздухе только ошмётки,
Лижет ночь языками огня.
Младший брат за моим миномётом.
Он теперь заменяет меня.

У него музыкальная память.
Если взялся, то честно играй.
Нравом — порох, характером — камень,
Силой — русский, мечом — самурай.

А придётся, тогда под разгрузкой
У бойца до последних минут
Сердце будет стучаться по-русски:
За - Бах - мут, за - Бах - мут,
за - Бах - мут.

29 ноября 2022

ЖЕНЩИНА СОЛДАТА

Мне женщина махнула из окна.
О боже! Как она была красива.
Дрожащий голос с нежным переливом
И под руками гибкая спина.

Я от печали милую не спас.
Она же мне свои давала крылья.
Любила так, как женщины любили
Перед разлукой нас в последний раз.

Бессильная моя перед войной,
Без слёз стояла молча у порога.
Ей быть для всех серьёзной недотрогой,
А мне — любимой преданной женой.

И видится: упрямо губы сжав,
Она присядет у зеркальной дверцы,
Без колебаний зашнурует берцы,
А туфельки свои поставит в шкаф.

О женщинах нам петь, как о святом.
В тяжёлую минуту рядом с нами
Они подхватят выпавшее знамя,
Закрывать собой сумеют, как щитом.

Они уйдут в окоп зимой в метель.
Они войдут в больничные палаты.
Наденут камуфляжные бушлаты,
Как надевали бабушки шинель.

Любимая махнула из окна.
И в горести она была красивой.
Я буду воевать за всю Россию,
Где ждёт меня живым моя жена.

Февраль 2023

ЧЕЛОВЕК ДИЧЬ?!

У новых войн иная ипостась.
В них человека приравняли к дичи.
Вот оператор целится, смеясь.
Охотник — дрон, а я — его добыча.

На загнанного смотрят свысока.
Скажи, мой друг, куда уходит воин?
О нём всплакнут седые облака.
О нём в трубе ночами ветры воют.

Забудется друзей живая речь.
Стирает время их живые лица.
Нам только свечи у икон зажечь,
И помолчать, и тихо помолиться.

Родит в полях весеннюю траву
Снег, уходя с земли водою талой.
Ответит парень: «Я в тебе живу.
Пусть на земле меня уже не стало.

И дочери твои без женихов.
Мне очень жаль, что не родятся дети,
Что станет меньше песен и стихов.
Что мир потери может не заметить».

Играючи, ракетами настиг
Моих друзей в траншее беспилотник.
Не будет у поэта новых книг.
Не будет у художника полотен.

Бежим от механических стрекоз.
В компьютерной стрелялке жизнью много.
А наяву бездушный дрон принёс
Не просто смерть. Он гасит искру Бога.

2023

ВОИН

Ты воин. Не тебе решать,
Куда же в битве улетела
Твоя бессмертная душа
Из обездвиженного тела.

Быть может, в рай. А может, в ад.
Летит под звёздные метели.
Но веришь — суждено назад
Душе вернуться в новом теле.

И знает воин, для чего
Ему даруют много жизней,
Что жизнь не полностью его —
Она принадлежит Отчизне.

Боец старался уберечь
Удел от пришлых иноземцев.
Но ударяет вражий меч.
И он вернулся снова в детство.

Ты — русич. Защищать привык.
Когда на Русь пошла Европа,
Тебя пронзил германский штык.
И ты остался у окопа.

Мы мужики из разных мест.
Но никогда не бросим друга.
...И вот георгиевский крест
Упал на русскую кольчугу.

Одна из пуль была твоя:
Пробьёт шинель, заглушит сердце —
Вернёшься на круги своя
И снова попадаешь в детство.

Наш путь во времени далёк —
Года спрессуются в моменты.
...И орден Славы рядом лёг
На крест георгиевскою лентой.

Поднимет твёрдая рука
Свой щит над нашей головой.
Во все эпохи и века
Для гибели рождался воин.

Мир человеческий жесток.
Вот снова под солдатским берцем
Взорвался смертью лепесток.
И ты опять вернулся в детство.

Своим достоинством равны,
С кольчугой предков рядом лягут
Награды нынешней войны —
Медали ваши «За отвагу».

Декабрь 2022

ЗЕМЛЯКИ

Не уходи, не исчезай бесследно,
Осенних дней последнее тепло.
По краю вечеряющего неба
Огнём закатным солнце утекло.

Здесь за окном так сыро и промозгло,
И на стекле холодная слеза.
Уже закрыли первые морозы
Осенним лужам блёклые глаза.

Здесь нет войны. Но всё же занавесьте,
Закройте чёрным крепом зеркала.
Вчера домой вернулись грузом двести
Простые парни нашего села.

Война не там. Она теперь повсюду.
Кому-то в это верится с трудом.
Бегут, кричат: «Я воевать не буду!» —
Но к ним война сама ворвётся в дом.

Я к землякам пришёл сегодня в гости,
Оставив за оградой суету.
Заплаканная осень на погосте
Упала на гранитную плиту.

Здесь траурные ленты на портретах
Моих друзей, защитников страны.
Вас называю воинами света
За молодость на алтаре войны.

Уходит день на фронт к бойцам, на запад.
Приморский вечер у могил молчит.
Тайга выносит на кедровых лапах
Луны старинный богатырский щит.

2022

БЕСПАМЯТСТВО И БЕЗВРЕМЕНЬЕ

Ткань времени порвана в клочья,
Запутана в многоголосье.
Что было, я помню неточно,
А может быть, не было вовсе.

Как будто сорвался с обрыва.
Накрыло тяжёлым и тёмным.
Мне помнится что-то до взрыва.
А дальше не помню, не помню.

Мелькает обрывками память —
Киношная старая лента.
Я склею её лоскутами,
Себя соберу по фрагментам.

В беспамятстве и безвременье,
Меня ненавидящий люто,
Лежит рядом раненый пленник,
Такой же, как я, бесприютный.

Два воина — оба солдаты.
Два парня, разорванных миной.
Для мамы и киевской матери
Два мальчика — родненьких сына.

Потомки одних поколений —
Упала обломанной ветка.
В беспамятстве и безвременье
Два недруга, два человека.

2021

ЕКАТЕРИНА ГОДВЕР

СОЛДАТЫ

А казалось бы — не Помпея и не Содом.
Но опять в ночи взрывается чей-то дом.
Только думаешь: «Господи, чтоб не зря...
Отведи глаза, наведи снаряд
Мимо спящих — на адресата...»
И который век — всё подряд, подряд,
От январской стужи — до декабря
Всё идут солдаты.

Через «нет», «не надо» и «не могу»,
В ковьях по пояс, по грудь в снегу,
На броне — по сёлам и городам.
Закипает асфальт и дрожит Орда,
И склоняется ось земная
Перед ними, заржавлена и худа.
Но они всё идут и идут туда,
Где пожаром закат пылает,

Где огонь в печи, где вино и хлеб.
Отступает Ньюта, молчит Эреб.
Мертвецы садятся за общий стол:
Легионы глядят сквозь туман густой,
Крестonosцы и санкюлоты...
Человек человеку — известно кто;
Вновь заходит история на виток,
Не щадя кого-то.

Нет конца и края; а правда — там,
Где змей в траве пролегла черта.
Есть свои. С чужих — невеликий спрос,
А змея шипит и кусает хвост,
Но в огне пожарищ
Выбор ясен, даже когда непрост.
По весне пойдёт, что посеём, в рост.
Победим, товарищ!

Сквозь анилиновый хай-тек
Из каждой слободы
Уходят люди в белый снег,
Уходят в чёрный дым.

И как сто лет тому назад,
Как тысячу долой —
Сочатся миром образа,
А дерево — смолой.

И плачет кто-то. Пишет блог,
В сердцах клянёт судьбу...
Сочится кровью на сапог
Седьмая пядь во лбу.

Огонь горячим языком
Касается небес.
Солдат штурмует Белый дом,
Штурмует чёрный лес,

Клубится дым, кипит вода
В походном котелке,
Встаёт счастливая звезда
В прекрасном далеке.

Иноземная литера
Впредь на наших руках.
Кто с Москвы, кто из Питера,
Из мордовских ИК —

Мы родное отстаиваем,
Возвращаем назад:
От царя — и до Сталина,
И до самых Карпат.

Кто за лентой под пулями,
Кто в глубоком тылу.
Нас словами ходульными
Не удержишь в углу,

Нам — снега подвенечные,
Разнотравья рушник...
Наша жизнь скоротечная —
Огнедышащий МиГ.

Нам — любить и надеяться
От креста до креста.
Наигрались в индейцев мы,
Досчитали до ста.

Нам — изрытый кавернами
Дом во все времена.
Нам — цена непомерная...
Это мира цена.

Я держусь за воздух. Воздух сер,
Залепил глаза оконной пылью.
Под гаражный рок небесных сфер
Пляшет и глумится камарилья.

Воздух сух. Ни вздоха, ни слезы,
Звуки повисают, гаснут, стынют.
Непослушен русский мой язык,
Говорит со мною на латыни.

Говорит: *cogito ergo sum*,
*Vincit qui se vincit in victoria**.
Волки воют в сумрачном лесу,
Неудобно пишется история.

Тесен мир, как комната тесна,
Никому не выйти из сюжета.
Вот такая Русская Весна,
Снежное безжалостное лето!

* Мыслью, следовательно существую. Побеждает тот, кто побеждает себя.

Живущие с фигой в кармане
Считают часы и рубли.
Ничто не зовёт и не манит,
Ночами ничто не болит —

Лишь режут глаза до озноба
Чужие, нескладные «я»,
Которые любят до гроба,
Которые насмерть стоят,

Которые смеют бороться,
Искать, не сдаваться, найти.
Горит златокудрое солнце
На каждом запáсном пути.

И каждый сочтён и отмечен;
От каждого — всем — по любви...
Но фига сжимается крепче,
Да зеркало рожу кривит.

Майор Александр Иванчев
 Заходит на цель.
 В зелёной траве одуванчик
 Горит как солнце.

Воздух разъят крылом
 Располоамлен,
 Плещется под соплом
 Пламя.

Майор вспоминает из книжки
 Детский стишок.
 Таня, Бычок, Мишка.
 Всё у вас хорошо?

Год сгорает за два,
 Брешут приборы.
 Трава у дома, трава
 Мстится майору.

Зубы сцепив, Иванчев
 Терпит двенадцать g
 Он не может иначе.
 Не отступать же?

Пластик клавиши пуск
 Пальцем продавлен,
 Сумеречен и тускл
 Цвет яблоневый.

Не унывай, майор.
 Многая лета!
 Пробьёт впотьмах коридор
 Наша ракета.

ГЕРОЙ

Был снег вторичен, неглубок.
Шёл год под стать ему.
Тезей укладывал клубок
В походную суму.

Он был не воин, не солдат,
Он не любил людей.
Умён, немолод, бородат —
Герой на чёрный день,

Но за порог шагнул, как в бой,
Навстречу всем ветрам...
Взошёл оранжевый клубок
Над городом с утра

И покатил за горизонт
Среди небесных тел.
А на нестриженный газон
Пушистый снег летел,

И Ариадна у окна
Сквозь снег смотрела вдаль.
Из шерстяного волокна
Была её печаль.

Под вечер снег следы укрыл,
Потом присыпал цель...
Но продолжалась до поры
История. В конце

Старуха пряла у огня,
А в небе голубом
Котёнок лапой погонял
Оранжевый клубок.

НАТАЛЯ ДЕНИСЕНКО

С грохотом год
врывается в зиму —
громко!
Не осекается год,
не стелит соломку,
Не раздаёт
от своих щедрот
чудесами,
Только пинает:
«Сами, ребята, сами!»
Только пеняет,
что мягкотелы или,
Не послужив,
победу не заслужили,
Только корит,
что медленно запрягаем,
Будто горит не дом,
а трава за краем.

Темень да снег. Тишина тревожна.
Крепко стоит блиндаж,
к печке-буржуйке подсел осторожно
бритый солдатик наш.
И затеплело... Носки-носочки
вязаные сухи,
кровь разгоняют короткие строчки —
правильные стихи.

Переменившись, со вздохом жарким
падает на плечо
ночка. Дымится, кидает сигарки
с неба — ещё, ещё.
Трое вернулись, к печи притёрлись,
вытянулись и спят.
«Вот бы о каждом из них — да повесть!» —
думает тот солдат.

Выйдет на воздух, а там — красиво.
Где она, та война?
Будет дивиться, как неуязвимо,
прочно стоит луна,
думать: «Теперь ты совсем другая,
грустно глядишь, как мать.
Светишь? Свети.
Нам с тобой, дорогая,
прежними
не бывать».

Неслышно встала. Лицо закрыла.
«Его убили, — так говорила. —
Зачем всё это? Не вижу смысла».
Вдоль тела плетью рука повисла.

И крикнул лоб из диванной пыли:
«А что Герой? Ведь его убили».
И враг заклятый примерно то же
сказал, кривляясь корявой рожей.

Но зрячий видел, что враг, собака,
трясётся телом и полон страха.
Есть проигравший. Есть победивший,
себе и Богу не изменивший.

И столько силы, и столько света —
как поворотных времён примета —
теперь нисходит на наши души.
Героев поступь —
не слышишь? —
слушай!..

Из моего окна не увидеть фронта.
В наших широтах стоны войны не слышны.
Артиллерийских дузелей гневные ноты
Не нарушают в ночь городской тишины.
Лишь раздаются возгласы электричек,
Визги и шелест автомобильных колёс,
Лишь по утрам тяжёлых из дальних больничек
К центру несут винты синеватых стрекоз.
Я возвращаю полке томик Бальмонта.
Даже стихи померкли. Вскипает огнём
В рёбрах бессонных кварталов линия фронта,
Густо рокочет через сердечный разлом.

Мальчику снится
дальний, тягучий обстрел,
Снег, залетающий в форточку.
Снег или пепел?
Мальчику снится,
будто бы он постарел,
Только вот как
и когда постарел — не заметил.

Будто идёт он степями
с огромной душой,
Спрятанной так неуклюже
в колючей шинели,
И заслоняет большою
солдатской спиной
Маленький дом,
где ему колыбельную пели.

Будто бы он понимает,
что в домике мать
Не отпускает его,
заливаясь слезами.
И уступить ей теперь —
означает предать,
И не утешить её
никакими словами.

Мальчику снится
громкая тёмная ночь.
Снег или пепел?
Срывается с места пехота.
В этой атаке —
иначе своим не помочь —
Падает он
поперёк раскалённого дзота.

И просыпается.
Хлопья летят за окном.
Странно, но мир
потихоньку к войне привыкает.
Мальчику кажется:
битва всё длится, и он
Крепко
холодную руку солдата
сжимает.

Дорогу да земли кусок
Кромсали вражьими ножами.
Всё прибывая, отрывали.
И оторвали. На часок.

И снова лесополоса
Дымит у Красного Лимана,
И пепел стягивает раны,
И грохот глушит голоса.

Снаряды рвут резьбу полей,
Заговорённых русской кровью.
И гнев мой, и любовь сыновью
Бери, земля моя, владей!

Веди вперёд парней, сотри
Подошвы их тяжёлых берцев,
Но под ногами иноземцев
Гори, земля моя, гори!

Я пишу об этом сотню лет.
Кажется, сто лет покоя нет.
И висит над лестницей, как встарь,
Отрывной советский календарь.
Утром, сняв листок очередной,
Вспоминаю... Этот год — второй.
Нет же, — говорю себе в ответ, —
Русских убивают десять лет.
— Тридцать лет, — подсказывает мне
Календарь, распятый на стене.
И растёт над цифрой бахрома,
И грядёт военная зима.
По снегам пойдёт вперёд отец,
Сын пойдёт с Россией под венец
Или я пойду к тебе сама,
Новая столетняя война.

Он обжётся, споткнулся.
И в щелы расколотый лес
На него полетел, навалился
и впился зубами.
Жизнь текла по руке,
собираясь в земле, под корнями.
«Значит, вот как болит огнестрел.
И куда я полез...»

За парнями полез.
Отмотать бы минуту в начало —
И полез бы опять,
и пошёл бы на хрипы своих.
Чуть не ложкой одной харчевали.
Не вытащить их —
Тут и сгинут. И вспомнил жену:
«Будто знала,

Никогда ни слезы,
а вчера — через весь разговор
Эти всхлипы. Зачем?..»
Он почувствовал: справа немело,
Словно камень собой замещал
перебитое тело,
А над телом стояла седая,
глядела в упор.

Прорастала трава,
и старуха под нос бормотала —
Он едва её слышал —
про первый и главный закон,
Про расколотый лес
и людей, заблудившихся в нём,
И про то, что не будет конца —
отмотают в начало.

А потом его тронули,
сдвинули сильным плечом.
Он узнал их: «Ребят, аккуратно,
работает снайпер...»
— Да уже не работает.
Вот ведь упёртый характер,
прямо в пекло полез!
Потерпи, мы тебя донесём...

Дорог бойцу подарок —
хвоя в тугом конверте,
дорог бойцу подарок —
добрый рисунок, свет
праздника из тетради, —
нарисовали дети
мирную жизнь, в которой
линии фронта нет,
стужи окопной нет, и
в полночь над головою
смерть не затеет вой,
скудных секунд отсчёт.
Дёма — какое слово,
самое золотое! —
дома семейный ужин,
старый и Новый год.
Дома взрослеют Веры,
дома растут Надежды,
юный художник Вова
взял карандаш простой,
пишет: «Спасибо, папа!
Ты победишь, конечно!
Ты победи скорее
и приезжай домой».

И потому солдату
хочется под сурдинку
точно отмерить время,
главное загадать —
сразу на всех — а после
маленькую снежинку
вырезать из бумаги
и отпустить летать.

(В память о Владлене Татарском)

Безоблачные выдались деньки.
Надолго встали часовые стрелки,
Но Стрелка, что маячит у реки,
Взлетела в небо, разметав буйки,
Ростральные колонны, как штыки,
Вонзив меж гроз в лучистые простенки.

И улыбнулся сфинкс: «Я — проводник!»
Тропой Невы мы выбрались из плена
Цветных дворцов, нашли два мира встык:
Потухшее, как неживой двойник,
Кафе и, в окружении гвоздик,
Живая фотография Владлена.

АННА ДОЛГАРЕВА

сколько дождём ни замачивай —
вырастает подсолнух из семечки.
мальчики эти, Господи, русские мальчики,
русские мальчики, русские девочки.

что я могу?
пойдём через это бескрайнее русское поле,
разрытое артиллерией,
невинные, словно дети, не знавшие боли,
не ведая смерти, не веря ей,
взявшись за руки
под закатным заревом,
к мёртвой реке.
я буду сестрой тебе, буду женой, буду никем.

кровь собирается в низовьях Днестра,
ты будешь никто мне, и муж, и отец, и брат,
мы будем любые в нашей юности оголтелой,
будем травы волглые.
на нейтралке третью неделю лежит тело,
издалека долго
течёт река Волга.

перед смертью мы будем лети,
клевер цветущий, пушистая попа шмеля,
влажная дышащая земля,
пыльца, растворённая в лете,
в лете Господнем две тысячи двадцать два.

небывало нагрелась река Нева.

и свет выключается,
и я шагаю на ощупь,
как кура в ощип,
туда, где всему приходит конец,
туда, где в реку Стикс впадает река Донец.

Цвёл подсолнух, круглый, желторотый,
и глядел на запад, за светилом.
Бабушка крестила вертолёты,
Троеперстьем в воздухе крестила.

И они, летевшие за ленту,
голубую реку, реку Лету,
растворяясь на исходе лета
над берёзами и бересклетом,

словно становились чуть бесстрашней,
словно бы чуть-чуть неуязвимей.
И парили коршуны над пашней,
и полёт всё длился стрекозиный.

Смерть ходила рядом, недалёко,
Обжигала порохом и жаром.
А она — за ленту вертолёты
проводжала, снова проводжала.

В бесконечной болтанке
Раскалилась броня.
Со стрелковкой на танки —
Стрелкотня, стрелкотня.

Отражают удары
В незнакомую высь
Пацаны из Самары,
Из Уфы и Москвы.

Мины близко ложатся,
И устала рука.
Просит крепко держаться
Наш родной ВПК.

Незнакомая речка,
Осень и благодать.
Автомат да аптечка —
Не пора умирать.

И упала звезда, и застряла во мне,
И чернели сгоревшие хаты.
И заплакала мать на родной стороне,
И заплакала моя мать.

И когда я упал с той звездой в виске
Без последнего русского слова,
Покраснела вода в Ингулец-реке
Чёрной осенью двадцать второго.

И прижался к траве я сгоревшим лицом,
И ушёл я, минуя блокпосты.
...В вышине над Херсоном, Осколом, Донцом —
Бесконечные русские звёзды.

Русские солдаты — лучшие из людей.
Впереди — свет и более ничего.
Мы побеждаем Господним чудом, оно сильней,
Чем логика, разум и даже наш бабий вой.

Наши кости станут стенами новой империи.
Наша кровь станет космическим топливом.
Мы потомки Юры Гагарина и Лаврентия Берии,
Винтики госмашины неповоротливой.

Однажды я сказала: «Россия здесь навсегда».
А потом мы мучительно отступали.
И тогда на горизонте вошла звезда,
Звезда высокой печали.

Но к чему прикоснулась Россия — то навсегда Россия.
Мы излучаем Россию, в Бозе почия,
Мы возвращаемся живыми аль неживыми,
На истлевших нашивках неся её имя.

(Закату)

Пока превращалась в красную линию кровавая нить,
Пока, скрежеща, переламывалась эпоха,
Я молилась, чтоб не пришлось тебя хоронить,
И действительно опоздала на похороны.

Время пройдёт, прирастут дубы годовыми кольцами,
Будет стоять памятник молодому солдату.
Я как-то спросила, почему ты пошёл добровольцем.
Ты пожал плечами: «Открыли военкоматы».

А двадцатого сентября над тобою сложились стены,
И война побежала дальше большими скачками.
Вот и всё, что я могу рассказать про великие перемены.
И ещё я не знаю, как посмотрю в глаза твоей маме.

Глядеть на палую листву,
Отсчитывать года и войны
И в электричке на Москву
Читать канон заупокойный.

Кричат вороны над крыльцом,
Уходят на войну солдаты,
Дрожит сухое деревцо
Средь сумерек голубоватых.

Светлы в России октябри,
Ясны, прозрачны и печальны.
И плачет мамка: «Не умри»,
И сын её идёт — случайный,

Любой, бессмертный, неземной
Солдат, святой и неизвестный,
Туда, где будущий покой,
Туда, где будущая песня.

Придёт Покров, потом зима,
Укроет ягоды рябины,
И эти ветхие дома,
И тех, кого мы так любили.

И этим мамкиным сынам
Ходить, ходить со смертью рядом,
Чтоб, может, кончилась война
Хотя бы к новым листопадам.

Одни записываются в БАРСы
(Боевой армейский резерв специальный).
Другие стоят в пробке под Верхним Ларсом.
Трагедия становится фарсом.
Неосязаемое — реальным.

В БАРСе-16, кстати, погиб Декабрист,
Молодой «яблочник», оппозиционер упёртый.
Мы все ходили по краешку смерти,
Обречённые легионеры, шлемоблещущие когорты.
Девчонка, похожая на мою бывшую,
давай потрындим за жисть.

Пока мы живые, а не память застывшая.
Пока про нас не сняли кино,
не написали поэты,
Смерть, похожая на мою бывшую,
Стрельни мне последнюю сигарету.

— Генерал сказал, что встретят цветами...
— Я купила цветы, — говорит Олеся.
Мамина подруга следила за нами,
Я молилась на каждом крутом замесе.

Я купила тогда белые лилии.
Как ты понимаешь, они сгнили
Сотню раз, и я покрылась проказой,
Но не отреклась от тебя ни разу.

Сотню раз я, милый, легла в могилу
Белым телом, но встала, ждала я, милый,
Сотню раз меня предали и убили.
Посади лилии на моей могиле.

Но восстала, окроплена Божьим иссопом,
И пошла по трупам, забытым тропам.
Без цветов, без венца, без фаты — и хватит.
Обними меня крепче, русский солдатик.

На рассвете рассыпчат свет зарожденья дня,
Желтоватых берёз подвылинявшая палитра.
Тень ложится на мост, чернением вороня,
Словно ствол.

И только слова молитвы:

«...но хочу ль, не хочу ль, а всё же спаси меня».

Да, мы прах и порох, а в будущем, может, цинк,
Ни один не праведен, впрочем, совсем не странно
Праведных помиловать — мы же пока жильцы
Тех окопов, где кровь и грязь, а не с неба манна.

На рассвете рассыпчат свет, и слегка туманно
Проступают сквозь тени мёртвые наши отцы,
И подходят, и руки жмут — крепко, без обмана.

Офицер в Изюме мне говорил такое:
«Не пиши “геройство”, мы не герои,
Мы не то что сражаемся в высшей лиге,
Максимум — упоминание в полковой книге».

Русский борщ кровавый с укропом варили,
Говорили, разное говорили.

Мол, земля мы и прах, и порох, и артснаряд —
За соседку Таню, за продуктовый у дома,
За старух на лавке, за дворников, за котят,
За своих и чужих, знакомых и незнакомых,
Не расспрашивай, пусть другие потом говорят.

И они действительно о себе не умели.
Потому я перестала быть женщиной, стала гобоем,
Пела о них, целовала их в лоб перед боем.
Помяни, Господь, Заката, Скрипача, Паганеля

И прочих, променявших имя в крещении
На короткий, как выстрел из РПГ, позывной.

Наступает осень, ветер в оконные щели
Входит, и больше не остаёшься одной.

ГОРЕТЬ

Октябрьский дождь, переходящий в снег,
И за окном вагона человек
Глядит на это отраженье тленного,
На тлеющее пламя дня последнего,
Когда ещё ненужное — хранится,
Когда ещё приносит проводница
Зелёный чай, и тапочки, и штопор.
Глядит, глядит, глядит, запомнить чтобы.
И мох растёт со всех сторон деревьев,
И мимо полустанки и деревни,
Плацкарт, осины, тягостные рельсы.
Прости, Господь, я честно постарался.

*

Не призван, но призвание. Заметь:
Не разбирает сих деталей смерть
Ни у кого на безымянных кольца,
Ни кто бездетный двинул добровольцем.
Ей всё едино. Знаешь, а ведь в этом
Покой и правда. И сиянье света.

*

Да, свет. Да, смерть. Да, это не финал.
Андрюха снился, он мне так сказал.
Он нынче в курсе более, чем мы,
Которые лишь в поисках ответа.
Земля замёрзнет к первым дням зимы.
И двинут танки по земле по этой.

*

А Сашка снился матери. Она
Тогда ещё не знала, но узнала
Потом, когда до них дошла война.
Так вот, так вот: касается финала.
Вошёл он в хату, был по пояс голый,
Вспотевший, и уставший, и весёлый,
И попросил водицы из колодца.
И вот он пьёт, вода по шее льётся,
И мама говорит ему: «Останься,
Хоть на денёк, на час, давай хоть чаю».
А он смеётся, головой качает:
Мол, дальше мне, дойти ещё до станции.
Там, говорит, такая же война.
Мирняк, вояки, всё, мол, вперемешку.
Напился и рюкзак на плечи вскинул.
Ушёл, и свет был по следам, как вешки.
Тогда и зарыдала в голосину.

*

Вот бывший, говорит, туда поехал,
И думаю: чего мне не хватало?
Такие ссоры глупые — до смеха.
А всё, а всё, а не начать сначала.
На связь выходит разве раз в неделю,
На пару фраз хватается еле-еле.

*

Когда его не стало, то почти
Ещё неделю проверять боялась,
Но тест одну полоску показал.

И говорила: «Вот и хорошо,
А то куда бы я одна с ребёнком,
И что с ним делать, кроме как назвать
Вот этим именем, и мёртвым, и любимым».

В те дни шли на окраинах бои
И реки были красными, как борщ.

И говорила: «Прямо отлегло,
Я ж вообще ребёнка не хотела,
Так почему же, Господи, болит».

В те дни рождались дети без отцов.

*

Мордва, карел, бурят, чечен, калмык —
Едино русский воин, что привык
Идти в ружьё, и таять, и гореть,
Гореть — сгорая, побеждая смерть.
Так вот: сквозь листья серого дождя
Видна Россия от конца до края,
И человек, её запоминая,
В свет не вечерний смотрит, уходя.

«Сколько ещё?» — и боишься проговориться,
Словно в космос, смотря
в запотевшие эти лица,
В летнее это марево, эту дрожь, всё
Такое живое. Уверенно:
«Ты вернёшься».
Сколько бы дома дочка ни голосила,
Сколько бы тут ни идти от Донца до Буга.
У снайпера Арамиса из Петербурга
Футболка «Ахматова — сила».

А значит, мы знаем, что ныне лежит на весах,
Спасибо, мы знаем, спасибо,
Арамис доведёт до взвода, и станет неведом страх.
Дуб дерево, роза цветок, отечество наше Россия,

Смерть неизбежна (здесь аккордом грохочет выстрел).
«Сколько ещё?» Да сколько потребует чувство долга.
Ибо в России надо жить долго
И умирать быстро.

Под небом, отчаянно синим, как роспись гжели,
Несколько дней шли бои. Народ похудел от пота.
Разведка спецназа ночью вышла из окружения
И подняла отступившую было пехоту.

Товарищ майор, вы не думайте, неужели
Мне такое расскажут? Считайте, что это вымысел.
Разведка спецназа ночью вышла из окружения.
Короткий дождь пыль за спиной вымесил.

От жара листья в середине июля рыжели.
Огонь шёл уже на окраинах, злой и плотный.
Разведка спецназа ночью вышла из окружения,
Закрываясь от тепловизоров и беспилотников.

К утру прохладнее стало, кусты посвежели,
Розовая заря занималась над горизонтом.
Разведка спецназа ночью вышла из окружения,
Подняла пехоту, вернула два километра фронта.

Проявив хладнокровие, действуя на опережение,
И дальше по тексту — Боже, под сердцем немеется,
Разведка спецназа ночью вышла из окружения.
А потом ордена раздали — в штабах, разумеется.

Дождь кончился, узик увязал.
Был воздух от огня прокипячённым.
«А шансов, в общем, не было», — сказал
мне штурмовик из бывших заключённых.

Он дважды выжил, больше вопреки,
уже привык существовать в аврале.
Возились грустноглазые щенки,
а кошек не было, ушли — мне так сказали.

Запомнила: недавняя гроза,
и к западу огонь ожесточённый,
и светятся разутые глаза
штурмовика из бывших заключённых.

Исхода скорого не жди,
А ход-то что же, ход-то вот он.
Идут луганские дожди,
Идёт луганская пехота:

Башкир Аскар, казах Казах
И русский мальчик из Рязани.
И васильки в седых полях
Глядят недетскими глазами.

Большие жёлтые цветы,
То коровяк стоит, то лунник
В рост человека. С высоты
Приходит смерть. Куда ни плюнь, лик

Древний, восковой, как стяг.
Но кошка в ящик, где гранаты,
Нежданно принесла котят.
Их кормят из шприца солдаты.

Стой, Россия, за мальчиков этих летних,
Мальчиков злых и светлых,
Улыбчивых, полногубых,
Маминых любых,
Тонких, как ветки ветлы.
Стой, Россия, за мальчиков этих звонких,
Идущих на смерть с глазами ребёнка,
Идущих на смерть с улыбкою старца,
Идущих, не умеющих оставаться,
Идущих на смерть.
Стой, Россия.
Незыблема будь твоя твердь.
Стой,
Как они за тебя при жизни стояли.
Как о тебе молились, запутавшись
в потном госпитальном одеяле,
Стой, как они сейчас за тебя стоят,
Мёртвые, но сохранившие память и Родину,
Над рекой Донец, над рекою Стикс,
над рекой Смородиной,
Где навсегда кончается ад.

Сквозь золотой огонь сухого сентября
Идёт высокий парень, полевая форма,
да старый автомат, да ягоды горят.
Не спрашивай, откель: из мобиков, из «Шторма»?

Он сам себя на высь бессмертия обрёл,
ни памяти, ни снов, ни «груза 200» даже.
А как его зовут — Васёк ли, Игорёк —
не спрашивай его, он сам тебе не скажет.

С осеннею землёй смешалась ДНК,
теперь ей жить в веках и в вечности планеты.
И он идёт вперёд. Вперёд. У паренька
Нет тени за спиной и вовсе тени нету.

Мёртвый солдат говорит кареглазой жене:
«Я оставляю тебе это озеро, эту осень,
Тихую рябь на воде, золотые сады в тишине,
Ветер в макушках столетних развесистых сосен.

Всё это я: ты послушай меня, я приду
Где-то в конце октября, когда ставят к порогам
В сёлах нехитрую для угощенья еду,
Всё это я, даже если не можешь потрогать.

Белая птица уносит меня в небеса,
Белая птица взмывает, стремится, стремится,
Я — в небесах, но и тут я есть, дышащий, сам,
В яблоне зрелой, куда и присела та птица.

Нет никакого на свете небытия,
Выдумки, вот я, лечу, с дерев листья сдувая.
И до сих пор, до сих пор под Авдеевкой я,
Как же они без меня, дорогая, родная».

ВОЕННЫЕ СТАНСЫ

*

Над болотом слышится долгий крик журавля.
Вслушиваюсь, избавившись от излишних рифм.
Спи, разъятая, окровавленная земля,
Вздрагивая от взрывов, нарушая сердечный ритм.

*

Всё больше пространства, когда облетает листва.
На ЛБС это значит — прятаться негде.
Только дятла красношапочная голова
Бьёт по дереву в полном боекомплекте.

*

Иногда я говорю: «Боже, Боже,
Зачем ты оставил этот мир и маленькую меня?»
Осенние профили чётче, мрачней и строже,
Заиндевелые ветки друг о друга звенят.

*

Переправа — это когда вода
И над ней смертельный огонь по цели.
Бог не оставлял никого из нас никогда,
Просто хотел, чтобы мы повзрослели.

*

Солдат поднимает руку в последнем крестном знамени,
Когда смерть с небес безглазо к нему пришла.
Нас не учили ходить этой смертной тенью,
Но мы идём, и надо не убояться зла.

*

Ощущаю себя ребёнком, а смерть понарошкой.
Кем же были мы до войны, как мы были мелки.
Полевой повар большой поварёшкой
Разливает варево в подставленные тарелки.

*

Бог создал из сосен этот серебряный лес
И сказал, что он хорош есть и хорош весьма.
Смерть, прилетающая с небес,
Красоты не различает сама.

*

Или это конец времён и далее пусто?
Побледнели поля несжатые, не до жатвы.
Птицы летят подальше от осени русской.
Бывает ли жалко врага? Да, бывает жалко.

*

Я уже почти без тела стою у входа в блиндаж,
Истончается осень, как последняя паутинка.
Мои пальцы холодные трогают карандаш,
Получается монохромная неуверенная картинка.

*

А вот представь: человек вернётся с войны,
А там никакого — ну никакого тебе человека.
Он же с ума сойдёт от этой внутренней тишины,
Чтоб самого себя искать от века до века.

*

Жёлтый лист под ногами. Ревёт БТР.
Бог не оставил нас, нелепых, одних, невзрослых.
Объясни только, Боже, как жить-то теперь,
Если мы росли без молитвы и безголосы.

*

Осень, осень. Холодная переправа.
Затянувшаяся война. Запах земли и гнили.
Душу ест непонятная злая растрава.
А Саньку Лысого на прошлой неделе похоронили.

*

В этой могиле похоронен неизвестный солдат.
Вражеский. Закопали, чтоб не воняло,
Но поставили крест с дощечкой. Такой уклад.
Одно на другое ползут облака цвета сала.

*

Бог оставил нас тут за старших, а мы-то и сами дети,
Прокопчённые, неумытые растеряхи.
Но пока так надо — мы не страшимся смерти,
Словно давние наши предки, морские варяги.

*

Перерыта земля. Воронка, окоп, могила.
Спи, разъятая моя, окровавленная моя.
Да исправится молитва моя, яко кадило
Пред Тобою, что смотрит сверху на нескошенные поля.

ИГОРЬ КАРАУЛОВ

Кто умирает в пушкинских местах,
в усадьбе, у посёлка, на мостах,
на повороте, на пустых путях,
запутываясь в облачных сетях,
на железнодорожном полотне,
почти во сне, пока не рассвело,
того прибило к пушкинской родне
взрывной волной, как к берегу весло.
Теперь мы все становимся родня,
теперь мы родом из Больших Вязём,
и в чёрных списках наши имена
готовы вспыхнуть кровью и огнём.

Вы выжили? Я тоже выжил.
Ну надо ж, как нам повезло.
В меня стреляли вы же, вы же,
но вот я целый, вам назло.
Теперь сидим, как в той «Билингве»
покойной — в чашках самогон.
Я счастлив видеть вас, believe me.
Забудем этот страшный сон.
Нет, выпьем, прежде чем забудем,
за тех, кто погибал в степи,
за тех, кого вы к недолюдям
в своём фейсбуке отнесли.
Ещё за тех, кто в Верхнем Ларсе
с погранохраной воевал,
и кто в Варшаве не сдавался,
и кто в Бишкеке таксовал.
Кто сгинул плотски, кто духовно,
в бесчестье или на войне —
они теперь все поголовно
на той остались стороне.
Они на той, а мы на этой,
не нам в них обличать изьян.
Налейте бедному поэту,
Демьян он или не Демьян.
Нам снова выходить на сцену
в обнимку, мёртвых веселя.
Да, жизни мы узнали цену,
но сдача велика с рубля.

Фронтовые сто грамм, но не больше, хорош.
Не стесняйся, кури и здоровью вреди.
Ты не знаешь, что встретит тебя впереди
и какую судьбу на дорогах найдёшь.
За холмом, за пригорком, за серой рекой,
за истерзанным в дым дубняком вековым.
То ли честь, то ли правду о жизни людской,
То ли в землю зароет тебя побратим.
Встань для общего фото с чужой дорогой,
с офицерской женой как с любимой страной.
За спиною — вскипающий аэродром.
Выпей малую чарочку, это не бром.
Ты к ракушке ушной приложи телефон,
и на память о зелени крымских долин
вдруг послышится шум подступающих волн,
неминуемо тонущий в гуле турбин.
В крайний раз подмигнула тебе замполит,
видно, чем-то ей нравишься — впрочем, забудь.
У неё материнское сердце болит,
и медаль украшает высокую грудь.
Помолчи, покури, своё сердце согрей,
ты в заботах её только малая часть.
Ей за тысячи тысяч других матерей
холодеть и стареть, провожать и встречать.

Когда над головой летают мины
и сатанеет вражеская рать,
поэзия, конечно, хочет мира,
поэзия не хочет воевать.
Она полночных жаждет посиделок,
где философской речи перелив.
Ей, как и прежде, флирта жемчуг мелок,
ей подавай романы на разрыв.
Поэзия зимою хочет водки,
а осенью — креплёного вина.
Ей надоели фронтовые сводки,
ей напрочь опостылела война.
Поэзия в живое не стреляет,
на этом свете ей не нужен враг.
Поэзия всё время поправляет
бронезилет, сидящий кое-как.

Теперь настало время выбирать
не депутата и не ветчину,
а выбирать, за что нам умирать.
Выходит так, что снова за страну.
За три берёзки или три ольхи,
снегами припорошенную даль.
Не за стихи? Пускай и за стихи,
в родном пейзаже малую деталь.
Задумываясь, если б да кабы
ты в ступе столько лет не истолок,
проговоришь «не быть или не быть» —
не столь уж и нелепый монолог.
За ту страну, что выйдет из огня —
по нашим спинам — чище и ясней.
За ту страну, что нового меня
однажды восстановит из камней.

Сделали, как было решено,
дождались безоблачной погодки
и снимаем лучшее кино
о войне в обратной перемотке.
Моторола говорит: «Мотор!» —
камера подходит близко-близко,
и встают художник и шахтёр,
музыкант, нацбол и журналистка.
Высветит прожектор имена,
собирая лица по кусочку,
и мадонна сядет у окна
покормить свою святую дочку.
Выйдет сквозь расщелину в огне
взвод живых из Дома профсоюзов.
Встрелят их в нетронутый броню
гордые Суворов и Кутузов.
Эту ленту лучшие из нас
сняли, а верней, завоевали.
Мы ей не устроим пресс-показ
и не повезём на фестивали.
Будем сами жить в ней, как в кино,
наслаждаться солнцем на пленэре.
Сделаем, как было решено.
Попытаемся, по крайней мере.

Я не люблю демонстративных маск,
не выставляю чувства напоказ.
А ты, мой друг, талантливый прозаик,
и у тебя на майке: «За Донбасс!»

Но ведь и я всецело за него же,
и до такого градуса к тому ж,
что буква Z проявится на коже,
когда я встану под холодный душ.

Не спрятать вглубь и не прикрыть рубахой
мелькающую в окнах череду
разбитых АЗС под Волновахой
и яблони, цветущие в бреду.

Мы древние, но всё-таки не греки,
за местных не сошёл бы ни один.
Мы греческие ели чебуреки
в подвале у каких-то осетин.

А после на проспекте Metallургов,
где заново людскую строят жизнь,
асфальтовый каток из Петербурга
серьёзно нам гудел: «Поберегись!»

Донбасс цветёт сквозь все свои печали,
и на весеннем солнышке для нас
простреленные трубы «Азовстали»
под ветерком наигрывают джаз.

Все либералы — это мы,
в лаптях пришедшие с мороза.
Неизоцрѣнные умы,
не дочитавшие Делёза.

Мы разбираемся во щак
и знаем, как растёт морковка.
Мы не научены прощать,
и мы прощаем так неловко.

Одни стенают: суд идёт!
Другие млеют от испуга.
Но почитатели свобод
без нас загрызли бы друг друга.

И проклинатели страны,
и призыватели позора,
конечно, будут прощены
назавтра после приговора.

Они воротятся назад
и будут вновь в тепле и в силе,
но никогда нам не простят,
что их по-глупому простили.

Работино сработано под ноль,
до земляной и каменистой массы.
Шло наступленье весь июнь, июль,
и до сих пор не кончились тарасы.
То ли окоп, то ли могильный ров,
и день за днём не молкнет канонада.
На Малой Бронной земляничный раф
и сто пятнадцать видов мармелада.
Девушки говорят о ерунде,
изображают позы, как в рекламе,
и всё ещё не выяснили, где
живут — в России или в инстаграме*.
А может статься, жить и надо так,
воздушнее киношного попкорна?
В Работино сквозь дым алеет флаг,
у них в прицеле — Спас Нерукотворный.
Чем ближе к смерти, тем острее слух.
Чем ближе к жизни, тем жирнее пицца.
Чем ближе к смерти, тем сильнее дух.
Чем ближе к жизни, тем мертвее лица.
Хохлы хотят без мыла в парадиз
и сальные облизывают губы,
но валяются гурьбой куда-то вниз,
где полыхают джазовые клубы.
Там подают синильное вино
рогатые халдеи на копытах.
Работино — навек Бородино.
И некогда считать своих убитых.

* Запрещен в РФ.

Когда войну мы вгоним в гроб
и хоронить сойдёмся вместе.
Когда её бугристый лоб
расстрига-ветер перекрестит.
Когда её в донецкий кряж
зароем, чтоб не восставала,
и терриконовый пейзаж
над ней сомкнётся без прогала.
Мы возвратимся в города
и павильоны «соки-воды»
собой заполним без труда,
как землю мирные народы.
И сок гранатовый никак
нам не напомнит о разрывах,
и о внезапности атак,
и о случайностях счастливых.
Мы им напьёмся допьяна,
потом очнёмся и заметим,
что погребённая война
иначе снится нашим детям.
Они рисуют лик войны
красивым, ласковым, нестрогим.
Они почти что влюблены
в неё на радость педагогам.
И кто-то в класс ворвётся: нет,
мерзее не было старухи!
Но где же взять её портрет?
Они к рассказам нашим глухи.
И станет модным аромат,
знакомый нам как трупный запах.
А значит, вновь глаза глядят
с привычным холодом — на запад.

Какие-то реки, какие-то сны —
дурные, дурные, дурные.
Флейтист Иванов не вернулся с войны
и шепчет друзей позывные.

В команде таких же гастрольных бродяг
летит экономом — не баре.
При нём неказистый потёртый рюкзак
и верная флейта в футляре.

Смотри, что за реки у нас под крылом:
то Вычегда, то Магаданка.
А он через промку ползёт напролом
в прицеле немецкого танка.

Флейтисту не снятся былые деньки,
Европы уютное лоно,
где чудным фонтаном «Четыре реки»
встречала нас площадь Навона.

Не снится разбитый артой Колизей,
каналов шипучая пена.
Внизу проплывает отец-Енисей,
а дальше — строптивая Лена.

Бывает мучителен долгий маршрут,
но радость прольётся в итоге,
и кожу с нас больше живьём не сдерут
за то, что играем, как боги.

И флейты военной не молкнет рассказ,
понятен без лишнего слова.
Глаза закрывает — и видит Донбасс.
Глаза открывает — и снова.

ДИНАРА КЕРИМОВА

Белой крахмальной скатертью Город к утру укроется,
Нас будет в доме пятеро — Мы и Святая Троица,
Скрошит остатки инея Небо на крышу плоскую,
Ближе и триединее Мы в этот вечер к Господу,
Где-то стреляют меткие И выживают сбитые,
Ладят потомки с предками, Чтят своего родителя,
Скверное и хорошее, Блѣклое и нарядное,
Следуя слову божьему, В горе друг с другом рядом и
В счастье, и ляпка тянется, Перемежаясь спасами,
Скоро за всё отплатится Каждому разногласому
Другу и неприятелю, Пусть за обоих молятся
В доме, в котором пятеро — Мы и Святая Троица...

И билось солнце в чёрных волосах,
И целый мир с тобою на весах
Склонялся вправо, снам весенним вторя,
Большому незабудковому морю,
Несущему тугие паруса,
И синие прищурные глаза
Смотрели исподлобья однолюбо,
Стирался полусонный Мариуполь
Из памяти и пёстрых геокарт,
Молчал ты, как молчал холодный март
На целом европейском континенте
О возведенных в культ войне и смерти...

Мы выросли на цельном молоке
соседской отелившейся коровы,
На русском роке, русском языке
и каждом нецензурном его слове
(а лучше и не скажешь/не пошлешь),
На памяти, уложенной в альбомы,
На брюках хлопчатобумажных клёш,
Певцах-миллионерах из детдома,
На книгах, перечитанных не раз,
и воздухе, пропитанном мимозой,
Мы выросли в рабочий глас и класс
на беломорканальных папиросах,
На улицах, носящих имена,
гоня мяч до оклика к обеду,
Вставай, моя огромная страна,
Мы выросли на скорую победу...

Беда смотрела в чёрные глаза,
Беда глушила залпом голоса
и пламенные левые моторы,
и пальцы по-мальчишески скрестя,
кричал Солдат, как малое дитя,
и крик его стократно был повторен
в потёмках, серебрёная земля
качала молодые тополя,
раскачивала ноги молодые,
Солдат смотрел в лицо лихой Беде,
и не было ни танков, ни людей
вокруг — сияли нимбами святые.
— и что теперь? — спросил Он у Неё, —
остались только мы с тобой вдвоём
на этом поле, выжженном под корень.
ответила Беда:
— прощай, Солдат,
окончена пора кровавых жатв
и их же оправдательных теорий.
неспешно уходила, бормоча
зарницами воздушного бича,
хлестал он до рассветного тумана.
среди святых один Он был не свят,
оставшийся в живых простой Солдат —
здесь за него молилась, видно, мама...

и разрубая узел гордиев,
земля переживала страх и гнев
от виденного за земные сутки,
ловились человеки, как попутки,
закрашивала мрачные тона
неполная растущая луна,
и утро, пережившее изломы,
лечило неприятные симптомы
горячим шоколадным молоком,
и вёз людей прокуренный вагон
на дачу или прочую работу
в обычную июньскую субботу
с нехитрым рюкзаковым багажом,
рубеж был до зубов вооружён,
трофейные выпячивались танки,
над ними белокрылый тихий ангел
присматривал хранимого бойца,
и бились материнские сердца
в нём, будто в одно целое сгрудившись,
и не было ни здоровых, ни погибших —
одна непобедимая страна
и новая война, война, война...

кому теперь легко? ответ в вопросе,
солдатам, на полях почившим в бозе
с Россией на сомкнувшихся устах,
и после боя счёт всегда неравный,
отложено возмездие до завтра,
пропущены прозрачные полста
в молчании, для сна — часа четыре
и вечность — для героя в целом мире
без права на ремесленный отгул,
враги несут тяжёлые потери —
в составе, но значительнее — в вере,
а я нести такое не могу,
и пусть не ждёт у врат меня апостол,
я встречу с тем, кто нас однажды создал,
есть у него приёмные часы,
и спросит Он у русского солдата:
– тебе легко? — мне лёгкого не надо,
а надо только мира во Руси...

И были чьи-то жизни на кону,
Рассвет, подобно первому блину,
Из моря выходил растущим комом.
Мы шли домой, но, не нашедши дома,
Вступали на свинцовую тропу,
Плечом к плечу — мы шли — стопа в стопу,
Мечтая возродить и возродиться,
Закат, как киноварная тряпица,
В дорогу нас, аляя, провожал.
Мы шли домой. За шагом новый шаг,
И каждый — невзорвавшаяся мина.
Мы шли домой, но проходили мимо.

Не зарывая голову в песок
Родных пустынь и их же миражей,
Мир совершал последний марш-бросок
И поражал удобную мишень,
А под ногами плавилась земля,
Как будто весь сошёл святой огонь,
И благодать, как мёртвая петля,
Вонзалась в зыбь сухую глубоко,
И видел Бог не высший пилотаж
Своих даров в Адамовых руках,
А мир, переодетый в камуфляж,
Оставивший себя же в дураках.
Сочилась человеческая кровь
Струёй из отвоёванной земли,
Бессмертием посмертным слыл герой,
Примеривший двенадцатый калибр.

мама, мне скоро ехать отсюда вот,
воин в рип-стоп доспехах за сотни вёрст
тащит свой небогатый походный скарб
[быть налегке солдату велит декабрь
и бережливость тыла], всего по раз —
термобельё и мыло, боезапас,
баночные консервы и сухари,
взвод [и на взводе нервы] на раз-два-три
приступом осаждает минутный страх,
к вечеру холодает и терпит крах
план полевого штаба [смеётся Бог],
мама, закончен рапорт, но вечен бой...

И обернётся лето ноябрём —
Из жара сразу в крепкие морозы,
Мы русские, а значит, не умрём,
Раз — плюнем, два — привычно разотрём
Стремительно пронесшуюся осень.
В округе, неожиданно большой,
Как будто и нехоженой доньне,
Всё будет непременно хорошо,
И за неразделённым рубежом
Не будет больше войн в мирском помине.
Распустится российская зима
До времени, оно тут скоротечно,
Ноябрь переродится сразу в март,
И сложится армейский автомат
Навечно.

ИННА КУЧЕРОВА

МАЛЬЧИК СМОТРИТ НА НЕБО

С коркой чёрного хлеба,
Доверяя Христу,
Мальчик смотрит на небо,
Мальчик ищет звезду.

Кто-то «люстру» повесил
Над окопом его,
Мальчик светел и весел,
А вокруг никого.

Он впервые в сочельник
От семьи далеко,
Как библейский отшельник,
Что ж ему так легко?

Кости сводит и ломит,
И крепчает мороз,
С ним сегодня преломит
Чёрный хлеб сам Христос.

Напитает, согреет
От макушки до стоп,
И враги не посмеют
«Отработать» окоп.

В это веруя слепо,
Отвергая беду,
Мальчик смотрит на небо
И находит звезду!

ОКОПНЫЕ СВЕЧИ

Зима на фронте. Местность незнакома,
Но греет руки в блиндаже худом
Окопная свеча — тепло из дома,
Пусть в сотнях километров этот дом.

Здесь нет роскошной скатерти из шёлка,
И скромн в поле ужин и обед,
Свечой согреты чайник и тушёнка,
И дыма от неё почти что нет.

Такая мелочь, но она весома,
И каждый понимает вновь и вновь:
Окопная свеча — тепло из дома,
Тепло и бесконечная любовь.

НЕ БОЯСЬ ПВО

Не боясь ПВО, ничего не боясь,
Первый снег упадёт на окопную грязь,
И она засияет под небом войны,
И на снег побегут посмотреть пацаны,
И опять им как будто 11 лет,
И в кармане на ёлку заветный билет,
Мандарины припрятаны мамой в шкафу
На глазах у кота, что залез под софу.
Но не санки, а танки поедут вперёд,
Разрушая едва закрепившийся лёд,
И вздохнут пацаны: «Вот бы этой зимой
Неприменно вернуться живыми домой»...

БЕЛГОРОДУ ОТ ДОНЕЦКА

Милый Белгород, русский воин,
Это снова сирены воют,
Это в сердце летят снаряды,
У бесчестья свои обряды.

Смелый Белгород, белый город,
На губах оседает порох,
На глазах пелена от пыли,
Сколько раз нас с тобой убили?

Вечный Белгород, брат по чести,
Мы с тобой воскресаем вместе,
То не шёпот во сне мертвецкий,
Это голос звучит донецкий.

Сильный Белгород, плоть от плоти,
Мы готовы с тобой к работе.
Не кровавого ради пира,
Ради правды и ради мира.

В нашей памяти 45-й,
Та Победа, весна, солдаты,
Будет подвиг тобой удвоен,
Славный Белгород, русский воин.

РАДУЙСЯ, ТЫ В ПЛЕНУ

Рожей уткнувшись в бруствер,
Тихо кляня войну,
Сжав кулаки до хруста,
Радуйся, ты в плену.

Радуйся этой ночи,
Звёздам, глотку воды.
Радуйся что есть мочи,
Где-то погиб не ты.

Радуйся сумасшедше,
Стоит ли объявлять,
Парень, тебя нашедший,
Просто не стал стрелять.

Радуйся русской речи,
Радуйся, злись и плачь,
Раны твои залечит
Русский военный врач.

Рожей уткнувшись в бруствер,
Правду прими одну,
Ты — вот такой же русский,
Радуйся, ты в плену.

НЕВЕСТЫ

На войне женихи, чьи-то братья
(без войны не бывать и столетью),
И становятся белые платья
По зиме маскировочной сетью.

Долетают боёв отголоски,
И дрожащие девичьи руки
Распускают их все на полоски,
Позабыв про душевные муки.

Покрывают блиндаж благодатью
Не заметной приборам и глазу,
Эти белые-белые платья,
Не надетые в жизни ни разу.

Будут позже цветы и объятия,
И родятся когда-нибудь дети,
А пока подвенечные платья
Превращают невесты в масксети.

СТАЛКЕР

Иссякла ручка, сгодится маркер,
Мелькают лица, плывут сезоны,
Я просто сталкер, я только сталкер,
Пишу вам письма из этой «зоны».

Пишу стихами: убили Юру,
Наташу, Лену, Любовь, Марию,
Живые с мёртвыми, мы де-юре
Чуть больше года уже Россия.

Пишу под лампой, покуда светит,
Безумно утро и ночь бессонна,
От артобстрела погибли дети,
Матвей трёх лет и шести Илона.

Кусты малины и ежевики,
Деревья, травы — здесь всё мишени,
Разрушен «Градами» дом у Вики
И у ближайшей соседки Жени.

Но вместе с этим, гоня тревоги
И отвергая свои сомненья,
Мы чиним крыши, ещё дороги,
Справляем свадьбы и дни рожденья.

Иссякла ручка, сгодится маркер
Вообще любого на свете цвета,
Я просто сталкер, я только сталкер,
Пишу вам правду. Не жду ответа.

ВЛАД МАЛЕНКО

Пролётный гусь
играет
на фаготе
Для всех солдат.
Они в суглинке,
будто в позолоте,
Послушно спят.
Как женщина,
танцует рядом пламя,
Сжигая грех.
Какие сны висят над
головами
Мальчишек тех?
Один на всех,
а в нём, как по отмашке,
На первый лёд
Спустилось детство
в байковой рубашке.
И кружится, танцует
под фагот,
Не задевая ни одной
растяжки.

РОДИНА

Соловьи зимуют на Филиппинах.
Мы, как они, не споём.
Зато останемся при рябинах
И при своём.
Так спина ребёнка
болит от банок,
Но зато он сам уже
стал дышать,
А собака ходит на полустанок,
Чтоб не жить,
а ждать.
Что, дружок, они о
России знают,
Упорхнув с болот?
Здесь солдат по осени посчитают,
Да и снег пойдёт.
Здесь врагов спасают, упавших в яму,
Опускаясь в ад.
Здесь в окошко вставят вторую раму,
Так и смерть проспят.

Что толку восхищаться сладким дымом
И спорить с дураками
сотни лет?
«...ты, ветер, чей?
Ты чья, Луна, над Крымом?
Ты чей, Господь,
открой уже секрет...»

Пусть мироточит пограничный столбик.
Шагни домой, чтоб снова жизнь начать.
Ругать Отчизну
за нерайский облик
Как стричь по моде старенькую мать.

Встречай закаты розовым ламбруско,
Там истина, где личная вина.
Чем тише скорость всей машины русской,
Тем дальше смерть,
тем дольше времена.

И если ты в Полтаве,
Курске, Гродно
Сидишь в сети в свои осмнадцать лет,
Быть человеком
вроде и не модно —
Тебе внушает «батя»-интернет...

Свобода может рабством
стать невольной,
А воля указать на личный стыд.
Но Родина не там,
где меньше больно,
А там, где что-то главное болит.

Где летом под телегой снятся санки,
Где тонет в книгах чеховский студент,
Где у шоссе в поспешной серебрянке
Цветов не ждёт солдатский монумент.

Куда летят полжизни божьи птахи
Весною петь на русском языке,
Где ты рождён, как говорят, в рубахе,
Чтобы спуститься к морю по реке.

ЧТО ТАКОЕ ПОБЕДА

Мне задали вопрос
студенты меда,
Узнав стихи про Ржев и Сталинград:
«А что такое русская победа,
Не прошедшая, а будущая, Влад?»
Как на вопрос такой
сейчас ответить?
Я посмотрел в окно
и начал так:
«Нам надо осознать
сначала, дети,
Что подняла беда свой чёрный флаг.
Она страшна, её ужимки ловки,
По горло, как в болоте, мы в беде!
В Урюпинске она и на Рублёвке,
В Одессе, в Минске,
в Киеве... везде.
Что у судьи фальшивая бумага,
Что тридцать лет назад сожгли мосты.
Что иго мы восприняли как благо,
Что мы индейцы русской пустоты.
Что дело в личном взгляде,
в личном росте
И в переплавке мыслей,
как руды.
И что победа не приходит
в гости
К тому, кто жил,
как будто нет беды.
Что, вспоминая наших предков славных,
Негоже верить на слово врагам!
Победа — это, дети,
время равных,
А не привет богатых беднякам!

Победа — это сплав мечты и веры!
Победа — фронт наш общий трудовой,
А не поклон сынкам миллионеров
От мальчиков-крестьян с передовой.
Не явится она, накрасив губы,
В отдельном бизнес-классе на борту
К тем, кто сидит по барам
и по клубам
С серебряными ложками во рту.
Не прилетит она на синем шаре
На радость детворе и старикам!
Не станет новой
сделкой на базаре,
Когда купцы ударят по рукам.
Да, мы Победу проходили в школе
И в мае на курган несли цветы!
Да, это Невский,
да Барклай де Толли,
Да Талалихин,
но теперь и ты.
И ты, и я, мы все теперь в ответе
За посечённый русский город-сад.
И не хлебнув по полной
сорок третий,
Ты сорок пятый не увидишь, брат.
Я верю, что на солнце, как на сварку,
Посмотрим мы, закончив долгий бой,
После беды обнявшись в нашем парке,
И вспомним всех товарищей с тобой!»
Я свой ответ закончил до обеда.
Я был косноязычен, как весна.
На лекцию пошли студенты меда,
Стояла в коридорах тишина.

НОВОГОДНИЙ ТОСТ

Сержант Потапов и ефрейтор Лобов
За Новый год глотнули кипятка.
Не подают в окопах эскалопов
И пробкой не тревожат потолок.

По телику не щёлкая программы,
Рванули пацаны вперёд бегом.
Потапов вспомнил Вологду и маму,
А Лобов свой саратовский детдом.

Я не корю жующих ананасы
И в Новый год не знающих беды.
Прошу лишь тихо вспомнить о Попасной,
О городах без света и воды.

Спецназ чувашский в ночь ушёл колонной.
В двенадцать тридцать завязался бой.
В Москве провёл Серёжка с Малой Бронной
Корпоратив для Витьки с Моховой.

Я не корю танцоров с автопати,
Не выметаю из Таганки сор.
Но помню, как в луганском медсанбате
«Москва...» махнул с досадой мне майор.

И времени излом почуяв кожей,
Лишь говорю, язык стерев до дыр:
Когда гуляет вор с ножом в прихожей,
На кухне глупо пить за добрый мир.

Бой снова начался, свинцом закапав.
И, разлучаясь в ледяной траве,
Ефрейтор Лобов и сержант Потапов
Договорились встретиться в Москве.

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ ОРЕШЕК

Мне мальчик протянул орешек грецкий.
Смотри, с тех пор ладони в позолоте!
Стояли мы на площади в Донецке.
— А где же мама с папой?
— На работе.
— Так нынче праздник — Рождество Христово...
Я вдруг осёкся
в эту ночь святую
И трёх волхвов увидел из Ростова,
Везущих в бочке воду питьевую.
— Отец мой продолжает дело Корсы, —
сказал пацан, —
нам с вами по дороге.
Мы шли к роддому по проспекту Щорса,
Где на дежурство
вышла мать Серёги.
Давно виднелись в небе
звёзд зарубки,
И думал сочинитель утончённый
О вере в чудо маленькой и хрупкой,
Как грецкий тот орешек золочёный.

РАЗГОВОР С НАСТОЯЩИМ ГЕРОЕМ

— Чем увлеклись вы, лейтенант Цветков,
На новом свете, нестерпимо белом?

— Починкой звёзд,
Пошивом облаков,
Рутиной в целом.

Гоню ветра по улице родной,
Дождями мажу клейкие листочки,
Ну, разве что приснюсь под выходной
Жене и дочке.

— А лютни рая, виноградный сок?
А сладкозвучья ангельского зова?

— Да мне бы в свой военный городок,
И там пожить на улице Чуйкова
Лет сорок кряду.

Дочку в сентябре
Отправить в школу и проведать маму.
Без ордена, без бюста во дворе...

(Ответ героя не вошёл в программу.)

СКАЗКА О РУССКОЙ ПОБЕДЕ

Если ты не забыл имена и даты,
Мы загадку распутаем, как клубок.
Ведь Россия-то замужем за солдатом,
А солдат всегда там, где близко Бог.

А где близко Бог, там и зверь отвязан,
Он за каждым камнем теперь ревьёт.
А солдат подчиняется лишь приказам,
И порой он приказа полжизни ждёт.

Приезжал командир, посмотрел в бинокль,
Засосало болото с ноги сапог.
Было страшно, тоскливо и одиноко:
Никого, на кого положиться мог.

И поймав его мысли в лучах заката,
Обходилась Россия без пышных фраз:
«Положись, государь, на того солдата.
Положись и не бойся отдать приказ!»

Государь не гадал на кофейной гуще,
Понимая истории поворот.
И солдаты Сорокин, Чепенко, Гушин
Получили приказ и пошли вперёд.

И такая в солдатах воскресла сила,
Что из зверя был выпущен злобный дух.
Вся Россия солдат на руках носила.
Одного, брат, живого и мёртвых двух.

Я запомнил тот день сквозь коровьи слёзы,
Мне без этого дня не прожить и дня.
Из могилы солдатской растут берёзы,
Под берёзами Родина ждёт меня.

ГЕРОЯМ СЛОВА

Морские камешки алфавита
В карман мне бросила Афродита.
Как светляки они мерцали
И стали русскими бубенцами.

Зачем поэту на свете тело?
Чтобы слова превратились в дело.
Язык бессмертный касался чтобы
И сводов неба, и сводов нёба.

Флажок на башне, а семя в пашне,
Когда ты любишь, и жить не страшно.
Пока гремели враги засовом,
Я за три моря ходил за словом.

Хранил за пазухой в полотенце
Да гладил темечко у младенца.
Где больно, мазал слезами лука.
Не произнёс до поры ни звука.

Чтоб слово весило, чтобы грело,
Чтобы до времени не сопрело,
Чтоб превратило голодных в сытых.
Ведь вой на вздохе, а это выдох.

Враги смеются, да Бог не с ними.
Несу, как матери вечной имя.
Отдам без денег, вручу без игр.
В каком полку командиром Игорь?

Столкнулся сразу с одним толковым
В семидесятом мотострелковом.
Пока хрипели снаряды глухо,
Обнял и слово шепнул на ухо.

Потом в чаду отражали натиск,
Там был Матросов и Дима Артис.
И все в бою становились старше.
Там был Прилепин, Толстой и Гаршин.

В огне творилось большое дело,
А слово где-то в конце горело.
И состояли друзей фигуры
Из крови русской литературы.

И было сыро, темно и громко.
И у небес надломилась кромка.
А после боя друзья молчали,
Но было Слово опять в начале.

Я прошу об одном всего лишь,
Признавая свою вину:
То, что можно сделать сегодня,
Не откладывая на весну!
Чтобы ночью на переключке,
На осеннем сыром плацу
Загорелись глаза от спички,
Поднесённой тобой к лицу.
И тогда мы успеем к маю
Белый свет запустить в дома.
Ты исполнишь. Я знаю, знаю.
Будет в помощь зима, зима.
Пересёк у реки границу
Новой осени инженер.
Аплодируют Богу птицы,
Оставляя Москвы партер.
И паломникам, сбитым с толку,
Перед первым пором снежком
В стоге сена найти иголку,
«Отче наш» прошептать в ушко.
Нет ни жалости, ни печали,
Просто вспомнилось про любовь:
Как мы в очередь все вставали
И на юность сдавали кровь.
Целовали солдат медсёстры,
Заносили солдат в журнал,
И сентябрьский воздух острый
Всех до истины пробирал.
И во времени лучезарном
Пели первые петухи.
Шёл Христос по пустым казармам,
А дежурный писал стихи.

Солдатик запелёнут
как ребёнок.
Лежит без барабанных перепонок
И слышит мамкин голос молодой:
«Смотри, сыночек,
сколько нынче снега!
В сугроб мальчишки
прыгают с разбега!
А мы пойдём с тобою
за водой!»
Поэт московский всё
опишет смело:
«Солдат в раю.
Его встречает Бог!»
На деле же —
снаряд
разрезал бок,
Бездомные собаки
вгрызлись в тело,
И серый снег с мазутом пополам
Ему последний дом, последний храм,
Последнее
солдатское причастье...
А на дорожном знаке
слово «Счастье»
Зачеркнуто
и стёрто по краям.

Новогодний снежок
разукрасил брезент армейский.
И в палатку, как будто в церковь, вошёл боец.
А Христос
говорил по-русски на арамейском:
«Пронеси эту чашу мимо меня, Отец».
Почему-то вдруг сами
собой загорелись свечки,
Было каждое слово
острее любой стрелы:
«Тридцать лет и три года
Россия спала на печке.
А теперь вдруг
подпрыгнула,
и затряслись полы».
Под полами
распяли волю,
вкурив свободу,
Перерезали всех овец
ради двух козлов.
Поменяли блаженство
на кайф
да на «колу» воду,
А любовь на секс
и архангелов на битлов.
Но уже
ни битлов,
ни секса —
объект размолот.
Наркотический
морок —
удобный мертвецкий сон.

Только сеть,
а в сети только
цифры и ровный
холод.
Между раем
и адом берлинский
забор снесён.
Механический слон эбонитовый вскинул
хобот.
Снег как пепел летит.
И церквушка стоит вдали.
Под Черниговом
институт,
в институте
робот.
И поставлена цель:
Нас с тобой
стереть с земли.
По привычке ещё
надевает
коньки столица.
Мы стоим
на советском
вокзале,
как вся страна.
Говоришь:
«Буду каждую ночь за тебя молиться!»
И танцует от печки
любовь,
и грядёт весна.

Я для вышедших вон
не ищу слова,
Пусть их тешит
бездарный стыд.
А у Родины кружится голова.
Она в нижнем белье стоит.
И Апостолы Белгород, Мурманск, Псков,
И другие её сыны
Замечают уже
золотой Покров
Из тончайших частиц весны.
Севастополю вторит геройский Брест,
И согласен Владивосток:
Тем, кто хочет поссорить звезду и крест,
Нужно есть
натошак чеснок.
Нам пора прекратить
на себя пенять,
Ленинградом на Петербург,
И девятого мая фанеру снять,
Чтоб пяти не бояться букв.
Чтоб зайти не страшась
в этот русский дым
В нашем солнечном январе.
Слава павшим!
бескрайней весны
живым!
Что за время-то
на дворе...

РУССКИЕ МАЯКИ**(Вариации)**

Чай наш крепко заварен.
Вечен звёзд хоровод —
Пушкин, Толстой, Гагарин
Двинули время вперёд.
Кисти достойны рублёвской,
Есенина светлых слов —
Жуков и Циолковский,
Курчатов и Королёв.
На духовном Олимпе
Рядом с небом большим
Скобелев и Столыпин,
Шолохов и Шукшин.
Тех маяков-колоссов
Не сосчитать вовек:
Глинка и Ломоносов!
Будущий имярек!
Правда русского часа
Рубит тьму на куски,
И герои Донбасса —
Новые Маяки!
Сердце выше обиды.
У основы основ —
Шостакович, Свиридов,
Павлов и Пирогов.
Вечно от перегрузки
Стрелки часов скрипят.
Вертится глобус русский!
Люди в домах не спят.
Встали на снег покровский,
Чтоб победить врагов,
Конев и Рокоссовский,
Карбышев и Чуйков!

Это наша дорога
Среди звёзд и крестов:
Достоевский и Гоголь,
Менделеев, Попов.
Сквозь туман петроградский,
Всем дождям вопреки,
Видел в небе Вернадский
Русские Маяки!
В каждой секунде — веха.
Ставни открой, а там
Станиславский и Чехов,
Тютчев и Мандельштам.
Небо в руках держали,
Чтоб человек не спал,
Лермонтов и Державин,
Дягилев и Шагал.
С нами Иосиф Бродский,
Левитан и Серов!
Пастернак и Высоцкий,
Шухов и Васнецов!
Память утроит силы.
Звёзды горят во мгле.
Это и есть Россия
В небе и на земле!

Владивосток и Выборг,
Грозный и Таганрог...
Россия сделала выбор.
И этот выбор — Бог!
Дальний Восток и Тула,
Керчь и Калининград!
Космос дрожит от гула:
Наши ветра звенят!
Облака дождевые
Вымоют небосвод.
Павшие и живые —
Это один народ.
Самый главный и сильный,
Самый живой герой —
Это народ России,
Он её рулевой.
В космос открыты ставни!
Средь полей золотых.
Наше время настало —
Это время своих!

НАЧАЛО

На жёлтой поверхности глобуса,
Где птицы купались в пыли,
Я ждал остановки автобуса,
И вдруг... остановка Земли.
И не было вечера с танцами,
И не было ангельских стай...
Мы вышли на лодочной станции
С тревожным названием «Рай».
Расправилось облако бледное,
Гляжу, среди гречишных полей
Стоит моя Родина
бедная
И плещется Волга за ней.
И кровь её синими лентами
Звенит на холодных ветрах,
И снег засыпает билетами
Людей, что стоят при дверях.
Им кажется, всё уже пройдено,
И я среди них, только вот
Берёт меня за руку Родина
И тихо обратно ведёт.
Крест-накрест весна заколочена,
Но кто-то вдруг шепчет во мгле:
«Вам кажется, всё здесь закончено,
Как всюду уже на земле?
И солнце сожгло себе пальчики,
И Волга сломала причал?
Да нет же, заветные мальчики,
Здесь снова начало начал.
Здесь станут работой пророчества,
И будут опять на коне
И доблесть,
и слава,
и творчество
В скользкой
над бездной стране!»

Русское поле — туринская плащаница,
А посредине — косые дожди стеной.
Голова моя машет ушами, как крыльями птица.
Я хочу быть понят своей страной.
Фонарики из айфонов сойдут за свечи нам...
Кто же так долго
прощается с рабством свободы?
Дорогая, я вышел из дома сегодня вечером,
Чтобы снова уйти, чтобы снова уйти на полгода.
Если закон любви не внесён в устав,
Все остальные правила так ничтожны!
Запихай меня лучше, как шапку, в рукав,
Чтоб невозможное было
возможно.
Помни, перед грозой бывает душно,
Стой на своём!
Нет земли за твоей рекой!
Хвалу и клевету приемли равнодушно,
Как будто в бурях есть покой.

Время идёт, и встаёт человек на край.
Там балансирует он, как на ветке зяблик.
Синие всполохи лижут калитку в рай,
А за оградой светятся лампы яблок.

Вечная церковь садится на новый холм,
Люди заходят в западные ворота,
У алтаря они шепчутся о плохом,
Пробуют силы для будущего полёта.
Люди похожи на мокрых больших утят.
Что говорить о постыдном, не знают толком...
Им отпускают грехи, и грехи летят,
Как беспилотники ржавые над посёлком.
Плавает дом — одинокий кирпичный кит,
Прыгают дети в жизнь с языка-порога.
Море кипит, как чайник, и жизнь кипит.
Пальцем коснёшься, и будет пузырь ожога.

Мы как индейцы вещие у костра,
Только в картузах русских сидим у танка.
Если Донецку больно, Москва-сестра,
Разве тебе сегодня к лицу гулянка?

Вот мы уже и уведали, что творим,
Сузить бы человека,
а он всё шире.
В зеркале слово «мир» предстаёт как «Рим»,
Неча пенять на зеркало в третьем мире.
Пусть человек состоит из весенних вод,
Он в небесах оставляет следы делами.
Век пузырей прошёл,
настает черёд
Синего пламени.
Вьётся и пляшет пламя.
Огненный конь, прожигающий удила,
Передвигает страны, как будто туши,
И очищает помыслы и дела,
И промывает до белого света души.

Когда мне скажут:
«Предъяви билет!» —
Я так отвечу, посмотрев назад:
«Поэт в России больше,
чем поэт,
Но меньше, чем солдат».
Поэт — титан.
Он душу стёр до дыр,
Он за свободу пил
всю жизнь вино.
Весь мир прекрасен!
Больше мир, чем мир!
Но меньше, чем Россия,
всё равно.
Что в ней такого?
Наливай да пей,
Мечтай о фонарях другой страны!
Свобода больше комнаты твоей,
Но меньше воли в омуте весны!
А курица не стоит и яйца.
Движение — есть
плод рабов с галер.
Жить надо долго, вечно,
без конца.
Брать с Пушкина убитого пример.

СБОРКА

Как вам русские горки?
 Крышу не сорвало?
 Это эпоха сборки
 Всем кликушам назло!
 Всенародное дело,
 Праздник детей больших —
 Возвращение в тело
 Певчей птицы-души.
 Век изучив до корки,
 Скажут потом про всех:
 Жили во время сборки,
 Видели смену вех!
 Сверхзвуковые «сушки»
 Ангелов веселят.
 Сборку придумал Пушкин
 И добавился в чат.
 Павшие и живые
 Тьму перетрут до дыр.
 Русские рядовые
 Ремонтируют мир.
 Вот крановщик в кабине
 С важностью тамады
 Солнце на Сахалине
 Достаёт из воды.
 Вот к озаренью близкий,
 С космосом чужая связь,
 Физик в Новосибирске
 Лепит молекулу вязь.
 Веря уральской силе,
 Дело вершить мастак,

Слесарь в Нижнем Тагиле
 Лечит уставший танк.
 Летом готовя сани
 По заветам отцов,
 Профессора в Казани
 Учат летать птенцов.
 Видя пологий берег,
 Песню спев о весне,
 Новый мост через Терек
 Строят люди в Чечне.
 К пострадавшим от «града»,
 Будто к детям отец,
 Врач из Калининграда
 Приезжает в Донецк.
 Божьей любуясь славой,
 Бесам внушая страх,
 Молится за Державу
 Соловецкий монах.
 Хлебороб на уборке
 И машинист в «Стреле» —
 Вся Россия на сборке —
 В поле, в горах, в Кремле.
 Русские спят вначале,
 Гонят потом коней.
 Нас раздробить мечтали,
 Сделали лишь сильнеей.
 Снова Москва в эфире
 И Георгиевский зал!
 Сотворение мира
 Через русский портал.

В ЖИВОТЕ У КИТА

В животе у кита,
на котором лежит
Земля,
Непечально живёт
всех ушедших людей семья.
Здесь матросы с «Варяга»,
индейские племена, здесь Гомер,
Че Гевара,
Бах
и всегда весна.
В животе у кита,
на котором лежит Земля,
Пишет новый французский эпос Эмиль Золя,
Циолковский скальпелем режет кишки небес,
Здесь Мария Каллас — Алиса в стране чудес.
Для шахтёров небо в алмазах даёт угля
В животе у кита, на котором лежит Земля,
Здесь твои прабабушки вяжут огромный шарф,
Здесь Сервантес с Пушкиным выпьют на брудершафт.
Для крестьян плодоносят вечно теперь поля
В животе у кита,
на котором лежит Земля!
К рыбакам прилипают рыбы,
к цветам шмели,
И Рублёву разводит краски вином Дали.
Помирились враги, обучаясь любви с нуля,
В животе у кита,
на котором лежит Земля.
Здесь для каждого нелегала есть свой сарай,
И своё здесь солнце,
и свой здесь
солдатам рай.

И гремит у бездомных поэтов
в карманах медь,
Они ходят по свету, как будто исчезла смерть,
И Есенину ослабляет петлю Рембо,
И на ослике к ним приезжает под утро Бог.
Сообщает,
что здесь их поэмы нужней, чем там...
И они отвечают: «Мы веруем, Капитан!»
Из холста у Пикассо
пророс золотой женьшень,
Маяковский женился на скрипке
в апрельский день,
Капитан улыбнулся:
«Творите ошибки дел,
Только забран любви
приносите в карманах тел».
Ной в своём батискафе
опять обогнул Казбек,
С потолка Микеланджело сыплется русский снег,
И с Ландау играет в шахматы Еврипид,
А над крышей Большого Уланова всё парит.
И не в том ведь дело, что кровью писал Басё,
А лишь в том, что мы все молекулы — вот и всё.
Так волшебные птицы клюют под собою сук,
Так луна себе ухо Ван Гога пришила вдруг.
Мы блокадники, партизаны, мы неба дно,
Мы дерёмся и спорим, язык проглотив родной.
А потом Капитан скомандует «От винта!»,
И мы все попадём навечно в живот кита.

ДМИТРИЙ МЕЛЬНИКОВ

На Харьковской горе* — свинцовые метели.
Возможность умереть на девственной постели
от шариков и стрел. И никогда не спать.
Под вой сирен по комнатам гулять.
По битому стеклу ступая осторожно,
смотреть в окно на Харьков. Невозможность
покинуть Белгород, поскольку есть ещё
кому помочь, солдатику плечо
подставить, например, принять, спасти, согреть.
Возможность сохранить достоинство и честь,
жить в коридоре. С третьего захода
те, в спальне, два окна фанерою забить
и видеть Харьков в ясную погоду
из третьего. И верить, и любить.

* Харьковская гора – район в Белгороде.

Мой город порохом пропах,
несут ребёнка на руках,
и женщина кричит.
И дым ползёт вдоль белых стен
под завывание сирен,
и улица горит.

Мой мирный город, столько лет
проживший в тишине,
при вспышках вражеских ракет
глядит в глаза войне.

И видит тусклый блеск свинца,
тела на мостовых.
И не склоняет головы,
сражаясь до конца.

Спи, моя Настасья, спи.
Здесь растаял снег в степи.
По сырým и жёлтым травам
ходит некий человек,
собирает нас, калек,
и увенчивает славой.
Призывает не бояться,
поднимая из могил,
мне отрубленные пальцы,
словно новые, пришил.

Спи давай, моя Настасья.
Встретимся с тобой потом,
пробежимся под дождём,
чай поставим на террасе.
Что там, милая, в окне?
Грач гуляет по стерне,
на суку сидят вороны,
наблюдают за котом.
Батальоны, батальоны
в рай уходят за Петром.

Сей город, называемый Авдос,
по имени латинского поэта,
был местом, где пасли овец и коз,
пока мы не построили всё это:
дома, мосты, заводы и дворцы,
и в Диком поле — наши мертвецы
не улеглись широкими рядами
под звёздами и ржавыми крестами.

И наш черёд — за мёрзлый чернозём,
за город, называемый Авдосом,
сражаться, и, возможно, мы умрём.
Ты видел склянку с медным купоросом?
Вот здесь такое небо иногда,
и из траншеи, словно из колодца,
видна бывает некая звезда,
нет, я не знаю, как она зовётся,
я чувствую смертельную усталость
и сам не видел, но другим являлась.
Одна звезда в четырнадцать лучей,
волшебная, как первое свиданье,
сияла им во глубине ночей
и исполняла каждое желанье.

Рассвет над промкой теплится едва,
никак моя не кончится простуда,
пусть каждый скажет главные слова,
и пусть они исполнятся как чудо.
Я верю в то, что смерть не навсегда
и что воскреснут павшие герои,
и пусть горит волшебная звезда
над городом, разрушенным, как Троя.

Памяти Андрея Рябцева

— Зачем ты погиб под Авдеевкой, брат?
Что будет делать жена?
— Я был всего лишь русский солдат,
на то она и война.

Мне в самое сердце ударил дрон
и душу выпустил вон.
И видит душа моя — взят Коксохим
и наше знамя над ним.

Я вижу цветущий и мирный Донецк,
я вижу победный войны конец,
и в праздничном небе я вижу салют,
и больше меня никогда не убьют,

а ты, если встретишь, скажи моей,
что любит её Андрей.

Когда закончится война,
я знаю, будет ночь без сна,
мы первый выпьем за Победу,
и за товарищей — второй,
а к третьему — с границы света
потянется походный строй
солдат, погибших за свободу.
За взводом — взвод, за ротой — рота,
у бесконечного стола
они стеной безмолвной встанут,
колеблясь, как живая мгла.
Над городом салюты грянут,
и это будет мирный гром,
и будут песни фронтовые,
и мать за праздничным столом
заплачет, как сама Россия,
о светлом мальчике своём.

Великая весна приходит на Донбасс,
храни вас всех Господь, вы лучшие из нас,
на траурный Донецк из ледяной Вселенной
струится вечный свет, нетварный и нетленный,
на пролитую кровь, на скромные цветы,
нет, ничего не будет так, как раньше,
у прошлого — безумные черты,
у будущего — светлые, не плачь же,
бывало, что врагу мы подавали руку,
сухую и горячую ладонь,
но больше не простим, спасибо за науку,
за женщин и детей — огонь, бойцы, огонь!

Одна другой говорит: «Не реви.
Они герои войны.
Поставят в Донецке Спас-на-крови
на средства со всей страны.

И будут их имена сиять
на мраморе навсегда.
Давай товар раскладывай, мать.
Масло поставь сюда.

Твой-то был завидный жених.
А мой шебутной, как я».
И с неба донецкого смотрят на них
бессмертные сыновья.

При наступлении зимы,
зажатый между холодами,
я доставал слова из тьмы,
и разноцветными огнями
они горели над столом
и длинные бросали тени
на натюрморт с черновиком
и покрывало на постели.
В окно струился тусклый свет,
листва с деревьев облетела,
с утра ко мне зашёл сосед
и выдал новость между делом,
что Коля с улицы Колхозной,
парнишка умный и серьёзный,
погиб геройски на войне,
что жаль непьющего вдвойне,
что мать его не спит полгода,
живёт в кромешном горе мать,
и что испортилась погода,
и надо бы капусту снять.
Гадаевой Маруси сын,
погибшая навеки младость,
священный блеск моих седин,
зимы магическая сладость —
смешалось всё, и не понять,
что более первостепенно.
Гадаева Маруся, мать,
стоит, и голубеют вены
на маленькой её руке,
что бахрому перебирает
на чёрном траурном платке,
и первый снег летит и тает,
сверкая на её щеке.

Полковник был высок и сухопар.
Он говорил про фланговый удар,
прикидывал, насколько хватит сил,
оценивал возможность деблокады,
вставал, садился, вновь вставал, ходил
по комнате. «В кольцо замкнули, гады», —
он говорил с гримасой на лице,
скривившись, как от боли, а в кольце
живые люди из огня стреляли,
а мёртвые, как ласточки, летали
над скалами из белого песка,
текла под ними тихая река,
и сосны из тумана вырастали
и отражались в зеркале воды,
высокие, как русские мечты.
Давай, полковник, издавай приказ,
что смерть не обезличивает нас,
пусть город, не доставшийся врагу,
горит, телами нашими устелен,
но мы, кто до конца остался верен
присяге, — мы стоим на берегу,
где лань со львом и Бог с учениками,
и бродят в поле тучные стада,
и дети, что играют рядом с нами,
не умирают больше никогда.

Ты ранен, военкор. Мы тут гостим в подвале.
Закончился БК. Не спи, браток, не спи.
Мы вытащим тебя. Слегка в замес попали,
но это ничего, немного потерпи.
Давай поговорим: ты что, женат ли, холост?
Женат, ты говоришь? Ну круто, что женат,
губами шевелишь, но я не слышу голос,
а дети, дети есть?.. Да он плохой, Марат.
Не будет БМП, нам надо выбирать.
Давай, берём его, на спину мне клади,
а если что со мной, ты помнишь, дом пятнадцать,
там мать моя живёт. Ну всё, давай, иди.

«Москаль» рифмуется с «печаль»,
холодным ветром или снегом,
растерянностью или гневом.
Нас миру целому не жаль —
зачем мы этот мир жалеем?
Две красных розы, две лилеи
положат мальчику во гроб,
прощаясь, поцелуют в лоб,
чтобы запомнить этот холод
и на губах его носить,
ходить на тот же рынок в город,
терпеть, пытаться дальше жить.
Зачем мы этот мир жалеем?
Нас миру целому не жаль.
Листва вокруг оранжееет,
привычно голубеет даль,
и тянутся за край земли
широким клином журавли.

— Помнишь белую собачку?
Помнишь, мужики сгорели?
Бросились спасать других
и сгорели вместе с ними.
Помнишь, как в огне и дыме
затихали крики их?
Помнишь белую собачку,
ту, что я спасти не смог?
— Эту я не знал заплачку, —
отвечает русский Бог.
Только против мёртвых правил
я их всех в живых оставил.
Вот за пазухой, смотри,
вот у моего престола
пьют из чаши жизни снова.
Видишь? — Нет, Господь, не вижу,
только гул разрывов слышу
ночь за ночью, день за днём.
Говорят, что Ты в могиле,
говорят, Тебя убили
снова римляне копьём.
Только над опушкой дальней
брезжит некий свет хрустальный.
— Свет хрустальный — тоже я.
И над степью, и над морем,
и над вашим горьким горем —
милость вечная моя.

Памяти Дарьи Дугиной

Девушка лишается лица,
человечьих родинок и меток.
Девушка лишается отца,
превратившись в пепел напоследок.

Пепел, отделяясь от огня,
улетает, чтобы превратиться
в космос, окружающий меня,
звёздную сияющую птицу.

В облако, похожее на Блока,
в облачность, похожую на Бога,
в призрачность, похожую на пляж,
где прибор читает «Отче наш».

Я знаю, ты часто плачешь о нём
в каменной тишине.
Давай построим для птицы дом
по самой ранней весне.

Пишут, что без вести он пропал,
а может быть, он в плену,
а может быть, это не он упал
на чёрную целину.

Давай возьмём соседских ребят,
выйдем в весенний сад,
всю безотцовщину нашу возьмём,
построим для птицы дом.

Выглянет солнышко, станет светло,
и мы победим, а пока
чувствуешь на плече тепло?
Это моя рука.

Поедем в Киев за туманами,
за тёплым воздухом весны,
сидеть под старыми каштанами,
как будто не было войны.

Пройдём по самой главной улице,
вернувшись как к себе домой.
Когда-нибудь всё это сбудется.
После победы, Боже мой.

Соседка говорит о сыне.
У дома яблони цветут.
И лебеди по середине
Днепра бескрайнего плывут.

Девятый год войны. Погибшее железо.
Погибшая земля, погибшая трава.
Ворона на суку расстрелянного леса.
Жизнь сомневается, а смерть всегда права.

Сыта ли, голодна — твердит своё воронье:
«Что мучиться, боец? Ослабь же турникет.
Усни, смотря, как кровь струится по ладони».
В ладони у бойца клубится лунный свет.

Над ним кружится дрон. Над ним звезда горит.
Ветра над ним шумят. Рука его болит.
Девятый год войны. Весна. Упадок сил.
Ворона на суку. Ползи, боец, ползи.

Мы не увидимся с тобой.
Мне снились ржавые патроны
в воде прозрачно-голубой.
От огуречного лосьона
старинный плоский пузырёк
я видел на прибрежной гальке,
в нём — водоросли и песок.
Над катером кружились чайки,
ты в нём сидел — ко мне спиной,
а рядом был старик огромный,
тот берег — белою стеной
проглядывал в тумане, словно
манил к себе великой силой
и бесконечной красотой.
Проснувшись, «Господи, помилуй»
шептал я в комнате пустой,
очки нашарил на полу,
умылся и в печи золу
до красного разворошил,
и чай в стакане заварил.
Во сне мне показался слишком
спокойным гулкий голос твой.
Давай обнимемся, братишка,
вдруг не увидимся с тобой.
Где шли бои — там лес и поле,
где ночь — там в окнах яркий свет,
травую сделались герои,
но смерти, как и прежде, нет.

Есть наш, один во всей Вселенной
небесный Иерусалим.
Какую Бог назначит цену,
такую мы и отдадим.

Памяти Александра Захарченко

Пусть спит там спокойно в тепле и светле.
Донецкие звёзды сияют во мгле,
и лапником в чёрном тоннеле
российские сосны и ели
махнут человеку ушедшему вслед,
наверное, здесь справедливости нет,
но зреет на поле пшеница,
и тенью проносится птица,
и люди сидят за накрытым столом,
и водки стакан и горбушка на нём
солёного чёрного хлеба.
И вечность как дом, и Россия как дом,
и наше над павшими небо.

ДМИТРИЙ МОЛДАВСКИЙ

**ВОИНАМ-КОНТРАКТНИКАМ
45-Й ОБСН ВДВ РФ**

Своими машинами заставили все дворы.
Курят в подъезде, мусорят под окном.
Некуда деться от жён их и детворы.
Третий им садик строят, первые два битком.

На кассах в «Пятёрке» очередей хвосты.
Брали бы что толковое, так ведь нет:
каждому пиво, хлеб, доширак, пакет —
кассирши валяются с ног, прилавки пусты.

Отжали себе спортзал, стадион и храм,
отгородились заборами — не пройдёшь!
Я здесь родился и вырос, а эта к нам
откуда понаприехала молодёжь?

Всюду бумажки: «Квартиру сниму, куплю»,
цены задрали чуть не до потолка.
За что их любить? Вот я их и не люблю!
Бригада целая! Мало им было полка?

Всё это продолжается тридцать лет.
 Многие примелькалось за этот срок.
 Садик почти достроили: тянут свет;
 тем, кто его не дождался, — школьный звонок.

Что-то машины стоят во дворе все дни.
 Что-то ребячьи игры не так шумны.
 Как мужиков-то мало. А где они?
 Шутишь, наверно? Седьмой уж месяц войны...

Очереди в «Пятёрке» — одно бабьё.
 Овощи набирают и шоколад.
 Что же тебе не пишется, ё-моё?
 Что же тебе не спится... (глютаю мат!)?

Разве не этого ты просил у судьбы?
 Время тебя избрало для важных дел.

...Если бы их не видеть: гробы, гробы
 с теми, кого не знал и знать не хотел.

Только там, где снег чернее угля,
где весны не ждут, чтоб пахать поля,
где и сеют не урожая для,
да и косят, увы, не траву
(там чем твёрже грунт, тяжелее труд:
насаждать Артёмовск, где был Бахмút,
если вместо колоса всходит труп —
не разминка и не забава);

только там, говорю, где со всех сторон
с батальоном бодается батальон
и не голубь сходит с небес, а дрон
на главу сыновью;
где с металлом соперничает бетон,
где ОМОНу Рамзан говорит: «Come on!» —
и для верности добавляет «дон»
и глядит с любовью;

только там — говорю я и говорю —
где ища чужую, найдёшь свою,
заглянув за край на земли краю
с любопытством детским;

только там (всё не выговорю напрямик),
 где так мал человек, но так Бог велик,
 что сбывается сто процентов молитв,
 даже самых дерзких —

только там возможно, нигде ещё,
 отличить «достаточно» от «нищё»:
 либо все укрыты одним плащом,
 либо каждый стоит под градом,
 ибо там, говорю, подводя итог,
 сигаретный дымок или огонёк
 призывает на головы Рагнарёк,
 хоть ты стой, хоть падай!

Но и там — чудные Твои дела —
 Ты спасаешь души, губя тела,
 и война, закусившая удила,
 борозды не портит,
 и куда как обилен Твой урожай.
 Чтобы всех спасти, никого не жаль!
 Если есть Твоя воля, то — продолжай.

VIVE LA MORTE!

АЛИСА ОРЛОВА

РУССКИЕ ГОЛОСА

Внезапно кончается чёрная полоса.
И в светящейся глубине, на дне большого и белого
арктического безмолвия начинают звучать русские голоса:
поначалу — тихо и как-то несмело, но
постепенно всё громче, в них ещё чувствуется печаль —
«мы так долго молчали» — шестерёнки веков поскрипывают,
словно кто-то достал из серванта пыльный хрусталь
и накрыл на стол, и при этом украдкой всхлипывает:
ведь придут — не все,
доживут — не все,
доползут — не все.
И зияют места пустые бойниц глазницами...
Смерть по Русскому полю катится на чёртовом колесе
между школами и больницами
Мелитополя, Харькова, Горловки — напролом —
в обожжённые руки раненого Мариуполя,
но уже расцветает радость над тем столом
золотым Воскресенским куполом.
И стоит, лепестки роняя, вишнёвый сад.
А его поливают «Градом», взрывают пушками...
И зияют места пустые, как двери в ад —
но садятся за стол меж нами Достоевский с Пушкиным,
и смеётся Бродский, и Лермонтов снова юн,
прибывают люди, гудит, оживая, улица,
открывают окна: «Тсс, Высоцкий коснулся струн!» —
Пётр Ильич благосклонно молчит и на солнце жмурится —
«Да и Бог с ней!» — пусть у ног окурком корчится чёрная полоса
и под визг снарядов срывается в междометия...

Но звучат всё громче, звучат всё крепче — русские голоса.
И уже не гаснет Вечный огонь бессмертия.

ТАНКИ

Есть на свете не связанные сюжеты,
Просто разные повести.
У дороги мальчик дежурит где-то
В Курской области.
Он встаёт пораньше, на завтрак манка,
И бежит на улицу —
Посмотреть, как тянутся к югу танки,
И на солнце щурится.

Там, в котлах, южнее от той обочины,
В запорожской пропасти
Танки сходятся, раскурочены,
Воздух рубят лопасти.
И такой же мальчик не спит в объятиях
Ночи угольной,
Распростёртой над городом Богоматери —
В Мариуполе.

Небо жжёной сползает кожей,
Кровоточит язвами.
Есть сюжеты — внешне вроде похожи,
Но никак не связаны.
Он домой приходит, на ужин каша,
Мама улыбается.
И Алёша спрашивает: как там наши?
— Возвращаются.

ШТОРЫ ИЗ ГОБЕЛЕНА

Шторы из гобелена
Качаются на ветру.
Правда и впрямь нетленна.
«Я никогда не умру», —

Твердит восьмилетний мальчик,
Уши зажав. Огонь!
Бабушка вдруг заплачет,
Тронув его ладонь.

Мертвенно бледны лица,
Словно на похоронах.
Что там решит столица?
Где там моя страна?

Время стоит в окопах
Стылой гнилой водой.
Эх, погоди, Европа,
Свидимся вновь с тобой!

Так же, как в сорок пятом —
Будешь нас, стерва, ждать?
Мальчик шепнёт медбрату:
«Рано мне умирать».

Шторы горят недолго.
Бабушка смотрит вверх.
Но не мигает только...
Боже, помилуй всех.

ЛУЧШИЙ ЧЕЛОВЕК

*Нашим людям, не дождавшимся
прихода русской армии,
посвящается*

О том, когда мы встретимся с Тобой,
Молчат дожди и огненные клёны.
Молчит и та ограда за рекой,
Где лучший человек Твой похоронен.

Он жил здесь, пел здесь, на реку ходил,
Считая дни до нашего прихода, —
Когда февраль, суровый командир,
Почти седой, дворянская порода,

Расставил пушки по углам доски,
Раздал штыки и укрепил редуты...
И смерть пустил по лезвию реки —
На пьяный хутор малоросской смуты.

Он не дождался, лучший человек.
Пока снаряды стаями летали,
Он тихо лёг на подпалённый снег
И воспарил в неведомые дали.

Прости же нас за то, что не смогли
Бесстыдный срок мы проскочить по встрече
И что чинились наши корабли
И наши танки чилились на печке.

И пусть теперь горит теплоцентральный
И в пепел бьются армии, смыкаясь, —
По всей Земле раскинута печаль:
Прости. Мы опоздали. Каюсь, каюсь.

Белое солнце пустыни
Белого пуха белей.
Тело убитое стынет
Долго в тени тополей.

Пыльный донецкий придаток,
Сирый июльский пустырь.
Батюшка, собран и краток,
Сипло читает Псалтирь.

Тело, накрытое тряпкой, —
Скоро его увезут.
Смята убогая грядка,
Сочной травы изумруд.

Все разойдутся по норам —
Кто воевать, кто реветь.
Южный расстрелянный город
Вновь попирает смерть.

Каждый прибудет на праздник
В смертном своём колесе.
Солнце горит и не гаснет,
Русское солнце над всем.

МИША

*Мальчику, погибшему
при обстреле Донецка 14.06.2022,
посвящается*

Миша,
надеюсь, ты слышишь.
Здесь каждая вишня, каждый двор —
Горем непоправимым дышит:
Расстрелян в упор.
«Градами»... Город топорщит крыши,
Но не спасает — летит снаряд.
Ты рос под эту музыку, Миша,
Восемь отчаянных лет подряд.
Ничего, Миша,
вечность всё примет...

Небо обнимет
Крепко его...
«Миши нет дома! Он с мамой вышел...»
Тише.
Работает ПВО.

Она сегодня не та, что вчера,
Она лежит на мостовой без ноги.
Вокруг стоит такая жара,
Как будто Бог печёт из нас пироги.

Москва далёко, Киев вот он, летит
Снарядом HIMARS точнёхонько в цель.
Нога на солнце будто льдина блестит,
И голубеет вен подкожная гжель.

Владимир-князь, ты на кого бросил нас,
Крестив однажды, словно братьев родных?
Нас развели порознь в сумрачный час
На полигоне огромной страны.

Она лежит, глаза уставив в зенит,
Теперь не больно ей на солнце смотреть.
И так тихонько где-то слева звенит,
Не разберёшь — комарьё или смерть.

ВОСЕМЬ ЛЕТ

Вы восемь лет топтали нашу боль.
Вы подло наших слёз не замечали,
И нам за всем мерещилось «яволь,
Майн фюрер!» — так неистово кричали
Герои ваши — там, на той войне,
В которой вас, увы, не дотоптали...
По горло в несмываемой вине,
Из закарпатских схронов вы восстали.

Теперь давить вас — наши боль и пот,
Тяжёлая, но нужная работа.
Учитель, врач, водитель... в бой идёт,
Свой хлеб оставив, доблестная рота.
Скрипач, художник, пекарь, пианист —
Донецкие, луганские ребята...
Под пуль коварных непрерывный свист
Порою, плача, брат хоронит брата.

Но верит каждый, в этой темноте
Лучом лазурным словно освещаем:
И эти сгинут — так же, как и те,
Кого из раза в раз мы побеждаем.
Пускай ещё звучит смертельный марш
И красным залита земная скатерть —
Тернополь, Харьков, Киев — будет наш!
Спаси и помоги нам, Богоматерь.

МАЛЕНЬКИЙ ЧЕЛОВЕК

Я — всего лишь маленький человек.
На моих плечах светило и семь планет.
Вдоль моей спины грохочет железный век.
Я ему повторяю, почти подыхая, что смерти нет.

Я — всего лишь маленький гражданин
Той страны, что для мира чумного как в горле кость.
Но в её необъятных недрах — спасительный инсулин,
И сама она вся — словно в небо алмазный мост.

А в моей хибаре сибирской — сияющий херувим
Поднимает победный тост, разливая по стопкам свет.
Я всего лишь маленький сын, но как сильно тобой любим,
Моя вечная Родина, чище которой нет.

ШАПИТО

Расстрелянных, раздавленных,
закопанных впотьмах —
спроси их, если веруешь, об этих временах.

Они тебе ответят:
Донца кровавым цветом,

летащей через солнце
невидимой ракетой,

ракиновым кустом,
берёзовым крестом

и строчкой в новостях
на языке простом:

о том, как нашу Дашу
взрывало ни за что
бессмысленно-кровавое
дурное шапито.

Когда мы попадём с тобой — не в рай
И вряд ли в ад — в большую переделку,
Ты мне шепнёшь: «Мой брат, не умирай», —
И на Васильевском шутя назначишь стрелку.

Когда закончится... Лет двадцать пять спустя.
Мы посеем. Вздоргнем. Выпьем водки.
Смотри: опять архангелы летят
В одесский порт из Ялты и Находки.

И там, куда печёное за край
Садится солнце в августовской пыли —
У врат стоят всё те же «вагнера»,
Которыми мы всей страну были.

КАИН

Каин, где брат твой Авель?
...а в ответ — тишина.
Стук обветшавших ставень.
В Киеве бузина.

Где твой братишка, Каин?
Холод седых полей.
Ветер несёт с окраин
Вопли про москалей.

Где твой родимый братец?
Невже так поздно спит?
В кровопролитной рати
Братом своим убит.

Выкорчеван, уничтожен,
Словно и не семья...
«Миленький, милый Боже,
Що ж наробивши я?»

В горем пропахший травень
Каин бредёт, не рад.
Глядь, поднимается Авель...
А в руках — автомат.

...А вот бы Земфира, узнав о смерти Владлена,
Бросила Францию, или где она там, к чертям
И гордо сказала: «Мне санкции по колено!
Рената, задраивай шлюзы, все по местам!»

И где-то южнее БГ, от натужной фальши
Заработав гастрит и забросив сурья́-намаска́ру,
Воскликнул в сердцах: «Андрюха, там гибнут наши!» —
И переехал в Рязань или Самару.

Улыбчивый пупсик Ургант вдруг поперхнулся коктейлем
На синем краю залива, даже неважно где,
И сказал: «Мы, русские, на плохих и хороших
друг друга не делим!» —
И пошёл бы в сторону Питера по воде.

И даже не надо Галкина с Пугачёвой,
Как только представишь, как в Риге грустит Чулпан
О том, что теперь до Питера — нет билетов дешёвых
(Не успеет проститься), и Макаревич от горя пьян.

Всё это, на первый взгляд, было бы так естественно.
А впрочем, к чему фантазии — работаем с тем, что есть...
По опыту прежних лет я заявляю ответственно:
За каждой Страстной Пятницей приходит Благая Весть.

Прямо сейчас происходит военный переворот
В Конго. В Нигере и Габоне уже случился.
А мой друг сидит в кабаке, ест стейк и пьёт
Где-то в центре Тифлиса.

В Карабахе звучит канонада, Азербайджан
Начал в точности то, о чём говорили эксперты.
А мой друг сидит в кабаке, он немного пьян.
Он не видит смерти.

И когда горела Одесса в четырнадцатом году
И зверьё шутило про жареных колорадов —
Мой друг сидел на террасе, пил напитки и ел еду.
Ему большего и не надо.

...Ковчег стоит на приколе, сотни голов
Поднимаются на борт, хлещет приморский ветер.
Прощай, дружище. Прости, но ты уже мёртв.
Ты просто этого не заметил.

Римский статут,
Ты там, а мы тут.
И у наших врагов горят чердаки,
Танки и бронемшины.
И остались одни черепки, черепки
От зигующей Украины.

Римский статут,
Те и эти умрут.
В южнорусскую хлябь ложится солдат,
В мягкость мартовской глины...
Как Матросов, собой закрывающий ад
Обезумевшей Украины.

Римский статут,
Тебя не прочтут.
Ни на том свете, ни в этой тьме,
От которой одни руины.
...Господи, возвращайся ко мне
Из дымящейся Украины.

Захару Прилепину

У меня тут взорвали сына, она говорит.
У меня, понимаешь, в сердце ещё горит.
А другая ей отвечает: и Мой убит.
А потом воскрес — как и твой, Она говорит.

Ему дали пить перед смертью, а твоему?
Моего положили на землю, ещё в дыму.
Вертолёт прилетел... ах, неважно... его спасли.
Повезло, Моего уже мёртвым Мне принесли.

Как подумаю, как страдал он... Я знаю, и Мой страдал.
Как лупило солнце в глаза, скрежетал металл.
Как пылали латы, ревел кровожадный люд...
А за смерть моего говорили, что выпьют брют.

Только что они сделали, глупые, и кому? —
Мой стоит за правду. А Мой высветляет тьму.
...На посту хирурги, и пуст на Голгофе крест.
Если Бог не выдал — свинья ни за что не съест.

Христос воскрес, и ты воскреснешь,
Свой китель рваный отряхнёшь
И вдаль, с молитвой или песней,
По пояс в вечности пойдёшь.

Конечно, жаль жену и маму,
«Отчизны горькой сладок дым»...
Но жизнь твою, как телеграмму,
На стол положат перед Ним.

*«Это будет таран... это будет ва-банк,
это будут два самолёта...»*

М. Симоньян

Это будет таран. Это будет ва-банк.
Это будут два самолёта
По смертельной дуге... Это взорванный танк,
Мертвецов восстающая рота.

Это будет за вас. Это будет за всех,
Кто, как чистое русское слово,
Над страной звучит; кто взвивается вверх
Из безвременья снова и снова.

И когда «гастролёры» венчают врага
С чёрной девой в пустом капюшоне —
Снова едет душа моя через снега
К Воскресению в общем вагоне.

*Солдату,
выкидывавшему из окопа гранаты,
посвящается*

В него — бросают гранаты,
И дроны кружатся роем,
А он — родился солдатом,
И если умрёт — героем.

Он, если умрёт, — воскреснет,
Пойдёт по стране с улыбкой
И станет счастливой песней,
Гармошкой губной иль скрипкой.

Он вечно был где-то рядом,
То там, а то здесь всплывал он...
Ты помнишь, как в сорок пятом
Салютов гремел он шквалом?

И раньше, когда пылала
Москва, отступали наши —
Французу под дых давал он
И бил его в рукопашной.

Он с Мининым и Пожарским
Поляка гнал из столицы;
И не помышлял о баварском,
Когда наступали фрицы.

Его победить — задача
Из тех, что невыполнимы;
Его провожают — плача!
Такие, как он, — любимы!

Бросают в него гранаты,
И дроны кружатся роем,
А он — родился солдатом
И вечно живёт — героем!

— Уходишь на войну? — Мне надо.
Там брат мой гибнет на войне.

Стоит небесная прохлада
На свет в распахнутом окне.

И пьёт её крылатый странник,
Сложив на землю меч и щит.

И я вовек не буду ранен
Или тем более убит.

РЫБА-КИТ

Я рыба-кит. Я вынырнула там,
Где Бог громил своих и чужеродцев.
Надрывно в поле плакала арта,
И в бурый снег ложились полководцы.

Меж пуль сновали ангелы, кто с чем:
С мечом, с оглоблей, с ядерной дубиной.
Мир перепрошивался насовсем,
Блевала Русь смердящей Украиной.

Трещала навь, искрило вещество
Моей страны, изъеденной проказой.
Но шёл великий Лекарь СВО,
Сбивал замки и отдавал приказы.

Взрывной волной распространялся свет,
И новый мир маячил у порога...
Я рыба-кит, что значит — зет-поэт,
За этим всем почувствовавший Бога.

Вот так становится понятно,
Когда присядешь закурить,
Что смерть не так уж необъятна,
Как мы привыкли говорить.

И тот, на ком рюкзак, разгрузка,
Бронежилет и пулемёт —
Сквозь толщу смерти тропкой узкой
В своё бессмертие идёт.

АЛЕКСАНДР ПЕЛЕВИН

Покидает Россию Алла Борисовна Пугачёва.
Потом покидает опять, потом покидает снова,
И снова, и снова, такие дела, времена такие,
Кажется, ей просто нравится постоянно покидать Россию,

Но манит и манит Россия обратно, такая она чертовка,
Хоть и там, где был летовский праздник, теперь винтовка,
Так и живёт она, Алла, между Родиной и пустотой,
Куда же ты мчишься, куда же ты мчишься, стой,

Но манят берёзки, манит обратно душистый клевер,
Святая земля горяча, и хочется вновь на север,
К родным подмосковным болотам, к деревне Грязи,
Пока там кого-то опять убивают в Газе.

Аллочка, свет моих глаз, примадонна небытия,
Прости, Россия в тебе, но она уже не твоя,
Военные корабли полосуют морскую гладь,
У берега плачет маленький Галкин,
оставленный умирать.

Ноябрь 2023 г.

Спасибо, что мы не стали прекрасной Россией будущего,
Что нас от души прозвали орками, мокшей, чудищами,
Сделанными из ваты, из крови, земли и стали,
Такие уж мы ребята; спасибо, что мы не стали

Прекрасной Россией будущего с редакторками из Доксы,
Прекрасной Россией будущего от Вишеры до Вуоксы,
Где сладкая Волга-река из соевого молока,
Где над свободной Ингрией радужные облака.

Нет, спасибо, не надо. Больше уже не сбыться
России по Гарри Поттеру в версии от Нетфликса,
Где, если запутался в гендерах — гони партбилет на стол,
Где правильной жизни учит розовый комсомол.

Спасибо, что мы не стали эко-френдли и веган-фрик,
Спасибо, что не продали
Родину
И язык,
Что будет звенеть и жечь до солнышка раскалённого
Смертельная русская речь от Пушкина до Лимонова.

Июнь 2023 г.

У военных на вокзале
Цифра, мох и мультикам.
Мне ребята рассказали,
Как дела сегодня там,

Где разбитые дороги,
Где раздутые тела,
Где хвалёной перемоги
Не случилось у хохла,

Где беспмятные ночи,
Где бойцы не видят снов.
«Как там было?» — «Да не очень».
«Как здоровье?» — «Да здоров».

Парни, видимо, устали,
Но весёлые зато.
Парни сделаны из стали.
«Брат, спасибо» — «Да за что?»

У военных на вокзале
Цифра, мох и мультикам.
Мы курили и стояли,
Улыбаясь небесам.

Сентябрь 2023 г.

Это было как во сне:
Мы въезжали в мёртвый город,
В безвременье, в чёрный морок,
И гремело в стороне,

И под каской липкий пот,
И разбитая дорога,
И не раз молили Бога,
Если рядом был прилёт.

И в ночи под этот гром
Вдалеке жужжали птички,
Было страшно с непривычки,
А потом как будто норм.

Нас, никчёмных неумех,
Замполит учил: смотрите,
Вы дистанцию держите,
Если грохнут — хоть не всех.

Но я знал, что не умру.
Продираясь через ветки,
На позиции разведки
Мы дотопали к утру.

Мы читали им стихи,
Мы играли им на скрипке,
И вот эти их улыбки
Нам прощали все грехи.

Это было как во сне,
И какие были звёзды,
Ах, какие были звёзды
В этом небе на войне!

Август 2023 г.

«БУХАНОЧКА»

Вези меня, «буханочка»,
С Артёмовска домой,
Крути, шофёр, бараночку —
Поедем мы с тобой

Домой, через Попасную,
Да из опасных мест
«Буханочка» глазастая
Доедет, вот те крест.

Вези меня, хорошая,
Сквозь дым и через пыль,
Из будущего в прошлое,
С войны в уютный тыл.

Вези меня, «буханочка»,
До располагаи в дом,
Где волонтерша Анечка
С покраденным котом,

Вези туда, где бахает
Потише хоть чуть-чуть:
Нет горечи и страха нет,
Но надо б отдохнуть.

И хоть немного выспаться,
Ведь мы из этих мест,
Куда и черти лысые
Боялись бы залезть.

Доехали. Готовимся.
Я время не займу:
Покушаем, помоемся
И снова на войну.

Июль 2023 г.

Не нравились мне радужные ленты
И неокомсомольский фем-актив,
И гендерно-нейтральные студенты,
И этот весь вонючий нарратив,

Где авторки, редакторки, поэтки,
Баристы, активисты, петухи...
...мне нравится ребятам из разведки
Читать на их позициях стихи.

Мне нравится двухсотая бригада,
«Буханочка» с потёртой буквой «зэт»,
Мне нравится, когда ракеты «Града»
От нашей стороны летят в ответ,

Мне нравятся донецкие бульвары
И чёрно-сине-алый русский флаг,
Что посреди всемирного пожара
В одном строю чеченец и казак,

И я не перестану вместе с вами,
Пока ещё для этого не стар,
Прокладывать весёлыми стихами
Маршрут из Петербурга в Соледар.

Июль 2023 г.

Я из окна смотрю на домики,
Зачем проснулся в эту рань?
Герань стоит на подоконнике,
Обыкновенная герань.

Ей снится, что она железная
И тарахтит её мотор,
И вот она плывёт над бездною
В небесный сказочный простор.

А спартачам продули конюхи,
А раньше им продул «Зенит».
Герань стоит на подоконнике,
Ей снится, что она летит.

И в этом сне она укутана
Персидским сказочным ковром,
И вот летит: то там, то тут она,
То через пули напролом.

Собрали мужикам на броники,
Пока цветочек тихо спит.
Герань стоит на подоконнике,
Ей снится, что она шахид.

Октябрь 2022 г.

Алёша, ты вырос. Алёша, иди.
Алёша, Алёша, звезда на груди,
Ты помнишь дороги, которыми шли,
Закат, по-над степью звенящий вдали,

Алёша, а помнишь, как ты отошёл
За красную ленту, за речку Оскол?
Оставленный город в огне сентября,
Алёша, пусть всё это было не зря.

Я знаю, ты снова ушёл от неё,
От той, чьё дыхание — тьма и гнильё,
От той, чьи костяшки гремят как затвор,
От той, до которой тебе до сих пор

Всё не было дела; и пусть горит степь,
Но Бог запрещает тебе умереть,
Он знает когда, ведь на то он и Бог.
Я верю, Алёша, я знаю, ты смог.

Алёша, ты помнишь дорогу. Иди.
На запад, на свет, на косые дожди.
Алёша, тебе эту чашу нести.
Ты будешь свободен.
Работай.
Лети.

Сентябрь 2022 г.

В стране, где ещё холодной,
Где больше не требуют визы,
Харон привечает друзей
От Горби до бабушки Лизы.

А точка на карте горит,
А точка ещё горячее,
На карте откроется вид
От Купянска до Балаклеи.

Где ночи и дни нележки,
Где степи от пламени голы,
Комроты читает стихи
От Рыжего до Моторолы.

Пока засыпает страна,
В наушниках у командира
Есть музыка только одна —
От Вагнера до Бранимира.

Сентябрь 2022 г.

Превращаясь в белого журавля,
Оглядывается и видит: позади земля,
Позади Москва, Садовая-Кольцевая,
А у нас тут теперь с тобой ни кольца ни края,

А мы, говорит, превращаемся в журавлей,
Это из старой песни, хорошая песня, летим быстрее,
Смотри, мы ведь тоже летим V-образным клином,
А помнишь, были ещё стихи, о привкусе Украины.

Превращаясь, читает стихи про себя и уже не боится,
Я, говорит, теперь не солдат, я теперь полуптица,
И кто-нибудь снизу увидит нас через дым и копоть:
Смотри, как красиво. Наши летят работать.

Июль 2022 г.

КСЕНИЯ ПЕРШИНА

у кого глаза велики, чтоб увидеть это,
как сжимают воду, траву, раскрашенный лист со света,
инфолента проваливается во тьму — не даёт ответа.
всё пытаюсь преодолеть зажим,
мы прогуливаемся от гримёрки до туалета,
повторяя «а всё же жив».
как дымком в лицо, вылетая, дохнула спичка,
как мы Богу кидали картинки и песни в личку,
как на всё на это небесная методичка
неизбежно даёт добро,
под землёй гудит inferнальная электричка
не прорытого здесь метро.
как под жидким солнцем февральский ледок не тает,
как имущий власть неимущего покрывает,
в желторотое небо верхушки свои вонзают
придорожные тополя,
между нами стоит, между нами опять гуляет
эта голая мать-земля.
если хочешь видеть что-то поинтересней,
положи под язык сердечную песню песней,
таблетку завета, сухую облатку праха
и вдохни глубоко

ЛАДА ПУЗЫРЕВСКАЯ

ЧТО ТЫ ЗНАЕШЬ

Что ты знаешь о жизни заснеженных тех городов,
где секундная стрелка годами стоит, как влитая,
и короткая память не стоит напрасных трудов,
и хрипят самолёты, с саднящего поля взлетая.

У остывшей земли на краю без причины не стой —
прибирает зима в ледовитом своём фетишизме
выживающих чудом в местах отдалённых
не столь.

Что ты знаешь о жизни?..

Родом из отморозенных окон — куда нам таким?..
И тебе не понять,
постояльцу нарядных бульваров,
отчего так бледны одолевшие брод седоки
и не смотрят в глаза, отпуская своих боливаров.

Что ты знаешь о жизни, немногим длиннее стишка,
где случайным словам
в изувеченном ветром конверте
до последнего верят и крестятся исподтишка —
что ты знаешь о смерти

искромётных свечей, позабытых у пыльных икон,
где Господь раздаёт векселя в неизвестной валюте
и всё так же один — налегке по реке босиком
отправляется в люди.

МОЛЧАТЬ ПО-РУССКИ

смотри, как часовой затянут пояс,
сибиряки живыми не сдаются.
из города опять уходит поезд,
они здесь никогда не остаются.

и было бы нисколечко не жаль, но
в далёкие края из википедий
они увозят, просвистев прощально,
героев наших маленьких трагедий.

ковчег плацкартный, междометий грозди,
в багажных полках сумки и разгрузки,
умеют с детства каменные гости
петь на попутном, а молчать по-русски.

кто — семечек купив у бабы клави,
кто — загрузившись огненной водою,
они, беспечно сдвинув балаклавы,
делиться станут хлебом и бедою,

а то — хвалиться арсеналом скудным
трофейных снов про море, эвкалипты.
а ты стоишь под куполом лоскутным
и только повторяешь — эка влип ты.

всех где-то ждут в какой-нибудь вероне,
за что же втоптан в снежный мегаполис
ты, белым обведённый на перроне?
из города опять уходит поезд.

НИКОГО НЕ ПРОЩАЯ

выходили из круга, говорили о разном,
забывали друг друга наши мальчики в красном,
наши девочки в белом, провожая, — прощались,
обведённые мелом больше не возвращались

вон — пустые дома, как несданная тара,
так и сходят с ума, нам чего не хватало

время корчится в схватках, выпуская из пасти
ужас в детских кроватках, ядовитые сласти
габардин горизонта в кровотокающий рубчик
а какой в том резон-то, что ж ты медлишь, голубчик

под собой сук рубя, выживать тяжелеет
никого не любя, никого не жалея

все остались довольны полем чистым, не минным
сроду страшные войны достаются невинным
некапризным, негордым, невезучим и сирым
к тихой жизни не годным — дай же, Господи, сил им

хлеб крошить голубям, завтра не обещаю
никого не губя, никого не прощая.
никого не прощая

НЕ ОБСТРЕЛ

ты уверен, что это ещё не обстрел?
отчего же тогда чувство локтя острее,
что ж так плотно зашторены окна.
все пророки смиренно сомкнули уста,
ты обил все пороги, ты слишком устал,
словно пуля твой ищет висок, но

ты идёшь ей навстречу, весёлый дикарь,
даже в детстве тебя не учили тикать,
а теперь-то и вовсе не шутка —
ты пахал и ни с кем не хотел враждовать,
но ты слышал — солдатская плачет вдова
безысходно, протяжно и жутко.

беглый пленник чужих виртуальных сетей,
ты не знал, что теперь тут хоронят детей —
плачут так, словно Бог небо выжал,
на расхристаный мир наводя марафет.
видишь — падает, падает тень на лафет.
надо, чтобы ты всё-таки выжил.

ГОРЛОВКА

выводя из себя, не держи меня за руки, брат.
дай ладоням запомнить податливый сумрак белёсый,
перебрать поимённо сугробы напрасных утрат
и смотреть, и смотреть, как метель обнимает берёзы.

поклониться родным, между делом сходящим с ума,
и чужих не забыть, хладнокровно шагающих рядом.
зарекаться нет смысла — пусть будут тюрьма и сума,
лишь бы выстоял дом, изувеченный шалым снарядом.

тише, девочка спит, что есть сил обнимавшая мать,
на покрывшейся коркой земле, обернувшейся адом.
здесь, по слухам, война — вот и некому их поднимать,
обескровленных птиц, на лету искалеченных градом.

отпусти меня к ним, безмятежно не помнящим зла,
я смогу рассказать им,
что пропасть совсем не бездонна,
что и с той стороны было видно, как нежно несла
мирно спящую дочь на слабеющих крыльях мадонна.

перемирие, брат, фейерверк завершает концерт,
лишь бы нам не забыть это пение их горловое...
песня — тоже тоннель, свет опять обещали в конце.
сколько долгих веков с непокрытой стоять головою

О ВОЙНЕ НЕ ПИШУ

я давно не пишу о войне, о войне не пишу
и не знаю сама, это старость уже или зрелость
только снится к утру — незнакомую землю пашу
я любила её
а она подо мной загорелась

задрожала, зашла в ожидании большей беды
как по шву порвала
старый мир от крыльца до сарая
не хватает воды той земле, не хватает воды
пожелтела, поблёлкла, сама не своя, не сырая

что за тени бегут задыхаясь вдоль мёртвой реки
вряд ли помнят уже, кто когда затянул пояса им
эти гордые люди, живущие здесь вопреки
старой песне о том, что свои мы
своих не бросаем

постаревшие дети, взрослевшие из-под полы
в детство впавшие матери
сжавшие мир, как заточку
из любого зерна прорастает здесь только полынь
под засушливый шёпот за сына, за мужа, за дочку

из любого угла мягко стелется ласковый дым
словно даже огонь растворяться бесследно подучен
я завидую тем, кто уходит от нас молодым
не увидев, как мир
выгибается в смертной падучей

ПОКА ИДУТ

война войной и город словно снится вам
и нет верней лекарства от морщин
весна-красна в чужом платочке ситцевом
встречает растерявшихся мужчин

по жизни не взрослеющее воинство
прикрывших нарисованный очаг
где так самозабвенно пьётся, воется
где стынет свет в зажмуренных очах

где помнят, чьи следы между сугробами
дымятся — что сгорит, то не сгниёт
жаль, что своих под выцветшими робами
не разглядеть, пока не треснет лёд

пока танцуешь на скрипучей наледи
вбирая воздух, словно чистый спирт
и только умирать выходишь на́ люди
где кто-нибудь непрошенный не спит

постой, Господь, не жги, не вынимай чеки
пока клянусь в нечаянном родстве
пока бредут мои слепые мальчики
в навстречу им распахнутый рассвет

ТОЛЬКО ПЛАКАТЬ НЕ СМЕТЬ

Нас жалеет Господь с висока, свысока, свысока,
разбавляя надеждой кровавый июльский закат
на опухшее зарево слёз набегаёт волна
это прошлое плачет о будущем
это война

Это падают ангелы, боль собирая на винт
за пунктир горизонта, похожий на рвущийся бинт
где по кругу беда, где по следу всегда
степь да степь
где уставшие люди пытаются выжить успеть —

Не сломаться, не сдать и сердца не отправить на слом
беспощадно добро, наступая на юркое зло
у какой из станиц мы свою отходную споём
нет у битвы границ — только в сердце
твоём и моём

Мы в себя не вернёмся уже никогда-никогда
только пепел любви посыпает в ночи города
жало где твоё, смерть? но опять полыхает Донецк
только плакать не сметь
только это ещё не конец

ПОКА НЕ ПРИПЕКЛО

я знаю слишком много трудных слов
и снова не смогу сказать попроще
о том, как, ускользнув из вещей снов,
они идут колоннами на площадь

в начале мая — нет, не на парад
как волокут ржавеющую арту
им возле белокаменных палат
быть не по чину, да и не по фарту

пока вельможа тонкий рот кривит
добро на их могилах наживая
брусчатка гулкой площади кровит
а горизонт — как рана ножевая

не на парад и нет, не на поклон —
стоят, глядят, как смерть на лобном месте
бросает кость
пока не припекло
стоят, молчат и вслед прохожих крестят

АННА РЕВЯКИНА

КЕВЛАРОВЫЙ ВЕК

КВАРТИРА НОМЕР 20

Условия, в которых я живу, —
в которых я из стрекозы в жену
превращена казённой особой, —
московская хрущоба.

Две с половиной комнаты на юг,
в которых я, теряя речь и нюх,
живу, закрывшись. Вот уже полгода
от двери до окна, от шкафа до комода
мой путь. Тропинки меж советских книг,
в которых странный каменный язык,
но восхитительно прекрасны запятые.

Уродлив быт, где ржавое и злое
течёт по старым трубам домостроя.

И где-то там, где До впадает в нецк,
где говорят, что он нам всем отец.
На берегу во храме на крови,
где я училась горю нелюбви.
Там где-то часть меня. Я эту часть
люблю сильнее, чем мог бы ты представить.
Пойми, я там не только родилась,
погребена я там.
Среди развалин,
среди руин, среди донецких роз,
среди ослепших окон.
И если будет на земле потоп,
не смоет дождь ни наш святой некрополь,
ни города вокруг.
Потушит лишь
и сохранит нам жизнь,
заранее считающимся тленом.

Качаю люльку, тише, спи, малыш,
и слушай сказку о любви обыкновенной.

2020, Москва

ФОРТИФИКАЦИОННАЯ ПРОЗА*Семёну Пегову*

Мы встречались с ним в лобби-баре одного отеля.
И он выглядел как домашний кот, зачем-то надевший хаки.
Мельницы этой войны слишком быстро мелют.
А от воды этой войны после первого кипячения накипь.
Мы потом с ним ездили туда, где уже по-настоящему страшно.
Не так, как в центре, в центре — это цветочки. Ты помнишь розы?
Для меня пятисотой гражданской любое оружие — это Калашников.
А любые стихи — это фортификационная проза.
Не хочу забывать тебя. Как ты смотрел и шурился,
как сидел вальяжно, как ел, как держал приборы.
И мне кажется или не кажется, что скоро в Донецке на улицах
останутся только раненые поэты и бронзовые военкоры.

2022, Донецк

ВЕЧНЫЙ ГОРОД

«Не читайте газет, и не будет войны».
От войны до войны было небо — ни облачка.
Приезжай к нам в Донецк, привези нам немного воды
и краюху Луны вместо месяца корочки.
Лунный хлеб так похож на огни Ильича.
Это главный проспект наш — дорога подлунная.
Если б город умел мой от боли кричать.
Если б город умел мой о чём-нибудь думать
другом. Кроме этой войны, кроме этих расстрелов в упор.
Если б мог он, то встал бы, прикрыл бы тебя, ротозея.
Я не знаю, за что ему всё это. И в какой ни заглядывай двор,
всюду видятся штрихпунктирные контуры Колизея.

2022, Донецк

МАРИК

У мамы моей в Донецке рыжий котей.
У мамы моей из крана ещё рыжей
раз в четверо суток течёт вода.
Но мама моя говорит: «Это ерунда».
А страшно ей только, когда по нам,
по нашим высоткам, садикам и дворам
стреляют без продыху день за днём.
«Мы здесь всё ещё живём. Мы здесь все ещё живьём», —
коту повторяет мама. А кот урчит:
«Не бойся, не бойся, я твой желтоглазый щит,
я Марик, я твой, мы вместе, мы заодно.
Смотри, моя шерсть — позолоченное руно.
Я приношу удачу, наглаживай и корми».
Во время войны так важно остаться людьми.
Во время войны так важно любить кота —
от носа сердечком до рыжего до хвоста.

2022, Москва

Когда ранят кого-то из крови и плоти —
мужчину в окопе
или женщину в городе,
Можно видеть, как кровь настоящей рекой.
Не поверишь, но крови бывает так много
в одном маленьком человеке.
Очень много, я видела, целое море.

Когда чёрный наводчик, душу продавший
и в довесок гнилую печёнку,
стреляет без промаха.
Когда здание старой советской постройки
щурит окна слепые или, напротив,
распахнув их навстречу химерам и демонам,
смотрит в небо, а небо исчиркано мелом.
Это небо немирья, на синем белые символы.
Не хочу говорить тебе, что они значат.

Я вхожу в эти здания ад-министратий.
По стеклу, проводам и чужим фотографиям.
Их сорвало со стен, разметало по лестницам.
Мне кричат, чтоб смотрела я под ноги. Господи,
я хочу посмотреть, как наступит девятое мая.
Не девятого и не мая, но ты меня понял.

То, что я никогда не забуду? Французское слово —
жалюзи, в нём и жалость и жало.
Я увидела их, не узнала.
На полу я увидела многометровые ленты,
словно кто-то пришёл, гружённый бинтами,
и потратил неделю, чтобы их размотать.
Эти белые ленты повсюду.
Их так много, что можно вдоль горизонта.
И больное колено
моей старенькой мамы,
которая здесь, что солдат оловянный, —
ни шагу назад.
Соберу эти ленты, забинтую колено
моей старенькой мамы,
пережившей донбассовский ад.

2022, Донецк

1

Попадая в обстоятельства военного времени, адского места,
оставаясь внутри чернокаменного Донецка,
ты заводишь песнь о семи опалённых нотах
про пацанов в окопах.
Их глаза голубые. Почему-то всегда именно голубые.
Их красивые лица — грязные, усталые, молодые.
Их фигуры шахматные, разница только в цвете.
Они все чьи-то дети.
Чьи-то братья, отцы, дядья и товарищи.
И никто из них не хочет ни в госпиталь, ни на кладбище.
Все хотят вернуться целёхонькими, весёлыми
в свои города и сёла.

2

Все хотят вернуться, даже те, которые сгнули,
даже те, кого некому ждать.
Моя мама говорит,
что сердца у нас теперь заминированные,
как поля заминированные.
Меня спрашивают, почему я не вывезу мать,
ведь она у меня одна,
словно есть те, у кого их две.
У мамы моей есть дом, есть кот, есть кровать,
есть могилы родителей по пояс в траве,
бабушки Надежды
и дедушки Николая.
«Меня могилы держат.
А ещё только в Донецке
я чувствую, что живая».

3

А куда ей ехать?
Матери твоей, матери моей.
В кармане с прорехой
по миру ходят тыщи её детей.
Сидит в селухе,
молится, воду ждёт.
По селухе слухи
носит в горстях народ.
А куда ей ехать,
если нигде не ждут,
а вчера морпехам
выносила жгут.
А сегодня снова
дождь да маета.
А куда ей ехать?
Не. Ку. Да.

2023, Донецк

Давай, как будто мы уже в раю.
Такой же дом, как был у нас при жизни.
Я молодой картошки наварю.
Салат из молодой капусты маслом сбрызну.
Пахучим маслом — новый урожай.
Достанем хлеб из хлебного пакета.
Я только так и представляю рай.
Картошка, скумбрия, вчерашняя газета.
Ты станешь перечитывать Дюма,
а после Пикуля и, может, Гумилёва.

За окнами донецкая весна,
и мы друг друга, свет мой, с полуслова,
с одной лишь ноты, хрупкой ноты ми
поймём и не заплачем, не заплачем.
И ты в тетрадочке поможешь мне стихи
решить — по математике задачу.

2023, Донецк

ИЛЬЯ

Знаешь, что сказал ей однажды с февраля воюющий сын?
«Мама, был обстрел, но наши молитвы летели быстрее мин.
Пыль стояла — ничего не видать, сколько глаза ни три».
А глаза-то, глаза, глазищи лазоревые у Ильи.
Как он там, паренёк, третьекурсник, в украинском плену?
Слышь, Илья, тебе точно мамку нельзя оставлять одну.
Мы тут все сейчас мамки, такие же, как и твоя,
не метём в дому, пока ты в плену.

Ждём тебя, ждём тебя, ждём тебя!

Слышишь, ждём! Мы все вместе тебя здесь ждём.
Тыщи мамок, тыщи бабушек, тыщи девочек, тыщи жён.
И не смей не вернуться, слышишь, не смей, Илья.
Мы тут все сейчас мамки, такие же, как и твоя.

2022, Москва

Не хочу ничего знать про твоего Месси,
у меня тут город родной девятую зиму в замесе.
В кровавом замесе. Снег пополам с кровью.
Читаю сводки: «Снаряд повредил кровлю,
пожар, погибшие, анкетные данные будут позже».
И нет этого города мне дороже,
его дорожек, парков, улиц, графичного горизонта,
его красных карточек, его близости к фронту,
его позиции вне судейства и вне отмщения.
Прости меня, если можешь. Я прошу у тебя прощения.

Отвечает город протяжным гудком завода:
я прощаю-прощаю, ты не виновата, не виновата.
Отчего же так тошно тогда накануне нового страшного года,
словно смерть сама движет стрелками донецкого циферблата.

2022, Донецк

ДЕНИСУ МОРОЗОВУ

Ты слышал, Гагарин вернулся живым?
Только не Юрка, а Димка.
Из украинского плена.
Вернулось полсотни их, все как один,
с улыбками необыкновенными.
Звонят своим мамам, невестам и сётрам.
И хочется плакать, и чувствовать остро
такие огромные радость и боль.
— А мой-то вернётся? — мне пишет Татьяна.
— Конечно, вернётся, вернётся, конечно.
И будет огромное первое слово.
То самое слово, которое в год он,
смущённый и крошечный,
в зелёных штанишках и кофточке белой —
подарок от крёстной —
Смешной и смышлёный,
сказал тебе тихо, а после чуть громче,
как будто боялся, что ты не услышишь,
то самое слово сквозь все эти годы.
Он носит его у самого сердца
в нагрудном кармане.
Он скажет тебе его.
Мама.
Даст Бог, будет связь телефонная чистой,
как слёзы в просоленном горем платочке.
Он скажет тебе: «Мама, мама, ты слышишь?»
Ответишь ему: «Я слышу, сыночек».

2022, Москва

ТЁТЯ МАРИНА

Пакет градов по жилмассиву.
А поднимешь глаза — и небо всё равно синее.
Такое синее и бездомное.
«Господи, дай мне смерть скромную», —
говорит тётя Марина из Докучаевска.
Ходит в храм, причащается.
«Не хочу смерть напоказ с кровью,
пусть придёт к изголовью.
Карга или девушка — всё равно.
Не хочу на людях умирать, попадать в кино,
в хроники нашего ада».
По жилмассиву пакет градов.
Я не знаю, какого размера сердце отца Никиты,
ему приходится отпевать убитых,
помнить их по именам и душам.
По горю людскому невозможно аки по суше —
такая работа. Жуткая. Даётся по вере.
Говорят, над моим Донбассом открыты двери
в небе синем, прямо в пределы рая.
Под ногами стонет земля сырая.
У тёти Марины руки натруженные, глаза ясные.

«Пусть они никогда не погаснут», —
загадала я в детстве своём быстrokрылом,
когда тётя Марина в тазу меня мыла.
Помню каждую улочку города доломитного,
по нему я на велике девочкой любопытной,
словно птица, носилась, но домой приезжала вовремя.
Небо было такое же синее, но не бездомное.
Караваем свадебным солнце над балкой.
Моей тёте Марине особенно деточек было жалко.
Сколько помню, она жалела меня, всё гладила
по рукам или волосам на скамеечке под виноградом,
приносила с работы трубочки и ватрушки.
Даже если я не была в этот день послушной.
А теперь мне жалко тётю Марину — маму крёстную.
Я давно не деточка, а сама уже тётя взрослая,
нет ни велика, ни ватрушек, ни пьес для фортепиано.
Во все стороны только дни окаянные.

2022, Москва

АВДЕЕВЫ КОНЮШНИ

Он вздохнул, улыбнулся одними глазами,
весь зелёный-зелёный, только чёрная балаклава.
«Это Авдеевы конюшни», — сказал и замер,
чтобы я оценила шутку. Человек особого сплава.
Кем ты был в той жизни, ну, довоенной,
до того как превратился в Геракла?
Если честно, уже не помню, немного был бизнесменом,
торговал в сезон на Крытом раками.
А потом оно как-то само — аэропорт, Пёски.
У меня же там дача. Была. Два этажа и беседка.
А потом оно как-то само — словно бы изменилась резкость —
полтора года снайпером, сейчас в разведке.
Ну и что, мы возьмём её, эту Авдеевку, «Авдеевы конюшни»?
Сомневаешься? Поэтесса! Возьмём. Посмотришь...
И ушёл куда-то, насвистывая «Катюшу».
Мы не виделись больше.

2022, Донецк

Думаешь, она просто женщина по соседству.
Платье в цветочек, крестик, больные ноги.
А она — хранительница Донецка,
да, хранительница Донецка.
Города, куда не ведут дороги.

Она держит своею верой над городом небо.
Говорит: «Чем могу, помогаю, молюсь, говею».
Она шепчет слова молитвы, в ней совсем не осталось гнева.
Настоящая королева.

Её быт суров, её мысли — дожить до завтра.
У неё есть кот — леопардовый грузный Марик.
И она ему утром первому предлагает завтрак,
а потом и себе чего-то там наливает.

Я ведь помню, какой она ещё четверть века
/молодой и глумливой, модницей, сердцеедкой/
распрекрасной была, макинтош как носила в клетку,
какой жгучею роковою была брюнеткой.

А теперь в то вчерашнее марево вход заказан,
там до сей поры стынет чай, а в менажнице сухофрукты.
Но она не пожаловалась мне ни разу.
Она просто молчит, когда сильно стреляют, в трубку.

А когда прекращают стрелять, её голос весел.
Говорит, что Господь ей отмерил ещё немного.
Думаешь, она просто женщина по соседству?
Нет, она — хранительница Донецка.
Города, куда не ведут дороги.

2023, Самара

ДЕТИ РОЗ

Первое, о чём ты потом будешь трещать без умолку.
Самое первое, что захватит дух твой ещё на станции.
Это то, что здесь на всех площадях, улицах, в переулках
/заполняют собою даже неприспособленное пространство/
небывалой красоты, огромные, в мужскую ладонь размером,
бархатистые, сонные, пахнущие лобово и протяжно,
даже не розы — а символы нашей несокрушимой веры
в то, что однажды нам перестанет быть страшно.
В то, что однажды всё это перемелется, но не забудется.
Памяти нашей памяти воздвигнут высокие стелы,
отстроят дома, расчертят и нарекут новые улицы
именами врачей, скрипачей и, конечно же, самых смелых.
Тех, кто по воду ходил далёко с пустыми баклажками,
кто всей душою желал, чтобы хоть дети дожили до мира,
кто вещи стирал в рыжей воде и сушил вверх тормашками
на сквозняках февраля в лишённых стёкол квартирах.
Не поверишь, но всё же цветут наши розы донецкие
вопреки, словно бы говорят нам, жителям города и завода,
что однажды все уехавшие вернуться на Университетскую
и снова войдут в эту реку, дважды войдут в эту воду.

2023, Донецк

Мой папа тоже был пожарным —
красивым юношей поджарым.
Рассказывал мне об огне,
чтоб я чуть позже о войне
могла писать его словами.
О том, что у любого жара:
от искры — лижущего жала —
до в рост поднявшейся беды,
когда не хватит ни воды,
ни сил, ни техники, ни пены,
проходит времени немного.
От первых искр до эпилога,
до пламени, в котором всяк
сгорает, словно бы сушняк,
сгорает, стало быть, мгновенно.
Как при пожаре время против
играет всех, как дом напротив
эвакуируют под нуль,
как выставляется патруль
и никого не подпускают.
А там, где началось всё это,
десятое несётся лето
в заката грешную печаль,
где был приказ не отвечать,
приказ преступный.
И все теперь мы в этой лодке.
«И будет день, и будут сводки», —
у нас так бабы говорят.
Как страшно, десять лет подряд
внутри пожара, папа.

2023, Донецк

Впереди год дракона маячит —
мягкая сила Китая.
Под Авдохю Димка Филиппов
роняет Горыныча Змея.
На Тверской снег идёт
и не тает, не тает, не тает.
А в Донцке моя
ясноглазая мамка болеет.

С Новым годом,
а счастье пусть будет из старых —
пожелтевших газет,
мишуры, балерин в белых пачках.
Новый год, Новый год —
это время менять аватары.
Под Авдохю Димка Филиппов,
свернувшись калачиком,
как младенчика, руку баюкает.
Спи, люли-люли.
Наша хата не с краю
в Донцке трясётся, но держится.
На Тверской снег идёт,
и под снегом спешащие люди
почему-то становятся на мгновенье
похожи на беженцев.

И мне страшно за всех,
за всех моих русских,
и за этих, которые в книжном
толпятся у полок.
И за мамку. За Димку. Я слышу,
как сердце его под разгрузкой
открывает мне тайную тайну:
война будет долгой.

И победа неблизкой,
смотрите, смотрите тверёзо.
Каждый метр вперёд
нам стоит огромных усилий.
На Тверской снег идёт,
а в Донецке последние розы
обрезает близ линии фронта
Ревякина Лилия.

2023, Москва

Любые слова теперь лишние, лишние, лишние.
Война заправляет здесь всеми и всем.
Мы с Ромкой Канарченко гуляли весной по Текстильщику.
И было нам, кажется, семь...
Семнадцать нам было, весна была мирной и звонкой,
а нынче январь, и мороз, и снова обстрел.
И мама напишет: «В Донецке отчаянно громко».
И мама напишет: «Здесь кто-то опять не успел
укрыться, спастись, добежать, помолиться,
здесь птицы железные в небе — коршуны тьмы.
А сводки, что сводки...
Тридцать в больнице
и двадцать восемь мертвы.

21.01.2024

Он уезжает или приезжает?
Она его на поезд провожает,
и слёз не льёт, и не дрожит губой.
Я знаю, что её зовут Любовь.
А как его? Да как вообще угодно...
Любое имя из имён народных
он сменит на два слога позывных
и умирать пойдёт за семерых.
Ну что ты, в самом деле, — он не сгинет!
Скажи мне (я молиться стану) имя:
по позывным Господь не разберёт.
Молись за всех, за весь большой народ.
И за неё молись, пускай дождётся
дончанина, самарца, новгородца,
читинца, москвича и петербуржца —
поэта, музыканта, вольнодумца.
Пускай дождётся. Ждать она умеет.
И доживут они до юбилея,
чтоб никогда не вспомнить при потомках
ни этот день, ни поезд, ни котомку.
А будут помнить что? Как в век кевлара
она его собою прикрывала —
живую плотью крепкую броню.
Словами: «Милый, я тебя люблю...»

АМИР САБИРОВ

По цепи окопов свистит и
приглушит слегка;
сушился бушлат —
продырявили пулями;
хохлы выползут в поле,
отработают их снайпера:
убили других, а поэтому
сами не умерли.

Кабачковой икры натошак,
сигарета просмолит губу,
и дрожащие руки от холода
передёрнут затвор.

Прокляну вслух войну
да на небо взгляну,
что рассветом распорото.

Сколько дней до победы,
скажи, предзамесная тишь,
как стекло, вся разбита
приходами,
вроде «Града» куски;
мы к земле припадём;
замолчишь,
моё солнце — весна, которую
здесь изуродовали.

Сквозь окна квартиры
разбитой ветер подует,
остаток напалма запыленный
воздух прорежет,
смола сигарет уставных
на пальцах пятном
пожелтевшим
остынет,
и ты прикоснёшься ко мне
воронёной бессонною ночью,
когда замолчит артиллерия,

когда засопят сослуживцы,
лишь кто-то внезапно,
от крика проснувшись,
дрожащей ладонью откроет
защёлку на двери.
Сияют горбинки хрущёвок
под новорождёнными
спутниками,
и слову любому,
что скажешь, заплакав,
поверю.

Сквозь туман
обезвоженно синий,
рёбра кузова в тент обернув,
едет взвод по спасённой России
и бросает к обочине грунт.

Татарва, дагестанцы, чеченцы,
белокурые лица славян,
украинцы — на каске с имперским
флагом — чай пьют со мной по долям.

Конвоиры, сидельцы, убийцы,
участковые и слесаря,
из ОМОНа суровые лица,
гладковыбритые якоря.

На делёжке района — разборка,
в пьяной драке летальный исход,
на груди, как влитая, наколка:
«Тот, кто истинно любит, тот ждёт».

Обступает свинцовая дымка
южнорусские станы полей,
как девичьи, ратная битва
созывает в раздоре князей.

Говорит, что племён нет и наций,
геноцидом кто вскрыл новый век,
что арийцам под стать лишь британцы,
та же кровь у прилизанных век.

Палачи, казнокрады, поверья
новорусские будут не вам!
Не наживы не ради — спасения
воздвигает убитому храм

Вечный мученик — грозным потоком,
рассекающим волны волной
термоядерной, жгучим осколком
появляется мир голубой.

Рассветным обугленным полем
идём по приказу Господнему
к февральскому белому дню,

Ныряя в воронки застывшие,
где теплятся берцы дырявые,
оборванные на корню.

Свистят по скукоженным тучам
снаряды — и, кажется, к лучшему —
хохлы сейчас бьют не по нам.

Блиндаж, словно Божия милость,
скажи, брат, мне это приснилось,
и я уже больше не там.

Лёгкий холод, сибирская
проседь
на стакане осевшей тоски,
век войны город мой
перекосит,
пацанов раскидают
в полки
поднебесные. Отблеск
Донбасса
разорвёт океанскую плоть.
Воскресенье, окопная ряса,
на шевронах во злате
Господь.
У излучины дзота отрою
то ли мусорку, то ли нору,
плащ-палатку с запёкшейся
кровью
в уголок, завернув, уберу.
Будто время растаяло
в грязи,
остывая навечно в степи,
где намотка уходит до
трассы,
где раскиданы врозь
«лепестки».

ВЛАДИМИР СКОБЦОВ

ДОНЕЦК

Огня и пороха покрыты гарью дали,
и хрупкий мир всюду трещит по швам,
война, в которой выживешь едва ли,
рекой всё ближе к дальним берегам.

Война вольна при шулерском раскладе,
и вороньё жиреет, как ворьё,
и полстраны сдаст родину, не глядя,
и полстраны поляжет за неё.

Чем кормят в райских кущах на второе
и каково вернуться на щите,
как поживать на небесах героем,
как доживать героем в нищете?

Ответа цену на вопросы эти
сперва узнаешь, поглядишь потом,
и кто за кровь невинную в ответе,
и кто ответит, встав перед судом.

И выбор прост, и умничать чревато,
долг чести — оставаться в дураках,
и полстраны идёт на дот с гранатой,
и полстраны гуляет в кабаках.

И десять лет стоит, прочнее стали,
зажав зубами крепко жизни нить,
Донецк, где даже крысы убежали,
а мы живём. Россия, будем жить!

ЗА ДОНБАСС

Не пишите стихи о нежности,
когда тучи нагнало с севера,
когда время прижало к вечности,
оторвите глаза от клевера.

Время в море идти матросами,
ветер пену уносит чайками,
волны рвутся с цепи барбосами,
и мечты оторвало с гайками.

Этот ветер вовек не кончится,
этот век заштормил до смерти,
этот вечер в закате корчится,
и в рассвет поутру не верьте.

Нам держать это небо до сини
на канатах, смолой пропахших,
нас разделит расчёт по осени
на вернувшихся или павших.

Распрямилась надежда парусом,
и не ждите стихов о нежности —
за Донбасс слились в схватке яростной,
за всех нас слились в схватке яростной
русь и вырись на русской местности.

ГДЕ БРАТ ТВОЙ

В начале слово,
В конце расстрелы,
Пророку снова
Заводят дело.

Майдан безгрешен,
Но брошен камень,
Майдан кромешен,
Где брат твой, Каин?

Камланье хора,
Глаза пустые,
Прогнали вора,
Позвали Вия.

Горят станицы,
В петле окраин
Хрипит столица:
— Где брат твой, Каин?

Героям слава,
Как говорится,
Течёт кровава
В реке водица.

В герои, к славе ль
Твой путь закаян,
Где брат твой Авель?
Ответь мне, Каин.

А кровь всё льётся,
Мадонна плачет,
Дурак смеётся,
Иуда скачет.

В глаза взгляделся
Товарищ Сталин:
— Куда брат делся,
Товарищ Каин?

Тебе под немцем
Быть вертухаем,
Второй Освенцим
Кричит: «Лехаим!»

Развязка близко,
Исход летален,
Идёт зачистка,
Где брат твой, Каин?

А на Донбассе,
Как на погосте,
Алеет трассер,
Белеют кости.

Прилёт со свистом,
Где брат твой, Каин?
В рай резервистом
Зачислен парень.

БЫТЬ РУССКИМ

Того, что между нами было,
мы не предъявим напоказ,
она меня не разлюбила,
хотя могла бы и не раз.

Её неведомая сила
не по тропе, а напролом
чужого в русского крестила
крестом, мечом ли, топором.

Кто в ад не шил себе разгрузки,
тому быть русским не под стать,
так учат становиться русским
того, кто русским должен стать.

Тот, кто ничем ей не обязан,
собой обяжет вороньё,
кто пуповиной с нею связан,
себя положит за неё.

Когда пошла большая драка,
где каждый только за себя,
к земли тифозному бараку
слетелись ангелы, трубя.

Где даже Богу не пристало
вступаться в драку за жильё,
она собой меня спасала,
она меня, и я её.

БЛАЖЕН РОЖДЁННЫЙ В МИРНЫЙ ГОД

Мы кузнецы, и дух наш молод,
Кто ищет, тот всегда найдёт,
Судьба сменила серп и молот
На батальонный миномёт.

Сквозь звездопад летит осколок,
Пуская ангелов в расход,
Лет через триста археолог
Находку выбросит в отход.

Как лупит «град», что значит голод,
О том, как выглядит прилёт,
Расскажет выживший ребёнок,
Который нас переживёт.

Родись герой без недостатка,
Ему бы не было цены,
Кому «войнушка» слово сладко,
Тот не видал ещё войны.

И кровь солдатская — водица,
И хлеб, поднявшийся в цене,
Лицо войны — все эти лица,
Что разжирели на войне.

Блажен бедой не перемолот,
Блажен не знающий забот,
Блажен, кто смолоду был молод,
Блажен рождённый в мирный год.

ВЕЧЕР

В этом городе светлом,
где разлук километры
облаками под ветром
всё плывут в высоту,

в этом городе вечном,
где знаком каждый встречный,
он гуляет беспечно,
и деревья в цвету

лепестками на плечи,
как наряд подвенечный,
и невесты, конечно,
примеряют фату,

в этом городе старом
он на пару с гитарой,
и гетеры нектары
преподносят ко рту,

в этом вечере синем
смерти нет и в помине,
и любовь не покинет,
и деревья в цвету,

в этом вечере вечном,
остановке конечной,
он смеётся беспечно
с сигаретой во рту.

Незамеченный в шуме,
неотвеченный зуммер,
неотмеченный умер
под обстрелом в саду.

ДОНЕЦКИЙ СПАС

Столетия предрассветный час,
Век тёмный, времена лихие,
Лицом к лицу с бедой Донбасс,
Плечом к плечу в беде Россия.

Восход над шахтами погас,
У ада спонсоры крутые,
Накрыло тучами Донбасс,
Ложится тень на всю Россию.

Летит осколочный фугас,
Потомок Каина и Кия,
Что на прицел берёт Донбасс,
Прицел наводит на Россию.

В садах Господних хриплый бас —
Гудите, трубы заводские!
На небесах сплошной Донбасс,
Под небесами вся Россия.

И на крови Донецкий Спас,
И позывной берёт мессия,
И вызывается Донбасс,
И отзывается Россия.

НАКАНУНЕ

Ещё не стынет след ничей,
Ещё не выплаканы слёзы,
Ещё не верится в прогнозы
Благих, убогих, трепачей.

Не слышен сердцу зов трубы,
Созвездья спят в ночной реке,
Младенец спит, в его руке
Зажата линия судьбы.

И мать, пока что не вдова,
Так сладко спит в обнимку с мужем,
Он для войны ещё не нужен,
Она пока ещё жива.

Туман окутал берега,
Не выдаст Бог, не хрустнет ветка,
Луна уходит и разведка
В расположение врага.

БРАТИШКА

*Тем, кто ушёл на небо
под позывными*

Зарыт своими,
Забыт страной,
Закрыто имя,
Лишь позывной.

Судьбы случился
Бараний рог,
Кто мог, скрутился,
А он не смог.

Ни прыгать с пирса,
Ни жечь причал,
Кто изловчился,
А он не стал.

Те, что пожиже,
Шептали «Лох»,
Уже в Париже,
А он не смог.

Крысиным ором:
— Твоя ль беда?! —
Кричали хором,
А он сюда.

Мать похоронки
Не ждёт, сынок,
Иди сторонкой.
А он не смог.

Ни за медали,
Ни за пятак,
Вы их не дали
Ему и так.

Склонилось знамя,
И вышел срок,
Кто выжил — с нами,
А он не смог.

На место пусто,
Уставом тёрт,
В казарму пустит
Сверхсрочник Пётр.

Дадут бельишко,
И скажет Бог:
— Привет, братишка!
Я б так не смог.

НАДО ЖИТЬ

Хоть режьте Родину, хоть ешьте,
от злых невежд мороз по коже,
и жизнь уже не станет прежней,
и смерть становится моложе.

Уже не скроешься в столице
и не укроешься в морозы,
к тебе воротятся сторицей
чужая боль, чужие слёзы.

Уже забудется едва ли
судьба, пробитая осколком,
нас слишком долго убивали,
но жить в России надо долго.

Над нами звёзды, словно в тире,
беда течёт по небу Волгой,
мы слишком долго жили в мире,
война с чертями будет долгой.

У преисподней тени нет и света,
Из преисподней злые голоса,
Шахтёр, зажав зубами сигарету,
Стоит, где был, и держит небеса.

Пред Богом чист душою и исподним,
По воле, по судьбе ли, по вине
Идёт огнём крещение Господне
В асфальтовой донецкой полынье.

Трещит земной оси истёртый ворот,
К Всевышнему дончанам по пути,
Здесь, на земной оси, стоит мой город,
Земле с орбиты не даёт сойти.

Венозны тучи предрассветной ранью,
Сбил кто-то пепел ветром от крыла,
И над авдеевской промзоны иорданью
Белеет голубем БПЛА.

Бог не мой и не мой вождь,
Вышиванки в крови вязь,
И в умишке его ложь,
И в душонке его грязь.

Я в гортани его кость,
Я его головы боль,
Я, как он, на земле гость,
Я, как он, для небес ноль.

Но пока пядь земли, горсть
Есть донецкой, я не голь,
Он в задаче моей гвоздь,
Умножаемый на ноль.

Мир — театр, а Донбасс — тир,
И мишенями в нём мы,
Где-то есть, говорят, мир,
На него посмотреть бы...

Не архангелы и не мессии,
И уж точно не Божья мать,
Кто нас дёрнул родиться в России,
Кто на Бога велел уповать?

Задушевная песня острога
Да под водочку сельдь иваси,
И стигматы опального Бога
На ладонях распятой Руси.

В крепкий узел судьба наша свита
В царстве то ли рабов, то ль господ,
И земля густо кровью полита —
Это наш генетический код.

Кто пророка не ждёт у порога,
Кто твердит «сохрани и спаси»,
Кто с идеей распятия Бога,
Кто как крестик нательный Руси.

Куст горящ разговорчив не шибко,
Сам себе, если сможешь, ответь:
Чья война, чья вина, чья ошибка,
Кому выжить, кому умереть.

Птица-тройка, лихая дорога,
Куда мчится — попробуй спроси!
Ночь глуха, голос сорванный Бога
Кличет души свои на Руси.

Мой рай, мой край. Об этот край суровый
Ломают копья, расшибают лбы.
Я создан из его любви и крови,
Труда и воли, слова и судьбы.

Его судьба — нелёгкая дорога,
По ней он шёл, не полз и не петлял.
В лицо он видел дьявола и Бога,
Пред ними не скулил и не вилял.

Был столько раз оболган, продан, предан,
Лицом к беде, у смерти на краю,
Он никогда не называл соседом
Родную мать и родину свою.

Он прям, упрямя, он твёрд, не терпит лени,
Он бил всегда за подлость по зубам,
Он никого не ставил на колени,
Поскольку никогда не станет сам.

Летит Отчизна под откос,
Конец ремёсел,
Ты во спасенье её брось,
А ты не бросил.

Ты в этом в мире только гость,
Другие гости
Давно ушли, сказавши:
— Брось!
А ты не бросил.

Трещит, устав, земная ось
От зим и вёсен,
Инстинкт подсказывает:
— Брось!
А ты не бросил.

Души не вешаешь на гвоздь,
Не сушишь вёсел,
Тебе приказ отдали:
— Брось!
А ты не бросил.

Всех мирозданий зреет гроздь
В одном вопросе,
Когда тебе предложат:
— Брось!
А ты не бросишь.

Люби её, какая есть,
Отцом ли, мужем,
Неважно, нужен ли ты здесь,
Ты там не нужен.

И как бы горько ни жилось,
Хоть на погосте,
Живи, когда сказали:
— Брось!
А ты не бросил.

НЕ БОЙСЯ, РОДИНА!

Не спекулируй знаком «зет»
и не записывай нас в агнцы,
нам надо было продержаться,
и мы держались восемь лет.

Шёл враг и вороны вослед,
и нам приказ отдали вкратце
день простоять, ночь продержаться,
и мы держались восемь лет.

С одной надеждой на рассвет,
что уравниет наши шансы,
день простоять, ночь продержаться,
так мы держались восемь лет.

Донбасс легендами воспет,
чужих стихов горит в багрянце,
нам надо было продержаться,
и мы держались восемь лет.

А скольких тех, что с нами нет,
не вспомнят и не впишут в святцы,
нам надо было продержаться,
и мы держались восемь лет.

Большая Родина, привет!
Не бойтесь бед, мы с вами, братцы,
вам надо только продержаться,
как мы держались восемь лет.

ОЛЬГА СТАРУШКО

ИЗЛОМ

Мы помним каждый день и год.
Метро.
Троллейбус.
Переход.
Подвал.
Сложившийся подъезд.
Мы родом все — из гиблых мест.
Наш век растёт из тех времён,
где дым, где взрыв, где крик, где стон:
роддом, аэропорт, спортзал —
и пламя хлещет по глазам.

Черна весна, чья ночь красна.
Очнись, очнись же ото сна.
Не говори: что я могу?
Не отвори дверей врагу.
От белых круч до алых стен
пусть наше сердце будет с тем,
кто держит времени излом
в борьбе с огнём, в бою со злом.

Взыскупя мёртвых у икон,
всем нам не перечеть имён.
Все наши храмы — на крови.
И горшей в мире нет любви.
И нет спасения для нас
который век, который час,
покуда мы не отстоим
свой дом, пройдя сквозь боль и дым.

ПИСЬМА

Время словно вспять идёт:
снова пишут школьники
дорогим бойцам на фронт
письма-треугольники.

Строки те, где ждут с любовью
и считают дни,
положи у изголовья,
на груди храни.

Сложат наискось опять
листки тетрадные.
А когда-то воевать
уходили прадеды.

Старшине и лейтенанту
пишет как родня:
если ранят вас, то знайте —
ранят и меня —

свой парнишка, не чужой:
Стёпа или Коленька.
Вам от всей страны большой
пишут письма школьники.

Пехотинца и танкиста
в ливень и в пургу
пусть укроют эти письма,
пусть уберегут.

Там, где самый край косы, словно волос, тонок
и сливаются во тьме Понт и Борисфен,
в полынье ломает лёд вольный жеребёнок,
мечется у берега, угодивши в плен.

Берег стылый, ветер в спину,
снега круговерть.
А в песке под снегом мины.
Мы в дозоре ночью длинной,
след по следу: ступишь мимо,
ошибёшься — смерть.

Он хрипит едва-едва, на исходе силы,
но легла на гриву вдруг тёплая рука.
Ну-ка, братцы, подсоби, чтоб не сгинул сивый.
Оставлять коня в беде — не для казака.

Лютый холод. Злое время.
Коник слаб да мал.
Подымай, и в путь скорее:
заберём на батарею.
Оботрём и обогреем
парой одеял.

Тут, на Кинбурнской косе, гнал Суворов турок,
и такой же вольный конь в бой ходил под ним.
Пусть не эскадрон, а дрон, вместо сабель ПТУРЫ —
всё одно мы врага, парень, победим.

Только где ж ты, наш Суворов?
Велика нужда.
Николаев — русский город.
И Одесса — русский город.
Нам все эти земли скоро
вновь освободить.

Заждались земля и море:
столько боли, столько горя...
Неоконченные споры,
новая вражда.
Но Одесса — русский город.
Николаев — русский город.
И Очаков — русский город.
Скоро ль явишься, Суворов?
Время побеждать.

ЗАРЯ

За Доном и Непрядвой
над мороком неправды
с востока занимается заря.
Батыи и мамаи
ломили — не сломали.
Мы встали.
Не замайте нас зазря.
Путивль и Чернигов
ещё под новым игом,
ещё ярится враг во хмелю.
От Новгорода, Пскова,
от озера Чудского
до поля Куликова ветер лют.

Грядёт иное время.
И ратник в новом шлеме,
да стремя поменяли на броню.
Нам снова через пламя
нести с восхода знамя,
косить дурное семя на корню
за тех, кто в сорок третьем
вот так же на рассвете
поднял над этой степью красный флаг.

За прерванное детство.
За молодогвардейцев
замученных.
За Лидию Литвяк.

За веру и за совесть,
за летопись и повесть,
в которых нам не сватают войну,
за Сумы и за Харьков,
за всех, кто кровью харкал
годами в мариупольском плену,
за старых и за малых,
за гибель под завалом,
за сотни раз израненный Донбасс,
за всех, кто был поруган,
подымутся хоругви
зари с востока.

Братие, за нас.

ЛИКИ

I

За пеклом — ливни.
На ноги бойцов
налипла грязь, пудовая, как гири,
и ноги будто налились свинцом.
Смерть обернулась к вырытой могиле,
и воздух над бульваром резал крик,
и множились проклятия и стоны.
Ещё ребёнок.
Женщина.
Старик.
И снова — воин.
Мирные.
Ребёнок.

И взятых жизнью новая зола
осела меж обломков и осколков.
И был девятый день, как отошла
ко Господу воительница Ольга.

II

Есть в женщине степных донских краёв
простая и безудержная сила.
Тот, кто хотел искоренить её,
пусть сам найдёт в степи себе могилу.

...Отец то возвращался на увал,
то уходил опять на боевые.
Сын возмужал.
Отец всё воевал.
Летели письма изредка: живые!

Скажи: она такая не одна —
и будешь прав.
Но знай, что в божьей руке
тот корень, до которого война,
как ни язвит, не сможет дотянуться.

За всех своих молясь и этих двух,
когда их ждать, и ждать невыносимо,
всё вынесет, поскольку с нею Дух,
неотделимый от Отца и Сына.

III

Нет лиц у боли, смерти и войны.
Их взоры — пламя.
Голоса — разрывы.
А то, что рода женского они,
слова, так это вряд ли справедливо.

Лишь у надежды — женское лицо:
любовь и вера, мамины заветы.
И выше смерти над землёй отцов
лик Родины.
И будущей Победы.

РАЙ

Весь день курился виноградный сок
в пузатое стекло, за каплей капля.
Благоухало «изабеллой» всё:
и волосы, и руки ей пропахли.

Так было год и пару лет назад —
за мною вслед тянулся аромат
до самого Приморского бульвара,
покуда запад был объят пожаром.

По масляной воде скользил паром.
От моего дыхания перо,
потерянное чайкою, дрожало
на листьях юкки, зубчатых кинжалах.
Луна лежала золотым яйцом
над пухом облаков, тупым концом
наверх обращена, во тьме к востоку.

Вот вертолёт рокочет, и над ним
край лопастей, очерчивая нимб,
взбивает воздух.
Так же пахнет соком
и йодом от орехов и от моря.
Покой и нега.
Ни беды, ни горя.

Над памятником выкрутив петлю,
шуршат сверхзвуковые серафимы.
Я этот берег не за то люблю,
что тут живут, крылатыми хранимы.
Он сам хранит, наш негражданский юг,
всю родину — от пашен и до башен.

Друг пишет: ты уже живёшь в раю.
А коли так, и помереть не страшно.

ПЛАТОЧЕК

Семья вшестером — самый малый в коляске —
 выходит бульваром гулять.
 Безоблачен день, по-осеннему ласков,
 и солнцем прогрета земля.

Вприпрыжку девчонка — юбчонка и косы —
 до школы бежит по двору.
 И золотом листьев горят абрикосы,
 и сохнет бельё на ветру.

И тёплой, горчайшей и терпкой настойкой
 здесь тянется мирная жизнь.
 Ты тем, кто себя не жалеет нисколько,
 о ней, не робея, скажи,
 и тем, кто сквозь окна палат госпитальных
 невидящим взором глядит,
 и всем провожавшим ребят на вокзале —
 не про ордена на груди
 и не про тревогу, с которой не спится,
 про мамино сердце в тоске.
 Скажи, что у бабушки звякнули спицы
 на вязаном тёплом носке.
 Что ящики яблок им и помидоры
 везут. И про сбор на жгуты.
 И что за спиной их — и город, и горы,
 и море в барашках литых.

Пусть выстоит каждый, спокоен и точен —
 за то, что дороже всего.
 А неба кусочек, как синий платочек,
 простёган насквозь ПВО.

ДОРОГА

Вещмешки никто не тронет.
Южный вечер тих.
Парни в форме на перроне
курят на троих.
За составом маневровый
коротко гудит.
Изредка роняют слово.
Шлемы на груди.
Шелестят стручки акаций.
Кто-то из парней
клонит ветку — подержаться,
как за руку с ней.
Пятна тени, пятна света:
тени глубоки.
Медлит он, от ветки этой
не отняв руки.

Командир махнул: посадка,
даже не сказал.
Плитки выщербленной кладка.
Дремлющий вокзал.
Рассветёт — и поле в окнах:
жирная земля,
смуглый спеющий подсолнух,
трактор, тополя.

Что напишешь по-простому,
чтобы не навзрыд?
На платформах под Ростовом
техника стоит.
Дальше речка, за Аксаем
цапли на песке,
женщина идёт босая
с удочкой в руке.

Под вагонный стук да тряску
отходя ко сну,
глянь — собор Новочеркаска
куполом блеснул.
Что ты, ветер, тучи гонишь?
Полегла трава.
Будет за полночь Воронеж,
поутру — Москва.
Только сердцу нет покоя.
Сердце, не боли.
Докурили на Лихой и
в Каменской сошли.
Где они, теперь не скажут.
В битве ли, в пути?
Помолись, как видишь наших.
Вслед перекрести.

ПРОБОИНЫ

Когда «Меркурий» выходил из боя
с османами, пробоину борта
один матрос решил закрыть собою
и, в корпус вмят бревном, остался там.

Последний штурм.
Обстрел донельзя лютый.
Нахимов нам наказывал: стоять!
А что в столицах: всё балы-салюты?
Ну так судьба у каждого своя.

Мы отступаем сквозь огонь и воду:
бои да грозы — не до медных труб.
Ушли из Севастополя сегодня,
и чёрен дым над бухтой поутру.

Затоплен флот.
Нет горше, братец, лиха.
Но тот герой и через годы спас:
он корпусом прославленного брига
понтонный мост удерживал для нас.

Вопросов тьма.

Они как штык прямые:

доколе нам, за мужество и честь,
не знать ни званий, ни имён-фамилий,
которые у всех ошибок есть?

Гранита не достанет, чтобы высечь,
кто обречён был оставаться здесь
на смерть и плен — все восемьдесят тысяч
по берегам у мыса Херсонес.

И в девяносто первом нас не спросят.

Что мы, когда идёт ко дну страна?

И вновь на штурм подкатывает осень.

Но родина-то выстоять должна.

Её, как прежде, закрываем телом,

«Новороссийском», «Курском» и «Москвой».

И всё трубит в парадной форме белой
архангелов оркестр духовой.

НОСИЛКИ

Пока меж небом и землёй,
плотая гарь и пыль,
плывёшь ни мёртвый, ни живой
на сетке из стропы,
надеешься, что донесут.
И та, что родила,
тебя, как ангел, на весу
хранит в задымленном лесу,
сомкнувши два крыла.

Когда невоготу терпеть
отсутствие вестей,
шьют матери за сетью сеть
для раненых детей.
И сила каждого стежка,
работы рук и глаз,
неимоверно велика,
пока от смерти — два шага,
сейчас, боец. Сейчас.

Врачи и госпиталь — потом.
Всего важней — успеть.
И ангел слышит чей-то стон
и шьёт носилки-сеть.

Стропа. Машинка. Карабин.
Стежок. Ещё стежок.
Сынок, сынок, ты не один.
Мы смерти вас не отдадим.
Всё будет хорошо.

Поодаль бой, вплотную — боль.
И вдруг из темноты
проступят — светом над тобой —
знакомые черты.
На золотой, на тёплый свет
плыви, за жизнь держась.
А я молитву вознесу
за тех, кто тянет на весу,
за тех, кто первым спас.

Ты снова сможешь их обнять
и поблагодарить
за свет спасительного дня,
идуший изнутри,
за веру, за любовь, за труд.
Живи, живи, боец,
поскольку ангелы вокруг,
и золото родимых рук,
и золото сердец.

ПОПУТЧИК

Правил барышням носы:
лицевая хирургия.
Но мобилизован сын,
да и многие другие.

Поезд тронулся сейчас
от столичного перрона.
Он — за сыном, в ту же часть,
снявши бронь, надевши броник.

Полка верхняя. Уснул
моментально — это ж сколько
ехать через всю страну,
если с Дальнего Востока.

Вот она, в его глазах,
до Джанкоя от Амура.
Мне про сына рассказал
в Россоши на перекуре.

А с утра стонал во сне,
разбудив купе пораньше,
потому что на войне
и таким мужчинам страшно.

Сразу вскинулся, затих.
Говорил, что не голодный,
но за чаем на двоих
я делила бутерброды.

На прощанье помолчал.
Как добрался, вот узнать бы.
У него, военврача,
младший-то не медик — снайпер.

Будет верить, будет ждать
на другом краю России
женщина, жена и мать,
двух бойцов: отца и сына.

ПЕСНИ

Снова стон у нас песней зовут.
На разрыв — кто в тылу, кто в окопе —
вся Россия исходит на звук
под ударом единой Европы,

от прощания с мамой: сынок! —
до солёного, горького «братья», —
отдавая себя, кто как смог,
не за страх и награды не ради.

Хлещет горлом: поди перекрой,
словно реки ревут в половодье —
рокот гнева.
И страшен порой
полный ярости голос народный.

Так поют, за нетленное встав,
за отцом повторяя, за дедом.
Но однажды и наши уста
тихо вымолвят слово «Победа».

Вот тогда, отрыдав, отхрипев,
тишину обнимая за плечи,
мы вернём колыбельный распев
вековечной отеческой речи.

А пока не настал этот час,
серебрясь сединою ковыльной,
время горя вонзается в нас
и проходит навывлет.

С нами знамя Победы и Спас,
чтобы мы ничего не забыли.
Время боя взывает — за нас!
Время боли кричит через нас,
время
звучком
вонзается
в нас
и проходит
навывлет.

ГЕРМАН ТИТОВ

РУССКАЯ ЗИМА

Я знаю, есть края, где всё у края,
Где безответна смерть «на передке»,
Но жизнь иную музыку играет,
И белый свет — как снег в её руке.

Бывает так, что оставляют силы,
Что тьма вокруг, и продолженья нет,
Но есть февральский свет, и есть Россия,
А значит, не исчерпан и сюжет.

Пылает сталь, и плавится заварка,
Плывут на запад снежные поля,
Одесса ждёт, Ахтырка ждёт и Харьков,
А впереди — всё русская земля.

Февральский свет верней стихов и прозы,
Мудрей того, что обещал рассказ,
За нас — любовь, и вера, и морозы,
И эти звёзды вечные — за нас.

Всё, что казалось страшным и бессильным,
Всё, что сводило полночью с ума,
Всё отойдёт. Останется Россия.
Победа. Радость. Русская зима.

Барнаул, Лисичанск или Выборг,
Небеса, ностальгический свет.
Жизнь и смерть — слишком маленький выбор,
А иного в наличии нет.

А иное встречается где-то
Вдовьей тенью, в дыму, на войне,
На пределе дыханья и света,
На обугленной чёрной броне.

Эта даль, без конца и без края,
Незасеянной жизни поля,
Мы не встретимся больше, родная.
И порукою в этом земля

В самый муторный час до рассвета,
За Донцом, на юру, поутру.
От дождя не дождёшься ответа,
Мы, рождённые жить на ветру,

Всё простившие ради иного,
Не умеем любить взаперти.
И сражается русское слово,
На полсердца всегда впереди.

Поклонись невзошедшему стеблю —
Ради тех, кто, презрев вороньё,
Возвращает себе эту землю
И бессмертным ложится в неё.

Был я жив, а теперь — не знаю,
Но уже, наверно, привык.
Та страна, что могла быть раем,
Превратилась в мунковский крик.

Те слова, что были живыми,
Оседают в дымной пыли,
Остаются горе да имя
Перепаханной смертью земли.

В никуда упёрлись ступени,
Чёрных окон страшен музей,
И бредут по улицам тени
Навсегда ушедших друзей.

Быль бессильна, будто зубрёжка,
Неизвестной проги ярлык.
Мое сердце — здесь, под бомбёжкой.
Моя родина — русский язык.

ПАМЯТИ Б. Ч.

Не будет нам дома в Харькове —
 Не будет его нигде.
 Изогнутой тьме под арками
 Печальна весть о звезде.

Ушедшим нет оправдания,
 Зола не ведает зла,
 В рапиде рушатся здания,
 Где юность твоя прошла.

Не будет свободы давешней
 Ни здесь, ни там, ни внутри,
 Лишь чёрно-белые клавиши
 И мёртвые снегири.

Вершит самосуд история,
 Когда приходит война,
 И прячут огонь за шторами,
 Навек лишёнными сна.

Прикроет глаза метелица
 Безместной кровной тоской,
 Но тени всё ближе стелются
 На чёрствых камнях Сумской.

Сомненья стали ответами,
 И драма выглядит так,
 Как будто плывём к рассвету мы
 И прочь отступает мрак.

Это будет утро, конечно.
Ничего не видно в дыму,
Но я знаю, сбудется встреча,
Я тебя ещё обниму.

В облаках, за лесопосадкой,
Иссечённой сталью и тьмой,
За чертою миропорядка
Мы увидимся, милый мой.

Там уже не будет отсрочки,
Там не будет лжи и вины.
Мы тебя дожидались с дочкой
Десять лет проклятой войны.

Ничего, что нас у Попасной
Навсегда настиг миномёт,
Там уже почти не опасно,
Там почти никто не живёт.

Ничего, что ты этой ночью
Был английской пулей убит,
И отныне звезд многоточье
Для других над степью горит.

Файл остался в вечной загрузке,
Дождь идёт сквозь абрис лица,
Но бойцы говорят по-русски
И на том берегу Донца,

С двух сторон текущего фронта.
Не грусти, всё было не зря,
И чем тоньше нить горизонта,
Тем яснее наша заря,

Больше веры, счастья и боли,
И цены, что горестней нет.
Это будет русское поле,
И над полем — русский рассвет.

Главное, не вспоминать
Всё, что теперь не твоё:
Площади страшную гладь,
Харьковское вороньё.

Чёрную совесть ночей,
Окаменелый озноб
Улиц, и как бы ничей
Веры повапленный гроб.

Город глядит, не дыша,
Мимо своих похорон,
И у души ни гроша
Больше не спросишь, Харон.

Тут уж зови — не зови,
Небо в дыму, как в петле.
Всё — от несчастной любви
К этой несчастной земле.

Небо — пыльная лента лазури,
И полям уж золотыми не быть
В этот год. В Божьей архитектуре
Остаётся лишь воинский быт,

Чёрствый сон, проржавелая память
Меж разбитых фасадных камней,
И звучит светлой вестью над нами
Эхо будущих мартовских дней.

Говорил же Спаситель: «Ефаффа»,
Пусть огонь отверзает уста.
Жизнь в разлуке — подобие штрафа,
И безвидна земля, и пуста,

И черна, может быть, для того же,
Для чего у последней черты
Русский ветер победы, до дрожи
Размывающий наши черты,

Всё сметёт, что казалось виною.
Сквозь зрачки к небу выйдет трава,
И слова будут значить иное,
Если что-нибудь значат слова.

И зима, мой невольный соавтор,
Вспомнит, знаю, на самом краю:
Так свершается всякая правда
В этом Богом хранимом краю.

Не умрёт, но изменится
Этот мир навсегда,
В небо зимнее лестница —
Облака, провода.

Мир всегда возвращается,
Будет март, будет май,
Но ничто не прощается
Заглянувшем за край.

Здесь, на Пушкинской улице,
Одинок пешеход,
И деревья сутулятся
У разбитых ворот.

Будут ветры весенние,
Будет яблочный свет.
Будет утро рождения
Даже тем, кого нет,

Кто платил за грядущее
Самой кровной ценой.
Путь осияют идущие
Путь в отчизну длинной.

Всё длиннее путь до победы,
Только руку к ней протяни.
К сдаче Бреды песенки спеты,
И на сдачу — тёмные дни

Остаются, как бездорожье,
Главный бренд ушедшей страны.
Жизнь, наверно, кажется ложью,
Если смотришь с той стороны.

Ганнибал не явится в Канны,
Боливар не выдержит, брат.
Как дурак, стоишь со стаканом
У распахнутых Царских врат.

Это век поднимает веки,
Вот теперь ему и скажи:
Мы с тобой — последние греки
В окруженье новых хаджи.

Им до фени древнее братство,
Но хранит Ионии мгла
Нищевродских строчек богатство.
Память сердца — бензопила,

Режет всё, и слева, и справа,
Что ж, Психея, скоро домой.
Ищешь славы? Вся твоя слава —
Полынья дыханья зимой.

И кому нужна твоя треба?
Дым смешался с зимней зарёй,
Но всё больше русского неба
Над изрытой смертью землёй.

Иногда вспоминай обо мне,
Даже если уже и не нужно
Это всё в темноте, на войне,
И не вписана наша окружность

В настоящей реальности круг,
Книгу дней, череду антологий.
Только снег да берёзы, недуг
Расхворавшейся к марту дороги,

Только смерть рядовых, от и до,
Только то, от чего не отречься,
И давно превратились в ничто
Наши встречи с тобой и не-встречи,

Словно фото на фоне Невы,
Где всё смазано, зыбко, нетвёрдо,
И глядятся незрячие львы
В отраженья гранитного фьорда.

Кто не смог возвратиться назад,
Тот, по совести, собезначален
Петербургу, на тихий парад
Он выходит из каменных спален

И встречает ночной антураж,
Сны о медном своём государе,
И гвардейский его экипаж,
Лип торжественный строй на бульваре.

Словно тени текут на мосты
Всех, кого не вернуть, это просто
Золотые огни высоты,
Снегопада российского звёзды.

Их бессмертье сюда привело,
Пусть глядит горизонт исподлобья,
Но свидание наше светло,
Словно снег на священных надгробьях.

Был и Новый год, а ты не рада.
Над пологим лежбищем реки,
Над лебяжьим дном Санкт-Ленинграда
Тают голубые огоньки.

За наклонным памятником Блоку
Не сносить домам подножной тьмы,
Дождались мы исполненья сроков,
Только это всё уже не мы.

Пусть цветёт весна, её приметы —
Лепестки озябших чёрных луж,
Ведь и мрак есть продолженье света,
Кровью нарисованный картуш.

Нет иной награды, нет святыни
Большей. Никогда не кончен бой.
Кто погиб за Родину, отныне
Навсегда и с нею, и с тобой.

ХАРЬКОВУ

Забронируй сердцу броню,
Отогрей приточное слово.
Я вернусь к последнему дню,
Плоть и кровь — худая обновя.

Сон разлуки — наша судьба,
Распакуй архив с чудесами,
Оттого и вера слаба,
Что мы всё профукали сами.

Оттого глухи берега:
Батальон Бориса и Глеба
Перешёл на мову врага,
Ускакал в изустное небо.

И текут до устья слова,
Отражений плещутся клинья,
А со дна змеится трава,
Прирастая пленною синью.

Проводи мои корабли
По иссохшей медленной речке,
Вот и цель, вот солнце вдали.
Ну, прощай. Навеки. До встречи.

Жизнь изгнанника прозрачна на просвет,
Мне приснился мёртвый харьковский поэт.

Мне приснилась Зазеркальная струя,
Лужи скользкие, неровные края,

Тени смутные на самом дне пруда,
Ивы чёрные и чёрная звезда.

Так читаешь по губам обрывки слов,
По губам январских улиц и домов.

Ничего не остаётся на ветру.
Только свет, такой холодный поутру.

Остаётся где-то город мой родной,
А вот имя не припомню. По одной —

За помин его асфальтовой души.
А воскреснешь — не сердись, дружок. Пиши.

Теснят печали и беды,
И страшен девятый глас,
Но краткость — сестра победы —
Теперь воюет за нас.

Ничто у жизни не ново,
Лишь вера присно права,
И горы двигает слово,
Когда прицельны слова.

И в небе плаваются титры,
И радуг рвутся мосты.
Ноябрь смешает палитры,
Последних клёнов листы,

Развеянных жизнью стайки
В щетине мёртвых стеблей.
Нехай рождаются хайки
В золе вчерашних полей.

Господь восставит останки,
Отстроит рухнувший кров —
Прекрасны русские танки
На въезде в утренний Львов.

ДМИТРИЙ ТРИБУШНЫЙ

Звони, Донбасс обетованный,
На самый верх.
Пророки обещали манну,
А выпал снег.

Мужайся, город непорочный,
Где каждый дом
Проверен «градами» на прочность,
Крещён огнём.

На час открыли херувимы
Ворота в рай.
Гори, Донецк неопалимый,
И не сгорай.

Храни, Господь, беспутных птах,
С Небес не упусти.
Храни в присутственных местах,
С восьми и до пяти.

Храни, Господь, своих пичуг
На торжищах и за.
Прошу, не выпускай из рук,
Не закрывай глаза!

Храни троллейбус номер сто,
Забывший про откос.
Тот, где не думает никто
О гибели всерьёз.

Коль город стал передовой,
Храни передовых!
Пусть вечно ангел-часовой
Заботится о них!

1

У солдата выходной.
Пуговицы в ряд.
Это значит, что родной
Город не бомбят.

Это значит, что война
Кончилась для нас,
Даже если тишина
Длится целый час.

2

Тихо в омуте и в городе —
У солдата выходной.
Из убежищ вышли голуби
За бесплатной тишиной.

От Луны осталась рваная,
Неприкаянная часть.
И в неё орда незваная
Умудряется попасть.

Спит стрелок в далёком ельнике
В серебристой лунной мгле.
«Доживем до понедельника», —
Пишет дочка на стекле.

Над городом гуманитарный снег.
 Патрульный ветер в подворотнях свищет.
 «Убежище», — читает человек
 На школе, превращённой в пепелище.

У всякой твари есть своя нора.
 Сын человеческий может жить в воронке.
 Артиллеристы с самого утра
 Друг другу посылают похоронки.

Еще один обстрел — и Новый год.
 Украсим ёлку льдом и стекловатой.
 И Дед Мороз, наверное, придёт
 На праздничные игры с автоматом.

За сотни бед от Рима или Праги
По улицам гуляет красный смех.
Коты, клесты и прочие дворняги
Высматривают Ноя и ковчег.

Стоят берёзы в жёлтом камуфляже,
И в ватники укутаны дома.
Четвёртый водоём берёт под стражу
Бунтующая русская зима.

Знакомые из горнего чертога
Передают послания живым,
Но дал обет молчания пред Богом
Дежурный по Донецку херувим.

СТИХИ О СХОЖДЕНИИ ВО АД

Легко вернуться на Итаку,
Пройти сквозь ад.
Не все записанные знаки
В огне сгорят.

Но как спастись могиканам,
Когда их дом
Огнём зализывает раны,
Чужим огнём?

Врачи, уборщицы, шофёры
Добыли жизнь,
Спустившись ниже, чем шахтёры,
На самый низ.

По небу спутники и звёзды
Несёт амор,
А мы гуманитарный воздух
Крадём, как вор.

И Тот, Кто сочиняет жизни,
Когда воскрес,
Оставил горною отчизну.
Остался здесь.

Двухсотый день зимы. Мороз и арналёт.
Сегодня принимает Пролетарка.
И сквозь огонь и лёд счастливый звездочёт
Несёт в вертеп пакет с гуманитаркой.

Открылся райский сад для кошек и детей.
Над городом сгустились беспилоты.
Какой донецкий марш (послушай, Амадей)
Разучивают в парке миномёты...

Сто километров одиночества,
Сто пятьдесят,
А за окном зима-наводчица
Рисует ад.

Как будто жизнь со смертью дразнятся.
Здесь недалёт.
Здесь опоздала пятиклассница,
Вмерзает в лёд.

Кто на ходу теряет голову,
Кто на бегу.
Вот гражданин небесной Горловки
Уснул в снегу.

Не всё на свете перемелется,
Не всё пройдёт.
Мети, прицельная метелица,
Буди народ.

Кому — бессонница. Кому — ночной дозор.
Кто не успел уснуть — тому всю ночь тревожить.
Между мирами трещина, зазор,
И поздний ангел борется с прохожим.

Уснула ты, с тобой уходит дочь.
Отправлены последние молитвы.
Уснул Джон Донн, и некому помочь
Иакову, сорвавшемуся в битву.

В чужом бреду бреду,
бреду,
бреду
Погасли запредельные светила.
И снова прикасается к бедру
Суровая неведомая сила.

Воскресшие на третьей мировой,
Оплаканные пьяными ветрами,
Забывшие страной, проросшие травой,
Летящие, как мотыльки на пламя,

Зачатые на блокпостах в степи,
Отправленные в космос виртуальный,
Сорвавшиеся с золотой цепи
Для берегов отчизны коммунальной,

Упавшие наверх, взлетевшие на дно,
Стоящие упрямо, как мишени,
Зарытые в планету как зерно,
Для будущих счастливых поколений.

Ещё не умер ты, ещё ты не убит.
Бесплатный цирк бывает в мышеловке.
Смертееет рано. Зайцево не спит.
И ангел смерти бродит по Петровке.

Окраина считает до двухсот.
Так много нас на тесном белом свете,
Что если снайпер крайнего найдёт,
Статистика потери не заметит.

Не Ватерлоо, не Бородино —
Обычные расстрельные районы.
Здесь Пётр не рубил своё окно,
И сталкеры обходят эту зону.

АЛИСА ФЁДОРОВА

С неба сыпется Божий снег —
Из Аида приходят известия.
От крещенских святых холодов
Пальцы мойр сведены в троеперстие.

Сладко верить, но страшно веровать,
Что Голгофа — сухая быль.
Но склоняет цветущую голову
Терпсихора под епитрахиль.

И начертан на каждом челе
здесь Адамов закон человечности:
Бесконечность Христовой любви
и языческий страх бесконечности.

Потерпим до первого снега.
Даст Бог — заметёт по шею.
Пусть альфа сильнее омеги,
Омега зато слабее.

Омега — мой город. Омега.
Последний не станет первым.
Последний дождётся снега —
и станет белым.

«Не бойся, малое стадо».
Пусть платье твоё неопрятно —
Ты пахнешь, как нежный ладан,
И ангелам это приятно.

Омега мой одинокий,
Приляжем же на дорожку.
Над нами — Божье небо.
А в небе — созвездье Кошки.

А что от нас не отнимется?
Да всё что угодно отнимется.
Но небо над нами не кончится,
Не бросит земля-кормилица.
Дороги на всех хватит,
И пристаней, и порогов.
Хороших сестёр, братьев —
У Бога добра много.
У Бога детей много,
Без старшинства и рангов:
Для каждого чада — вечность.
И каждому чаду — ангел.
Так нам ли печалиться, глупым,
Что что-то от нас отнимется?
Ведь Бог-то над нами не кончится,
Не бросит земля-кормилица.

Унижен и изувечен.
Но не расчеловечен.
Голоден и обезвожен.
Но не обезбожен.
Топится адская печка.
Горячий от солнца и горя,
Мой город горит, как свечка
У Господа на престоле.

А ничего особенного не случилось.
И вот мы сидим на моей кухне,
На которую полстраны обвалилось,
А лампочка вспыхнула, но не потухла.

Вспомнить, что ли, как всё начиналось?
Никто ж не помнит. Ну, значит, представим,
что музыка пела, а потом оборвалась,
оркестр убит, дирижёр ранен.
Публика бестолковая — вроде нас с тобою,
Лишь бы в антракте в буфет протолкаться.
Протолкались — а там раздают обойму,
И можно выйти, но лучше — остаться.
И мы остались. Хотя вообще-то
Могли бы и выйти. Но что там, снаружи?
Жарко и солнечно, если лето.
Если же нет, значит, снег или лужи.
Снаружи шумно. Нас не забыли
Ни репортёры, ни живодёры.
Нас пожалели, нас полюбили,
Но мы не жертвы, мы хроникёры.
А значит, садись и записывай, что
В году, далёком от Рождества Христова,
Мы пока ещё живы, не снимаем пальто,
Ко всему и всегда готовы.
Укажи, что сегодня на ужин чай,
В нём лимон, на столе два банана.
Что будильник можно уже не включать.
Всё равно мы встаём рано.

Напиши, что на завтра опять мороз.
Значит, будут видны звёзды,
Значит, завтра займёмся просмотром звёзд.
Всё равно мы ложимся поздно.
Про трамваи, что ходят по расписанию,
Иногда опаздывают, но мы не злимся.
Что в голове куски из Писания
В тяжёлый клубок сплелись.
«Любите друг друга», «Не убий»,
«Почитай и мать, и отца».
Напиши, что здесь умеют терпеть —
Претерпевать до конца.

А в конце напиши, что Бог есть свет.
Мелким шрифтом, просто, без пафоса.
И пускай это будет на всё ответ.
Наш последний рубеж перед хаосом.

Нет, мы не жертвы, но бывает страшно,
Тогда неплохо бы помолиться.
Ты атеист или верующий — неважно.
Вот икона Нестора Летописца.

Знаешь, я ведь люблю тебя очень.
За то, что ты здесь, на моей кухне.
Дом хоть и старый, но очень прочный,
Дом ни за что не рухнет.

Я заклинаю свою землю —
Я знаю, она спит, она не убита:
Просыпайся, моя бедная
неприкаянная Атлантида.
Тебя заклинают в недрах твоих
Шахтёры-шаманы, в зубах варганы.
Они не спят, Молох не спит.
Тёмные бдят курганы.
Здесь ещё есть кому говорить
Языками твоими забытыми.
Даже в этой горькой воде
Держи глаза только открытыми.
Ох, я бы пела твои песни
Во все гигантские лёгкие шахт.
Только вдохни, пожалуйста, воздух —
И тысячи лёгких с тобой в такт.
Я обещаю своей земле,
Я — дочь её, молодая и неубитая:
Воскреснем, моя степная
израненная Атлантида.

ДМИТРИЙ ФИЛИППОВ

ТАНКИ

Танки идут на Запад!
Танки идут на запах
Сытых чужих квартир.
На запах укропа и мяты,
Сахарной русской ваты.
Танки идут на Запад,
Освобождая мир.

Сквозь бурелом, овраги
Танки дойдут до Праги
И до Берлина дойдут.
Смерти и горя мимо
Танки дойдут до Рима
Целы и невредимы.
Несокрушим их путь.

Танки заходят в Бахмут.
Им напоследок бахнет
Злая чужая «Мста».
В Бахмуте их встречают
Выжженным молочаем.
Им головой качают
Разрушенные дома.

На перекрестье улиц,
Там, где ветра, целуясь,
Свой умножают труд, —
Девочка ищет маму.
Мама помыла раму.
Танки глядят стволами
На девочку — и ревут.

31.01.2023

Ты мне пишешь, что выпал снег,
Бахромою укутав сосны...
Драгоценный мой человек!
Необъятный мой свет, мой космос!

А на улице... Вот бедлам!
И снежки, и замёрзшие слёзы.
По волшебным спешат делам
Захмелевшие дедморозы.

Ты мне пишешь, что каждую ночь
Просишь Бога явить нам милость.
Что вырастет без папы дочь,
Что тебе наша свадьба снилась.

Пусть зима и метели пусть,
Пусть молитвенник в изголовье.
Отвечаю, что я вернусь.
Я живой! Из Донецка с любовью!

11.02.2023

Солёный ветер, капли на руках,
Твои глаза, туманные спросонок.
Из моря вырастает Кара-Даг,
И мы — одно: ты, я и наш ребёнок.

И этот кадр цел и невредим,
Он тяжелей военного билета.
И мы с тобою отвоюем Крым
У прошлого, у памяти, у лета.

Но я сейчас пишу тебе о том,
Что вижу утром, выпрыгнув с КамАЗа,
Не Кара-Даг вдали, а террикон
Израненного минами Донбасса.

Что путь домой лежит сквозь смерть, сквозь снег,
И в этом не упрямство виновато.
Он не меняется из века в век —
Путь русского мужчины и солдата.

Но верь, душа моя, наступит срок,
Когда не будет ни тревог, ни страха,
И мы с тобою ляжем на песок
Под ласковою тенью Кара-Дага

И будем слушать, как шумит волна.
Из года в год, из века в век, по кругу...
И будем твёрдо знать, что жизнь дана,
Чтоб никогда не отпускать друг друга.

19.02.2023

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ

— Я однажды встану, и выйдет толк.
Обойду полмира в стальных башмаках.
Верным спутником станет мне серый волк,
Добрый меч заалеет в моих руках, —

Илья Муромец зло говорит во тьму.
Тьма хохочет, укрывшись за потолок:
— Если встанешь, то я за тобой приду,
Чтобы снова лишить тебя рук и ног.

И лежит богатырь на своей печи
Обездвижен, немощен, сир и слаб.
Басурмане чёрствыые калачи
Раздают на площади всем подряд.

Только шепчет упрямо Илья в бреду:
— Я не мир с собой принесу, но меч.
Соловей, паскуда, ведь я приду,
Чтобы взмахом поганый твой рот рассечь.

И прольётся кровь, и взовьётся дым,
Задрожат терриконы по всей степи...
Боже праведный, я твой сын,
Дай мне сил, чтобы ношу свою нести!

Но нахально свистит Соловей во тьме,
Льётся кровь тягучая через край.
И тогда приходит Господь к Илье
И говорит:
— Вставай!

02.03.2023

ПОЛЮД И ХЭМ

Полюд и Хэм остались на нейтралке,
На безупречном мартовском снегу.
Тела забрать хотели. Оба раза
Подняться не давали снайпера.
У Хэма дочка скачет на скакалке,
Полюд в порыве приобнял жену,
Нырнув рукой куда-то в область таза...
На фото все живые, как вчера.

И рюкзаки ещё хранят их запах,
Но смерть уже приподнялась на лапах,
Чтоб всё стереть, чтоб не осталось нас.
Ей помогают ночь, мороз и ветер.
Но верю я, что всех смертей на свете
Сильнее этот хрупкий снежный наст.

Пока он держит Хэма и Полюда,
Они незримо с нами и повсюду
След в след идут и источают свет.
Тот свет, что не бликует днём на касках,
Волшебный, из забытой детской сказки,
Где мама говорит, что смерти нет.

Весною снег, конечно же, растает,
Отдав окоченевшие тела,
И зазвучит мелодия простая:
Капли, мира, счастья и тепла.
Когда-нибудь им памятник поставят.
Когда-нибудь закончится война.

13.04.2023

ЗА ТЕРРИКОНОМ

Допустим, завтра кончится война
 И не начнётся Третья мировая.
 Тоску и копоть с наших лиц смывая,
 Зарядит тёплый ливень до утра.
 Что тебе снилось, девочка родная?
 Открой скорее сонные глаза, —

Я победил! И ты со мной незримо,
 Любовь твоя крепка и нерушима,
 Она меня от гибели хранит.
 Или хранила? Впрочем, всё неважно.
 По небу самолёт летит бумажный,
 И вновь звезда с звездой говорит.

Всё схлынет, как волна, и будет так:
 Закончится война (допустим, в марте).
 Водяное, Авдеевка, Спартак
 Останутся лишь точками на карте.
 Останутся зарубками в душе,
 Колючим сном, фугасом у дороги,
 Разрывом мины, схроном в гараже,
 Осколками рассеянной тревоги.
 Любимая, мир наступил уже,
 Родившись в муках на твоём пороге.

Не плачь, моя родная, не кричи,
 Я не привёз от Киева ключи
 И потерял в степи ключи от дома.
 И если даже я сейчас с тобой,
 Пью чай и удивляюсь, что живой,
 Я — там, остался там, за терриконом.

19.04.2023

РАЗГОВОР С БРАТОМ

Как вкусно пахнет этот день:
Весна, шампанское, сирень.
Я жду, пока обнимет тень
Проспекты Ленинграда.
Мой отпуск улетает вспять,
И дней примерно через пять
Мне отправляться воевать.
Так надо, брат, так надо.

И я живой, навеселе,
А ты уже лежишь в земле.
В сырой земле, в крошечной мгле,
Где нет вина и хлеба.
Но смерть, конечно, ни при чём:
Ты станешь солнечным лучом,
Прозрачным ледяным ключом,
Бескрайним русским небом.

От Питера до Кременной
Весь этот мир по праву твой.
Ты назови свой позывной,
В раю тебя узнают.

И даже если ты грешил,
То Бог тебя давно простил.
Там в рай разведку (я спросил)
Бесплатно пропускают.

Ты рос упрямым пацаном
(Спасибо матери с отцом)
И там, за Северским Донцом,
Не вздрогнул, не заплакал.
Лежал спокойный, как вода.
И задрожали города.
И дочь приёмная тогда
Тебе сказала: «Папа!»

Пять дней летят, как пять минут,
А возвращаться тяжкий труд.
Там пот и кровь, там люди мрут,
Там жизнь — дурная повесть.
Но, оглянувшись вдруг назад,
Я вижу твой упрямый взгляд.
Ты пригляди за мною, брат.
Бывай. Пошёл на поезд.

23.05.2023

КРЫМ

Господь любит сапёров, и Он посылает дождь.
Размыло поля, дороги, в чернозёме буксуют танки.
После выезда я лягу спать. Ты ночью ко мне придёшь
И до рассвета будешь читать хокку и танки.

О том, как прекрасен мир без войны и зла,
Как волшебно пахнет темя у нашей дочки.
Мне хочется, чтобы кривая нас пронесла
(Тебя и меня) вместе до крайней точки,

За которой лишь тёплый и первозданный свет...
С утра командир разбудит меня осторожно,
И мы пойдём туда, откуда возврата нет,
Откуда вернуться живым почти невозможно.

Но в это «почти» вмещается наша боль,
Наш дом и наш Крым, усиленные стократно,
Наш парк, а в парке — стрелиция, как пароль.
А это значит, я должен прийти обратно.

Утром солнечный луч поцелует твоё лицо,
И ровно за миг до того, как совсем проснуться,
Ты вспомнишь и парк, и Крым, и к дому крыльцо,
И то, что я живым обещал вернуться!

28.06.2023

«ТУМАНЫ»

Обычный стол, под ним БэКа.
Чаёк дымит в стаканах.
Бойцы играют в «дурака»,
Играют на «Туманы».

В 5:30 выезд. У хохла
Под носом ставить мины.
Бойцы играют в «дурака».
Напряжены их спины.

— Мы даму козырем побьём.
Ходи, чего ты жмёшься?
— А сколько карт?
— Ты по одной
Ходи, не ошибёшься.

Бойцы шумят, впадают в раж,
Ведь на кону — «Туманы».
Их рано списывать в тираж
И хоронить их рано.

Вожак остался в дураках:
— Я — спать, в 5:30 выезд.
И полколоды на руках.
И всё уже случилось.

День был наполнен духотой,
Тревогой, верой, жаждой...
Вожак приехал чуть живой:
Усталый, грязный, страшный.

Без силы рухнул на кровать
И, окружён друзьями,
Ругнулся в шутку:
— Мать-размать!
Чтоб я ещё раз сел играть
С такими шулерами.

07.07.2023

ВОЗВРАЩЕНИЕ

После работы хочется упасть,
Закрывать глаза, чтобы не видеть пасть
Священной смерти. Хочется пропасть, —
Желательно на несколько столетий.

Кидаешь в ноги грязный автомат,
Броню, одежду, каску... Всё подряд.
А заступивший суточный наряд
Сварганит чай, яичницу, котлеты.

Усевшись, будешь нехотя жевать,
Глазами точку в стенке прожигать,
Куришь, пуская кольца, и молчать,
Не понимая следствий и причины.

Потом, смыв грязь, ты позвонишь домой,
Наврешь, что у тебя был выходной...
Пока ты спишь, вернётся ангел твой
И снарядит пустые магазины.

11.07.2023

ЧЕБУРАШКА

На полке пёс, юла и неваляшка.
Я снизу вверх гляжу на всех людей
И верю в то, что добрый Чебурашка
Когда-нибудь найдёт своих друзей.

Мы во дворе играли в Робин Гуда,
Построив снежный замок за полдня.
И жили чудом, и дышали чудом...
Где этот мир? Где все мои друзья?

Клялись дружить до гроба, до потопа!..
Женёк в Донецк отправился. Домой.
С какой сейчас он стороны окопа?
Мне очень важно: с этой или с той?

Нас в девяностых крепко разбросало,
Но знаю точно, посмотрев назад:
Не плох солдат, что станет генералом,
Плох генерал, забывший про солдат.

И с нами все прочитанные книжки,
Все наши игры, весь священный хлам.
Ведь мы всего лишь взрослые мальчишки,
Воюющие за прекрасных дам.

Со мной Иван-царевич с серым волком,
Со мной Айвенго, Грэй и Д'Артаньян.
Из пулемёта бьёт по лесополке
Сам Питер Блад — пират и капитан.

Отчаянно воюют Цыган-Яшка,
Три мушкетёра, весь «Союзмультфильм»;
Мне спину прикрывает Чебурашка,
И это значит — я непобедим!

02.08.2023

ВОЙНА

Вчера мы размотали тот укреп,
Что выпил много крови и окреп,
Нажравшись смерти, ярости и боли.
А я хочу писать не о войне,
Быть вне общения орудий. Также вне
Молчания упавших в чистом поле.

Но за спиной истерзанный Донецк.
Он мне как брат погибший, как отец.
Стоит и курит в шаге от разрыва
Немецкой мины. А его глаза
Пытаются о чём-то мне сказать.
Прилёт... И снова смерть проходит мимо.

Война — дурная тема для стихов.
Снаряд и мина не прощают слов,
Произнесённых вдалеке от рая.
Чтобы её стихами отразить
И не соврать, и мир не исказить, —
Я вновь иду, весь мир в себя вбирая.

А вдоль дороги — трупы, страх и грязь.
И тут не пафос, тут прямая связь
Между душою, тьмой и чувством долга.
И я хочу писать не о войне.
Вот это всё кричит сейчас во мне,
Сидит неизвлекаемым осколком.

Но снова пуля чмокает сосну,
Я снова этой ночью не усну,
Разыскивая рифму по траншее.
И город за моей спиной не спит;
Он ждёт рассвета, курит и молчит.
И лес за промкой нежно розовеет.

15.09.2023

БОЙ У СЕЛА

Седой генерал,
Подумав, сказал,
Что мы принимаем бой:

«Приказ есть приказ.
И кто-то из вас
Точно вернётся домой.

Пусть сердце болит
Твоё, замполит,
Но будет тверда рука».

А парни стоят,
Курят, молчат
И снаряжают БэКа...

«Мясные» штурма.
Разбиты дома.
Противник силён и прост.

Крадёшься, как тать,
А надо бежать
И, двигаясь в полный рост,

20.09.2023

Дожить до утра.
Но мажет арта,
Работает пулемёт...

На штурм у села
Вся рота ушла.
Обратно вернулся — взвод.

В том мерзком бою
Остаться в строю
Не каждому повезло.

О нём в две руки
Напишут стихи
И, может быть, снимут кино,

Но сердце болит.
Убит замполит.
Такой у войны исход.

И рота в ночи
Лежит и молчит.
И словно чего-то ждёт.

ПОД АВДЕЕВКОЙ

«Мы умрём под Авдосом», — сказал мне на выходе смежник,
 Поглядев немигающим взглядом и руку подав.
 Будет солнце таким, как вошедший в столицу мятежник,
 И положит мне лапы на плечи век-волкодав.

Позывные оставшихся в поле у «Царской охоты»
 Утекают сквозь пальцы, но память хранит имена.
 Я не сплю по ночам и часто курю отчего-то.
 Я пока ещё жив. Я пока ещё жив. Я пока...

Как побитые птицы — идут, ковыляют по роте
 Те, с кем раньше шутил, собирая нехитрый багаж.
 Я и сам, как подранок, кричу, кувыркаюсь в полёте,
 Я как дрон-камикадзе, пикирую к «Царской охоте»,
 Чтоб на брющем врезаться точно в немецкий блиндаж.

Нас не надо жалеть, у военных другие замашки.
 Человек выживает не хлебом и страхом одним.
 Мне всю жизнь будут сниться Туманы, Мосты, Чебурашка
 И пропитанный смертью, горящий в огне Коксохим.

Пацаны из Москвы, Ленинграда, Донецка, Ростова
 Навалились на стену всей мощью натруженных плеч,
 Чтоб в осенней степи растворилась увядшая мова,
 Чтоб в Авдеевке вновь зазвучала русская речь.

«Мы умрём под Авдосом, — сказал мне на выходе смежник. —
 Или выживем. Тут как получится. Надо суметь».
 Этой ночью мне снился убийственно белый подснежник
 И буграми заросшая дикая дивная степь.

03.11.2023

За морями, за чёртовым колесом
Где-то спрятался в тишине наш дом.
Там «Утёс» — это просто высокий холм,
Ну а «Дашка» — всего лишь имя.

И от южных до северных тех морей
Отправляет страна по пятьсот рублей.
Просто так. Как копеечку для церквей.
Как сигнал, что нас ждут живыми.

Пусть густой туман укрывает нас —
Это значит, на небе не будет «глаз»,
Значит, группа до точки дойдёт за час
И укроется за домами.

У парней закружится голова,
Воздух сладким покажется, как халва,
Станут лишними, куцыми все слова.
Как об этом вообще — словами?

Только выдохнешь, сплунешь через плечо —
Вдруг разрыв... И ещё один... И ещё...
Сразу сухо станет и горячо,
Снайпер щёлкнет над ухом плетью.

Будет страхом и смертью плеватья лес,
И покажется, что настал конец...
И тогда Богоматерь сойдёт с небес
И укроет нас всех масксетью.

20.11.2023

НОВОГОДНЕЕ

И смерти нет, и дочка без меня
Уже не верит в Дедушку Мороза.
В Донцке на ветру не мёрзнут слёзы.
Здесъ плюс четыре вот уже три дня.

Наш полк на волевых идёт вперёд
(Точнее, то, что от него осталось).
И плечи гнёт смертельная усталость,
И завтра не наступит Новый год

Для пацанов, для тех моих друзей,
Что навсегда остались под Авдосом.
И Дед Мороз с румяным красным носом
Подарок не оставит у дверей,

Но мы сквозь грязь и снег идём вперёд.
Мы — русский мир огня, добра и хлеба!
И тот из нас, кто дольше проживёт,
Расскажет всем, как нам далась Победа.

ЛАУРА ЦАГОЛОВА

Чиркни спичкой, окопный окрасив быт
на секунды сусальным золотом:
полюбуйся, как иней на всём блестит
и пушится горбыль от холода!
Ельник в жиже мерцает, что мишура,
по ковру снуём из иголочек.
Можно с боем курантов втопить «Ура!»,
Можно падать с плацкартных полочек
в нашем Скором, который замедлил ход
и в укрепы упёрся адовы.
Можно мысленно выпить за Новый год
между встречными канонадами.

Чиркни спичкой! Нас меньше, чем день назад.
Переключка — как величание.
В эту полночь по ком-то слезят глаза...
И о чём-то... По умолчанию.

Здесь сегодня из самых насущных слов
только вводные от апостолов.
И как будто хватает на всех крестов...
И хватает крестам осознанных...

Перекурим — взбодримся, чего ещё?
Не кисейные, груботканые.
Чиркни спичкой! И каждый, кто освещён,
побратается с первозванными.
Наше здешнее время — из ряда вон,
отстреляемся за грядущее,
где сородичи заняли полигон
на пасхальных задворках Сущего:
проступают повзводно, крыла в крыла
справа-слева-стоящих впаяны.
Свет над ними такой, аж искрит зола
на батальных земных окраинах!
И не скажешь, что всякий был молодец
в прошлой жизни (она же маятник),
но предсказывал смерти «тебе конец»
каждый первый из приснопамятных.

Чиркни спичкой!

УПРЯМЫЙ МАРШ

Пути разведывает Бог
сквозь солнечную лупу.
Ведёт бои юго-восток
за каждый Мариуполь.
Пока накаркивает век,
что наша песня спета,
здесь каждый первый
... (имярек),
уверовал в победу.
Ещё побалуют стрижи
задором довоенным,
и чудом выжившая жизнь
споёт проникновенно.

Когда б не мы, тогда бы нас,
а дальше — без разбора.
На связи позывной «Донбасс»,
проверенный, который
Космодемьянского литья,
Маресьевской породы.
Бойцов святые жития
помножены за годы.
На прорву бед — один завет
носителей разгрузки:
«Обраткой тьме врубаем свет
и говорим по-русски!»

На иконе Родины
спелая слеза...
За благословением
сгрудился народ:

— Если по-хорошему
мне никак нельзя,
не взыщи, Печальница,
ухожу на фронт.

В пахоте ли лапотной,
в угольной пыли,
не пропащий будто бы,
лыком райским шит.

Возле троеперстия
вьются мотыли —
самые безгрешные
помыслы души.

Ухожу дорогою,
где погосты светятся,
там деды и прадеды
спелись покурить.

Где росу на доннике
в золотинках месяца
кони пьют, уставшие
степи боронить.

Присмотри за хатами.
Крепко ли намолены?
Заскучай над речкою.
Ею был крещён.

Повздыхай участливо
(до звезды лазоревой)
над Марией-в-бремени,
дремлющей ещё.

Не дождёшься ропота
тяготы стяжавшего.
С языка типун сошёл,
дело говорю:

— Не чурайся, Родина,
ты теперь за старшего!
Будет счастье свидеться —
отблагодарю...

У февраля своя метель,
свои пороги болевые,
свои отметки пулевые,
своих борений канитель.
В желаниях пожить ещё
мы, без сомнения, похожи
на этот месяц бездорожий,
в котором быт отягощён
работой по расчистке троп
от места жительства до Дома,
где все — родня, где всё знакомо
с тех самых пор, когда на лоб
легла прохладная рука:
«Крестить болезного бы надо!»
В квартире не было лампы,
но в слабом свете ночника
ты видел лирику теней
с помехами тревоги взрослой
и календарик високосный,
несущий службу на стене.
А над горячкою твоей
стоял заботливый хранитель...
— Вы чуда, милые, не ждите,
его встречают в январе
и воспевают по весне,
когда Страстная отрыдает.
Февраль чудес не предлагает.
Выходит, ясного ясней,
что врач их вам явить не сможет.

Да и чего тут врачевать?
Пора бы старчика позвать.
Он вымолить рукоположен.

И за окном сгущался снег,
оснеживая палисадник.
И жар крепчал...

... — Очнулся, ратник?
Да ты счастливый человек!
Пока тащил тебя, продрог,
всё чувство долга изморозил.
Скажи спасибо, что не бросил!
Когда тебя подхватит Бог,
но только, чтобы передать
швее из операционной...

Любовь к подранкам полусонным
приходит судьбы бинтовать.
И в детство прятать, там впотьмах
кадильница туман качает
и медный крестик надевает
на несмышлёного монах.

И всё опять белым-бело,
И двадцать лет до медсанбата.
И мама шепчет: «Боже Святой!»,
И палисадник замело...

Ты из обоймы судьбы не выпал.
Значит, грядёт полёт.

Галилеянам удить не рыбу
в плеске небесных вод:
этим помазанникам Вселенной
души солдат — улов.
Те, что добыты беспреткновенно,
горний обрящут кров.
Если не мерить горизонталью
времени вертикаль,
можно разжиться в часу фатальном
правом носить стихарь
после разгрузки, в которой сносно
было идти-на-вы
там, где с прибытком на травах росных
облачной синевы,
где от рождённых исходит святость
первого молока,
где даже сильным даётся слабость
греть на печи бока,
семечки лузгать, стругать свистули,
страхом переболеть...

Нас отливают в миру, как пули,
чтобы прошили смерть.

СОФЬЯ ЮДИНА

И Земля расскребала больные бока-океаны
Об осеннюю стыль, через круг начинала вновь,
И на рыночной площади девочка в платье драном
По рядам побиралась, а звали её Любовь.

И задумался Бог, за кого бы пристроить такую,
На кого бы оставить, приглядывал чтобы за ней,
Размахнулся и кинул на русскую передовую,
Мол, держите, ребята, у вас она будет целей!

И хранили её эти люди в крови и саже,
Их позорили, били, кляли и сжигали дотла,
Но любовь отовсюду вставала, из смерти даже,
Или не было смерти, а только любовь была.

СОДЕРЖАНИЕ

Александр Антипов	5
Дмитрий Артис.....	31
Мария Ватутина	47
Юрий Волк	59
Екатерина Годвер	75
Наталья Денисенко	83
Анна Долгарева	97
Игорь Караулов.....	123
Динара Керимова	135
Инна Кучерова.....	147
Влад Маленко	155
Дмитрий Мельников	185
Дмитрий Молдавский	205
Алиса Орлова	211
Александр Пелевин.....	235
Ксения Першина	247
Лада Пузыревская	249
Анна Ревякина	259
Амир Сабиров	283
Владимир Скобцов.....	291
Ольга Старушко	309
Герман Титов	331
Дмитрий Трибушный.....	349
Алиса Фёдорова	361
Дмитрий Филиппов	369
Лаура Цаголова.....	389
Софья Юдина.....	397